МАКСИМАЛИСТ

V

ТЕМА НОМЕРА:

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ЛЕТО 2012

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Пока верстался номер...

Пока верстался этот номер много разного произошло в России и по всему миру, много событий, подтверждающих мнение о том, что дальше будет только хуже. Под «хуже» мы понимаем стремительное приближение к очередному витку мирового финансового кризиса и нарастание политических репрессий. Теперь по порядку.

Ведущие экономисты сходятся во мнении о том, что глобальный экономический спад настигнет всех уже к 2013 году, если не раньше. И последствия этого кризиса могут оставить многих людей без средств к существованию. Урезание социальных программ происходит даже в благополучном в представлении наших соотечественников Евросоюзе, а новости об огромном государственном долге США ежедневно пересекают океан.

Граждан, божецаряхрани, РФ ожидает самый приятный сюрприз - вступление России в ВТО. С августа этого года начнётся необратимый процесс для экономики России, функционирование ее как члена Всемирной Торговой Организации. Очевидно, что прямым следствием этого станет скачек тарифов ЖКХ, рост безработицы и много других приятных вещей. Выгодно же это только экспортёрам сырья и транс-национальным корпорациям.

На политическом фронте также не без перемен. Декабрьское воодушевление масс потихоньку сменяется разочарованием (судя по численности последних митингов). Отчасти это может быть связано с сезонным фактором, но также, конечно, повлияла деятельность, или в данном случае, бездеятельность, лево-либеральной оппозиции. Согласие Навального занять важный пост в “Аэрофлоте” не могло не разочаровать часть людей, на свое горе поверивших в нового вождя с коррупцией. Да и то, что известная светская львица и телеведущая Ксения Собчак стала публичным котируемым лицом оппозиционной тусовки не могло не разочаровать нормальных людей.

Новый закон о митингах, и то давление, которое было оказано на утверждающих его депутатов явственно показало, что власти будут усиливать репрессии по отношению ко всем, кто попытается их компрометировать или уж тем более выступить против. Прошли аресты более 10 человек по делу о “болотной”, причем два человека были задержаны накануне согласованного митинга в поддержку политзаключённых “6 мая”.

И, конечно, феерически циничным “сливом” властей стала ситуация с наводнением в Крымске. Сложно разобраться, что именно послужило причиной наводнения, так как сейчас эта ситуация активно используется всеми силами и мусолиться в СМИ под разным углом. Но не вызывает сомнения тот факт, что чиновники за несколько часов до случившегося знали об этом, но не посчитали нужным известить людей. Они настолько зажрались, что уже не чувствуют необходимости признавать свою вину, губернатор Ткачев прямо заявил: «Что нам, по домам ходить и всех предупреждать, что ли?».

Скандал в связи с наводнением продолжается до сих пор. Так, недавно стало известно, что документ о введении чрезвычайной ситуации в связи выпадением обильных осадков в Крымске (официальная версия причины наводнения и его ужасных последствий) был сфальсифицирован.

В ситуации с Крымском порадовали, если можно так сказать, активисты-волонтеры, которым удалось соорганизоваться без каких-либо внешних сил. Люди открывали один за другим пункты приёма сбора помощи, находили добровольцев на машинах, отправляли автобусы волонтёров. Активисты смогли сработать слаженнее и эффективнее, чем МЧС. И главное, что сами активисты это поняли. Одним из распространённых твитов в первые дни после наводнения стал типа - “мы создали свое МЧС, скоро сможем создать и свое государство”. Власти были делегитимированы ситуацией с Крымском, их сметение проявилось в попытке ввести закон, регламентирующий деятельность волонтёров. Сама эта инициатива говорит о том, что власти боятся всех, кто пытается делать за них их работу. Ведь это доказывает, что самоорганизация эффективней авторитарной организации.

Другой новой фишкой российских властей стала ювенальная юстиция. Давление на активистов теперь стремятся оказывать через службы опеки, которые немедленно фабрикуют заявления соседей, данные о плохом обращении с детьми и т.д. Уже не одна активистка ещё с начала кампании по Химкинскому лесу столкнулась с тем, что если она продолжит свою деятельность, то может остаться без своих детей. Одна из последних историй связана с активисткой - фигурантом дела 6 мая, которая сейчас находится на свободе. Органы опеки пытаются настроить против нее соседей и грозят тем, что отнимут ребёнка. Ей постоянно приходится сталкиваться с угрозами в свой адрес, так что ей даже пришлось отправить ребёнка к отцу, с которым они не проживают вместе. Такое долгое отступление по поводу конкретной активистки связано с тем, что она же и явилась организатором главного пункта сбора помощи пострадавшим в Крымске на Смотровой площадке, который работал круглосуточно и собрал очень много средств для жертв наводнения.

Все это в совокупности с печальной ситуацией, которая складывается в сфере образования и науки, которую мы видим в связи с бесконечными маразматическими выходками РПЦ (а мы видим, что РПЦ имеет в РФ реальную политическую силу), и другими проблемами, которые мы не имеем возможности охватить в данном тексте, рисует нам довольно отчаянную картину. Но, надо отметить, что такое положение вещей больше всего провоцирует людей на совместные действия. Вопреки и несмотря на, социальное движение в России впервые за долгое время активизировалось. И если оно не сольётся, не пойдёт на поводу у либеральной и шушеры, то сможет стать реальной силой, которая встанет на путь формирования принципиально нового общества.

P.S. Дабы не терять марки задротов, значительная часть журнала, кроме рассмотрения событий, происходящих в России, посвящена материалистическому пониманию истории. Без которого, впрочем, грамотный анализ актуальных событий представляется нам невозможным.

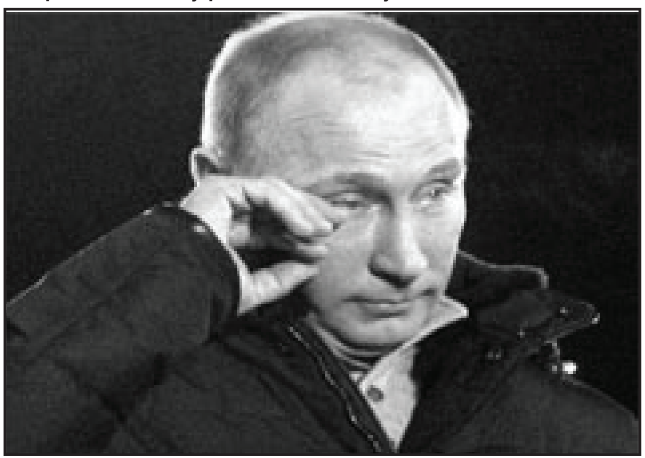
БЕЛАЯ ЗИМА

Предпосылки "белой зимы" и ее уроки

События в России, одной из самых социально-пассивных стран в мире, на рубеже 2011-12 годов довершили все сомнения: мировой капиталистический кризис спровоцировал всплеск народного недовольства и массовый социальный подъем во всем мире. Ближний восток, Западная и Южная Европа, Британия и США, теперь и страны СНГ — вот неполный перечень регионов, охваченный этим подъемом. И то, что остальные регионы скоро присоединятся к этой волне, не должно вызывать больших сомнений. Впрочем, говорить о мировой революции (тем более, о социальной революции) пока еще слишком рано, поэтому можно говорить о назревающей мировой революционной ситуации. Задача революционных социалистов сейчас — разобраться в том, что происходит и на основе этого понять, что делать. Для лучшего понимания этого начнем издалека — с того положения, которое сложилось в мире до кризиса и революционных потрясений. Заодно сразу же в начале статьи оговоримся, что ситуация развивается довольно стремительно, поэтому к моменту публикации могут произойти какие-то важные события, в статье неучтенные. При разборе политической ситуации и предложений по стратегии и тактике основное внимание статьи будет уделено России и СНГ, так как и автор и большинство потенциальных читателей живут именно в этом регионе.

Немного истории.

С нее придется начать, чтобы лучше понять текущую ситуацию и ее предпосылки. То есть кризис, состояние общества к началу кризиса, а значит и то, на какой почве приходится расти сегодняшним протестам и вызревать новому революционному движению.

Капитализм конца 19-го века мог показаться прогрессивным и довольно динамично развивающимся строем. С недостатками в передовых странах Европы и Северной Америки грозило расправиться социал-демократическое движение, недостатки периферии можно было списать на колониальную систему и неразвитость капитализма. Однако капиталистическое общество соткано из противоречий, которые проявились в виде глобального кризиса в первой половине 20-го века. Две мировые империалистические войны, Великая Депрессия и попытка пролетариев осуществить социальную революцию были сильным ударом по господству буржуазии, однако она его выдержала. Чтобы подавить на корню пролетарскую революцию, понадобилось триединство фашизма, сталинизма и буржуазной демократии — триединство, разбившее все революционные организации и полностью интегрировавшее реформистские профсоюзы и партии.

В экономической структуре, капитализм, чтобы сохраниться, также вынужден был претерпеть серьезные изменения. Ради сохранения своего класса буржуазия вынуждена была отказаться от части свобод в пользу централизованного государственного регулирования — на Западе это проявилось в виде кейнсианства, в СССР и подобных странах — в виде государственного капитализма. В организации производства сформировалась система фордизма-тейлоризма, краткую характеристику которой можно прочитать у Карла Хайнца Рота:

«*Характерными признаками тейлоризма, в различной мере выраженными в разных странах, являются: массовое производство стандартизированных потребительских благ как основа для относительно стабильного экономического роста, привязка рабочего класса к системе классового компромисса посредством массового потребления, высокая степень разделения труда и монотонности труда путем приспособления к машинным процессам, строгое организационное разделение планирования, подготовительных работ, изготовления и контроля над качеством, крайне иерархическая система контроля над рабочими, сдельная оплата в роли стимула.*» [1]

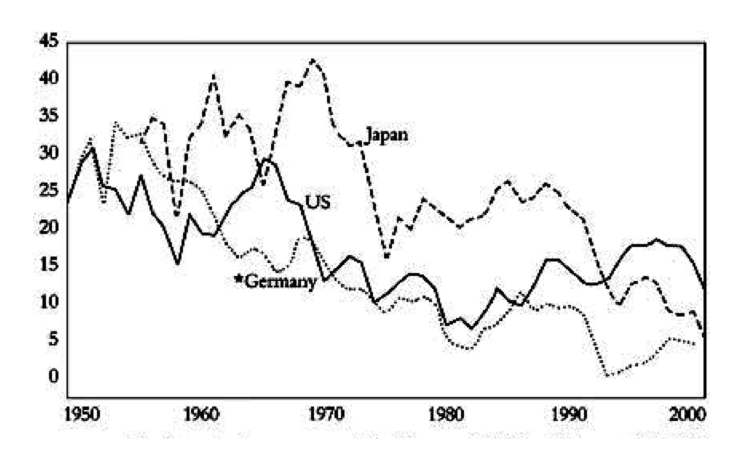
Фордистская система начала складываться еще до революции 17-го года, но ее полное внедрение произошло в межвоенные и отчасти послевоенные годы.

Чтобы успокоить пролетариев, нужен был классовый компромисс, предоставлявший рабочим гарантированное выживание и доступные базовые услуги — жилье, медицину, транспорт, образование. В странах Запада для трудящегося стало нормой иметь автомобиль, дом или квартиру с основными удобствами. В догоняющем СССР большинство рабочих получило городские квартиры с водопроводом, газом, электричеством — что по сравнению с бараками времен царизма было большим достижением. Безработица в СССР была ликвидирована (хотя и косвенно проявлялась в виде непроизводительной занятости), в странах Запада существовали достойного уровня пособия по безработице.

Другим средством самосохранения капитализма стало его развитие вширь, за счет экспроприации и пролетаризации крестьянства, индустриализации и модернизации производства в периферийных странах, вынужденных догонять Западную Европу и Северную Америку. Первым в 20-м веке на этот путь встал «Советский» Союз, позже присоединились Китай, Куба и многочисленные национально-освободительные движения, а так же где-то фашистские, а где-то буржуазно-демократические режимы, все с той или иной интенсивностью выполнявшие объективную функцию буржуазной модернизации. Так, если в течение 19-го века доля городского населения в мире выросла с 5% до 13, то за 20-й век и первое десятилетие 21-го «мировой город» сравнялся по численности с «мировой деревней» [2]. В России же, если сравнить данные переписей населения за 1898 и 2010 годы, городское население возросло с 13.4% до 73.7%.

Думаю, нет нужды доказывать, что подавляющее большинство горожан сейчас — это именно неруководящие наемные работники - то есть пролетарии, учащиеся и пенсионеры — то есть пролетарии будущие или бывшие, или полупролетарии, чередующие наемный труд с безработицей, криминальными доходами, мелкой торговлей товарами и услугами, натуральным хозяйством, помощью родственников. Система государственного образования-воспитания, фаст-фуды и столовые, а так же технические новшества вроде стиральных машин, позволили большинству женщин перестать быть домохозяйками и стать наемными работницами — что также увеличило процент наемных работников, интегрированных в капиталистическую систему.

Как известно, главная «болезнь» капитализма — это перепроизводство[3]. Зарплата рабочих всегда меньше, чем стоимость произведенного ими товара — иначе капиталисту просто не было бы смысла организовывать фирму. Но на эту зарплату рабочие не могут купить всего товара, а значит, остается лишний товар. Этот лишний товар накапливается, капиталист не может его распродать, чтобы не разориться снижает зарплату рабочим, в результате чего кризис углубляется, и так далее. В реальности капитализм пока находил пути выхода из кризиса перепроизводства — например, это был поиск новых рынков сбыта, куда можно вывести лишний товар, уничтожение товара (во время Великой Депрессии, например, в море выбрасывалась «лишняя» еда, в то время как многие погибали от голода), война (так же уничтожающая товары, средства производства и ставших «ненужными» наемных работников).

Падение нормы прибыли в мире

Другая тенденция развития капитализма — это понижение нормы прибыли. Она заключается в том, что с увеличением постоянного капитала (то есть средств производства), доля переменного капитала (то есть наемного труда) становится все меньше. Так как только наемный труд создает прибавочную стоимость, а значит и прибыль для капиталиста, то норма прибыли — отношение прибыли к затраченному капиталу — понижается с течением времени. Чтобы нейтрализовать эту тенденцию, капиталистам приходится сокращать расходы на рабочую силу, а значит, вести наступление на трудящихся.

Капитализм смог стабильно развиваться, двигать научно-технический прогресс и давать наемным работникам определенные социальные права лишь в течение примерно 30-ти лет. И происходило это лишь благодаря интеграции некапиталистических рынков, пролетаризации миллионов крестьян, а так же из-за страха буржуазии перед революционными потрясениями. Уже к концу 60-х годов капитализм входит в новую череду кризисов и обостряется классовая борьба. Пролетарии все больше начинают протестовать против фордистской системы эксплуатации - по всему миру проходят бунты и забастовки. Однако, пролетариат развитых стран оказался слишком сильно связанным профсоюзами и левыми партиями, интегрированными в капиталистическую систему. В итоге, буржуазии удалось подавить протесты и начать контрнаступление. Эпоха социального компромисса закончилась, наступила эпоха триумфального шествия Капитала — шествия прямиком к гибели.

Дивный новый мир.

Нынешний кризис и сопутствующая ему революционная ситуация являются последствием длившегося в течение последних 40 лет экономического цикла. Изменения, произошедшие за это время сформировали сегодняшнюю экономику и нынешнее общество таким, каким мы его можем наблюдать.

Освободившись от необходимости социального компромисса, буржуазия начала вывозить капитал в страны «третьего мира» (в основном азиатские и латиноамериканские). Рабочие там были гораздо беднее, менее требовательны к зарплате, а государства не должны

были изображать гуманизм и демократию, и могли беззастенчиво подавлять все протестные выступления. Произведенные по низкой себестоимости в периферийных странах товары, продавались по высокой цене в странах центра, за счет чего и извлекали прибыль корпорации.

Результатом стала стремительная индустриализация многих стран третьего мира и деиндустриализация Западной Европы и США. Впрочем, трудящиеся в странах третьего мира не особо выиграли от этой индустриализации. Экономический рост приводил не только к появлению буржуазии, немногочисленного среднего класса и небоскребов, но и к росту неравенства и трущоб, выселению крестьян с земли, потогонных производств, детского труда. Если же бедные начинали требовать лучших условий для себя, капитал перемещался в соседние страны, оставляя тысячи людей без работы.

В «первом мире» в результате неолиберальных реформ и деиндустриализации так же увеличился уровень бедности, выросла безработица. Значительная часть населения оказалась занята не в производственном секторе, а в сфере услуг и финансовой сфере. Все это сопровождалось разрушением связей в среде промышленных рабочих и значительному ослаблению их в классовой борьбе. К тому же, рабочие за годы социального компромисса стали слишком зависимы от реформистских «коммунистических» и «социалистических» партий и профсоюзов, не способных противостоять наступлению Капитала.

Во время неолиберальных реформ происходит так же приватизация предприятий. Точнее, приватизировались только доходные предприятия — расходы же наоборот перекладывались на все общество. В таких условиях государства стремились сокращать социальные расходы как можно сильнее, но не расходы на полицию и армию. В итоге реформ государства практически утратили функцию социального обеспечения населения. Они превратились в полицейские участки, конкурирующие на мировом рынке за инвестиции — кто дешевле продаст рабочую силу и обеспечит ее покорность, тот получит больше инвестиций.

Правда, нельзя не отметить одно положительное явление. Необходимость быстрого перемещения капитала привела к необходимости быстрой обработки и передачи информации. Все это приводит к появлению и распространению компьютеров, мобильных телефонов и интернета, которые еще могут сыграть свою важную роль. Однако, несмотря на бурный рост информационных технологий, нельзя повторять за буржуазной пропагандой, говоря о «постиндустриальном обществе». Производство практически полностью осталось индустриальным по своему характеру, а автоматизированные предприятия являются скорее исключением из правил. Нынешнее общество скорее можно назвать сверхиндустриальным — почти все сферы жизни и специальности организованы по принципу фабрики. Сфера услуг, образование, офисная работа транспорт, жилье, потребление — все по своей организации подражает индустриальному производству. Сама же информационная сфера, несмотря на бум 90-х, занимает достаточно малую нишу.

Об этом пишет Жиль Дове:

«*В отличие от автомобильной индустрии пятьдесят лет назад, (ныне убывающий) успех «Новой Экономики» (8% экономики США) не может потащить за собой остальные сектора экономики. Способность информационных технологий оживить производительность (и общество), как до них это сделали паровой двигатель, а за ним электричество и двигатель внутреннего сгорания, всё ещё не доказана. Вплоть до сегодняшнего дня, они так и не стали движущей силой новой эры. Ускорение всего не всегда совпадает с увеличением стоимости. Если*

мы сравним автомобильную и компьютерную индустрии, автомобильные производители извлекли максимум из довольно медленного технического прогресса и смогли даже ещё больше замедлить его, когда им это было на руку. Информационные индустрии, с другой стороны, часто дают волю техническим новшествам и в то же время растрачивают стоимость.

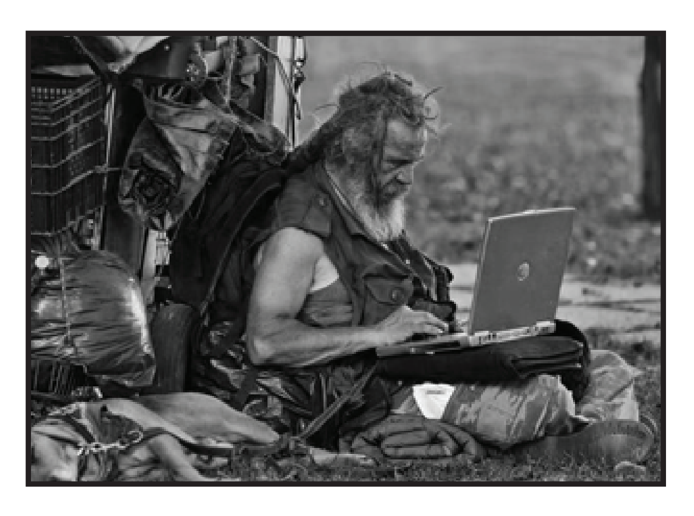
Ограниченность Новой Экономики ещё проще различить в Европе и Японии. Во Франции, доля Новой Экономики занимает вдвое меньше, чем в США (4% ВВП), и эта пропорция не изменялась с 1991-го по 2000-й. Германия и Япония обладают гораздо более низкой нормой продуктивных инвестиций, чем США, и меньшая часть идёт на новые технологии.

Замена труда капиталом ещё не привела к соответствующему увеличению в глобальной экономической эффективности. Оно может произойти, только если новое накопление капитала сможет увеличить эффективность всех (или большинства) производственных процессов и дать начало новому образу жизни и потребления, иными словами обеспечить видоизменение отношений между наёмным трудом и капиталом в глубоко видоизменённом обществе.» (4) (5)

СССР и Восточная Европа сначала держались особняком. Но для СССР благосостояние в брежневский период было куплено уже не столько развитием, сколько все большей зависимостью от иностранного капитала — в виде нарастания внешнего долга и продаже сырья по высоким ценам. Уже при СССРовском госкапитализме Россия подсела на «нефтяную иглу»! Большая бюрократическая инерция тормозила неолиберальные реформы, но когда они все-таки произошли, то были сокрушительными. Переход к частному капитализму привел к грандиозному развалу экономике, подавляющему росту нищеты населения, военным конфликтам. Те же явления, что происходили на Западе, в России были ускорены и усилены в несколько раз.

Капиталисты, которые потом будут говорить о «нажитых потом и кровью миллиардах», были тесно связаны с криминалом. В надежде стать капиталистами, в бандиты массово стремилась и пролетарская молодежь. Деиндустриализация носила катастрофический характер. Численность промышленных рабочих резко сократилась. Молодежь бежала с фабрик. Огромная инфляция, мошеннические спекулятивные пирамиды, стремительный рост люмпенизации, алкоголизма и наркомании. Трудящиеся не могли стоять за свои права, так как все были озабочены только физическим выживанием.

В нулевые произошла некоторая стабилизация благодаря высоким ценам на нефть. Разрушение производства остановилось, так как стало возможным получение прибыли за счет эксплуатации готовых на любой труд пролетариев. Но производство так и осталось в упадочном состоянии и не смогло вернуться к положению 90-го года. Наступление на оставшиеся социальные гарантии продолжилось, был принят закон о монетизации льгот, антирабочий трудовой кодекс. Росло социальное расслоение между богатыми и бедными и между депрессивными и экономически активными регионами. Миллионы людей вынуждены были ездить из регионов и стран СНГ на работу в центры капиталистического накопления. Из-за высоких спекулятивных цен на жилье, многим приходилось брать закабаляющую ипотеку. В норму вошли репрессии против оппозиционных, социальных и трудовых активистов. В целом, хотя и не было резкого падения, но наблюдалось медленное гниение российского капитализма. (6)

Рост бедности, сокращение среднего класса, а значит и уровня потребления, в развитых странах не компенсировались появлением сравнительно небольшого среднего класса в новых индустриальных странах. Все это приводило лишь к тому, что кризис перепроизводства только усугублялся. Обезземеливание миллионов крестьян и переселение их в городские трущобы сокращало нетронутые (или малозатронутые) капитализмом хозяйства. Все это только усугубляло упадочный характер капитализма.

Наконец, говоря о современной экономике, надо сказать о росте роли финансового сектора. В условиях перепроизводства товаров вкладывать деньги в производство становится менее выгодно, чем в финансовые спекуляции. И причина здесь не в «жадности банкиров» а в функционировании капитализма — деньги идут туда, где больше возможность срубить легкую прибыль. Оборот капитала в финансовом секторе в десятки раз превышает оборот капитала в производстве. Государства влезают в долги, затем в новые долги, чтобы расплатиться со старыми, и так далее. То же самое приходилось делать и обычным потребителям - как бедным, так и принадлежащим к таявшему среднему классу. Спекулятивный рост был не причиной кризиса, но следствием упадочного состояния мирового капитализма.

Капитализм сам рыл пропасть, и чтобы упасть в нее, достаточно было толчка в виде лопнувших финансовых пузырей.

Первые отголоски мирового кризиса были слышны уже на рубеже тысячелетий. Тогда финансовый крах поразил рынки Юго-Восточной Азии в 97-м, России в 98-м, в Аргентине в 2001-м, и крах высокотехнологичных рынков в США в том же году. Тогда капитализм смог быстро восстановиться, однако ненадолго — в 2007-м году разразился ипотечный кризис в США, который потянул за собой всю мировую экономику. С тех пор весь мир вошел в непрекращающуюся до сих пор череду финансовых и экономических обвалов. Мы не будем подробно описывать все этапы кризиса, а сошлемся на другие статьи (7).

Достаточно сказать, что по своей силе кризис уже обогнал все происходившие до этого экономические потрясения, даже Великую Депрессию 1929-го года. Географически он затронул практически все страны (кроме разве что автаркичной Северной Кореи, которая правда сама уже давно находится в ужасном экономическом состоянии). По времени уже прошло почти пять лет с начала кризиса. И хотя сейчас наблюдается временная стабилизация, многие экономисты пророчат вторую волну кризиса, причем обещают, что она будет даже более глубокая, чем первая. (8)

Россию кризис так же затронул очень сильно, хотя может и не так разрушительно, как некоторые другие страны. ВВП России в 2009-м году снизился на 7.9%, что было худшим показателем среди стран G8. На спасение крупных предприятий было потрачено более 6 трлн рублей(!) (9). Благодаря распилу средств, число миллиардеров в списке Forbes в России удвоилось, а по общему числу миллиардеров страна вышла на второе место в мире после США. При этом под вопли об «экономии» был принят закон об «автономных учреждениях» - ФЗ-83, ставящий под угрозу бесплатное образование и медицину. Пенсионный фонд находится на грани банкротства. На этом фоне очень смешно смотрятся заявления высших чиновников, о том, что Россия дескать благополучно пережила кризис.

Новый пролетариат и возрождение классовой борьбы

Говоря об упадочном развитии (да-да, именно так) капитализма, нельзя не сказать о том, какие изменения претерпел основной класс общества — пролетариат. После краха СССР, буржуазные идеологи долго и настойчиво твердили о том что пролетариат исчез, а если и остался, то только на обочине цивилизованного мира, о том что классовая борьба — кошмар из далекого прошлого, о том что революций больше не будет и наступил «конец истории». Однако реальность оказалась другой — пролетариат не исчез, а наоборот «вернулся». Не то, чтобы он куда-то исчезал — неруководящие наемные работники уже давно составляли большинство населения в странах «первого» и «второго» миров. Но вернулся пролетариат, которому «нечего терять, кроме своих цепей» - беднота, люди, вынужденные оставаться в роли исполнителей всю жизнь, не имеющие шансов на превращение в добропорядочных буржуа. Пролетаризация стала неизбежным следствием

деформирования социального государства и упадочных тенденций в капитализме.

Надо сказать, что пролетарии в развитых странах атомизированны— в условиях буржуазного общества эксплуатируемые не имеют возможностей для создания прочных горизонтальных связей. В результате мы видим преобладание индивидуализма, что зачастую осложняет ведение классовой борьбы. В России атомизация проявляется в особо сильной форме — здесь «благодаря» сталинскому террору, брежневскому патернализму и ельцинскому рыночному беспределу все люди научены верить только самому себе или всесильному государству и не доверять окружающим. Следствием этого является то, что борьба очень часто происходит стихийно — резко вспыхивает и резко идет на спад. Добавим, что пролетарии стран недавно ставших на путь индустриального развития еще не успели атомизироваться, и являются гораздо большими коллективистами, чем пролетарии старых индустриальных стран.

Какие можно выделить группы среди современных угнетенных? Это квалифицированные работники, в том числе компьютерных областей, относительно привилегированные по сравнению с другими слоями; офисные работники; низкоквалифицированные работники, в основном молодые, с негарантированной занятостью, работающие в основном в торговле и сфере услуг; промышленные рабочие — «классические» рабочие, положение которых правда сильно изменилось за последнее время; рабочие мигранты, занятые наиболее низкоквалифицированным трудом; самозанятые работники, работающие формально на себя, однако так же зависящие от экономических условий; пролетаризируемые крестьяне, которых выгоняют с земли государства и корпорации как физическим насилием, так и экономическими мерами; студенты, безработные и пенсионеры — их хотя и не эксплуатируют посредством наемного труда, но эта эксплуатация либо происходила в прошлом, либо еще будет происходить.

За последние 20 лет накал социальной борьбы в целом возрастал. Чем ближе к кризису, тем чаще вспыхивали различные выступления в совершенно разных по своему устройству странах. Начиная с 2008-го года, когда произошел финансово-экономический кризис, борьба не прекращается, переходя из одного региона в

другой. Борьба принимала разные формы, и можно кратко вспомнить основные эпизоды этой борьбы.

Крестьянское повстанчество в странах третьего мира — такие движения, как сапатисты, наксалиты, другие маоистские и геваристские движения, крестьянские бунты, например в Китае, отчасти движение безземельных в Бразилии, отчасти наверное даже исламистское подполье. В целом характеризуется большой зависимостью от авторитарных или реформистских сил и региональной замкнутостью. Преодоление этого будет возможно, скорее всего, только с оживлением движения городской бедноты и налаживанием контактов крестьян и рабочих.

Стихийные восстания в странах третьего мира, такие как например бунты в Ираке в 91-м, в Албании в 98-м, Алжире 2001-м происходили стихийно, но во время них страна (или ее часть) оказывалась под контролем общих собраний трудящихся. Но лишь на время — после этого правящий класс приходил в себя, а движение шло на спад, что приводило к поражению. Такое сочетание здоровой классовой ненависти и ограниченности вследствие стихийности вообще характерно для многих протестных движений позднего капитализма.

Рядом стоит отметить стихийные бунты в развитых странах в бедных районах, пригородах, гетто. Таковы например события в Лос-Анджелесе в 1992, в Париже в 2005-м, Лондоне в 2011-м. Здесь бунтует пролетарская и полупролетарская молодежь, зачастую представленная безработными, промышляющими мелким криминалом людьми, многие из которых являются детьми мигрантов. Здесь важно отметить во-многом нигилистический характер этих протестов — участники зачастую не выдвигали никаких требований к властям, а просто поджигали полицейские участки, экспроприировали товары из магазинов. Эти бунты очень напугали буржуазию, что она пыталась навесить на них кучу лжи, обвиняя участников в исламизме, расизме. Это конечно не так — наоборот именно во время таких событий люди разных национальностей объединялись вместе, а во Франции «исламисты» поджигали мечети. В целом, здесь так же бросается в глаза стихийность событий.

Радикальная рабочая борьба сейчас свойственна больше новым индустриальным странам. Здесь можно отметить Южную Корею и Китай, другие страны Южной и Юго-Восточной Азии. Здесь, в отличие от развитых стран, происходила индустриализация, а не деиндустриализация. Поэтому молодые рабочие сохранили коллективистские черты,что придавало им силы в забастовках. Хотя стоит отметить, что в развитых странах тоже происходили радикальные рабочие протесты — например во Франции очень часты были захваты начальства, а во время одной из захватных стачек рабочие угрожали взорвать завод, если им не пойдут на уступки. Но все-таки, рабочие развитых стран пока еще гораздо сильнее зависят от реформистских профсоюзов, по сравнению с новыми индустриальными странами.

Из других важных событий предкризисного периода стоит выделить еще несколько событий. Восстание в Аргентине в 2001-02 гг было достаточно радикальным не только по уровню борьбы, но и по идейному содержанию, с экспроприацией рабочими заводов. Движение «антиглобалистов» в Европе и Северной Америке, хотя и очень реформистское по требованиям, но массовое и с участием леворадикального крыла. Наконец, буржуазно-демократические революции в СНГ, получившие название «оранжевых», взятые полностью под контроль оппозиционными буржуазными силами.

С началом кризиса начинается массовый подъем борьбы в огромном количестве стран. Первой привлекла внимание всего мира Греция — начиная с декабря 2008-го и по сей день в ней продолжается протестное движение. Начало положил бунт молодежи, возмущенной убийством полицейскими 15-ти летнего парня, но в последствии в движение оказались вовлечены практически все угнетенные слои общества. Протесты периодически продолжаются и сейчас - прошло три года, а Греция еще бунтует. Но несмотря на бунты, правительству удается продавливать свои решения. И несмотря на активное участие анархистов, протесты еще пока не могут выйти за рамки реформистских требований против мер экономии. С одной стороны, большинство анархистов занято столкновениями с полицией и поджогами, а не пытается участвовать в каких-то местных инициативах, с другой стороны сталинистская Компартия и подконтрольный ей профсоюз ПАМЕ не особо заинтересованы в эскалации конфликта, предпочитая сводить все к очередным митингам и 48-часовым забастовкам. Те же местные инициативы, которые организуются греческими жителями, социальными анархистами и близкими к ним левыми, для «широкой публики» гораздо менее известны, хотя именно за такими инициативами может быть будущее движения. (10)

Помимо Греции, на рубеже 2008-09 годов происходят протесты в Исландии, вызванные банкротством финансовой системы страны и сравнительно небольшие волнения в странах Прибалтики и в Молдавии. Гораздо более радикальное восстание произошло летом 2009-го в Иране — ради интереса можно привести цитату, характеризующую ситуацию в Иране на тот момент:

«Выборы, проходившие в самый разгар кризиса, должны были заново легитимизировать режим. Ахмадинежад представлял себя в своей предвыборной кампании, как защитника бедных,

выступающего против богатой элиты. Первое время молодёжи даже позволялось устраивать протестные собрания. По телевидению между оппонентами шли дебаты. Но к началу июня эти дебаты вышли из под контроля, а собрания на улицах превратились во внушительные демонстрации протеста. Стало ясно, что выборы могут закончится поражением Ахмадинежада. Люди всё чаще использовали предвыборную кампанию и растущую гражданскую активность для своих целей. К ним присоединились и те, кто вообще не хотел участвовать в выборах, а также представители беднейших слоев населения.....

На время возникло пространство свободное от репрессий. Но оно должно было исчезнуть после выборов вне зависимости от того, кто победит.
Но потом протест стал таким массовым, что его стало невозможно просто так остановить после выборов. Протест всё чаще фокусировался на экономических и социальных проблемах, таких как инфляция, и, в конце концов, поставил под сомнение всю существующую систему.» (11)

Тогда властям удалось подавить восстание, как позже удалось подавить и восстание в 2011-м, возникшее на фоне «арабских революций». Но в целом, именно с Ирана началась цепочка антидиктаторских выступлений.

Эта цепочка продолжилась с новой силой с конца 2011-го года — тут восстания, получившие прозвище «арабской весны», охватили уже целый регион. Хотя формальная смена власти произошла лишь в четырех странах, значение «арабской весны» для современной истории трудно переоценить. (12) Ведь главное значение для нас не в смене правительств — в этом по большому счету нет ничего хорошего, как и ничего плохого. Главное значение в социальных корнях революции, ведь благодаря им все угнетенные почувствовали ,что могут не только пассивно принимать свою участь, но и активно реагировать на несправедливость, бунтуя и восставая. Это, конечно, только начало пути, ведь от бунтов до социальной революции лежит еще огромная пропасть. Но без осознания своей силы нельзя и осознать возможности применения силы для своих, а не чужих целей.

Восстания в арабском мире спровоцировали уже цепочку выступлений по всему миру — сыграл роль как моральный пример, так и давление на мировые рынки, усиливающие нестабильность в экономике, которая итак в кризисе. К сожалению (точнее, к счастью — ведь нельзя не радоваться такому масштабному подъему) за всеми событиями просто не хватает времени внимательно следить — не то что глубоко анализировать. Самые яркие события, которые вспоминаются сходу (кроме стран СНГ — о них речь пойдет ниже) — это протесты против пенсионной реформы во Франции, движение «за реальную демократию» в Европе и Occupy в США, беспорядки в Британии, выступления студентов в Чили, коренных народов в Перу, всеобщая забастовка в Боливии, бунты и «дикие» забастовки в Китае и многие другие эпизоды ставшей уже повсеместной борьбы.

Что можно сказать обо всех протестах? Прежде всего то, что большинство участников выступлений — это угнетенные из разных слоев — пролетарии и полупролетарии. Те, кто был забит капитализмом и государством в течение последних десятков лет (а во многих странах нынешние выступления — первые за все это время), чья жизнь постоянно ухудшалась или в «лучшем» случае не улучшалась. Те, кто постоянно подвергался насилию и унижению от начальства, полиции, чиновников. В общем, людей допекло за все эти годы, а экономический кризис стал последней каплей.

Но, несмотря на социальные причины протестов, движение еще слишком идейно слабо и стихийно. Люди выступают против сложившейся ситуации, но еще не видят причин возникновения этой ситуации. Вообще, отсутствие предлагаемый альтернативы нынешней системе — признак всех нынешних протестов. Требования либо носят реформистский или оборонительный характер, либо имеет место «нигилистическое» отсутствие любых требований — это характерно для Европы и США. В других странах основное требование носит политический характер и направлены прежде всего против конкретной диктатуры — население отождествляет все социальные проблемы с личностью правителя и с его диктатурой. Какая-то робкая попытка представить альтернативу была у движения «за реальную демократию», но пока уж слишком робкая.

Эта идейная слабость движений по-видимому вызвана тем, что протесты начались недавно, у участников еще мало опыта борьбы, соответственно протестующие политически наивны и верят в легкие способы решения проблем — пока без коренного переустройства мира. Отсутствие сильного движения все предыдущие годы привело к отсутствию сильных социально-революционных организаций, которые могли бы предложить участникам протестов альтернативу буржуазно-демократическим и реформистским требованиям. У пролетариев сейчас нет

«идеи-силы», за которую они готовы бороться, а значит нечего противопоставить буржуазной оппозиции. Слабость социально-революционных групп и отсутствие понимания своих целей у рядовых участников движения создает видимость силы буржуазных политиканов. Но это лишь видимость, их не особо любят, просто считают «меньшим злом», а тех кто может объяснить, что буржуазные оппозиционеры такие же враги, как и действующие правители, пока слишком мало. Так что эта слабость буржуазных сил дает надежды на то, что социальные революционеры смогут заметно усилить свои позиции в результате происходящих событий.

А что у нас?

В 90-е годы происходили процессы деиндустриализации и растаскивания заводов и частные капиталисты могли чувствовать себя независимыми от государства. Хотя на деле они были им прикормлены — большинство буржуев были из бывших руководителей или близки к ним, поэтому сейчас слушать россказни о том, как они «сделали себя сами» довольно смешно. Не имеющим связей сделать состояние было если и возможно, то очень сложно, так как пробиться через бандитскую, ментовскую и бюрократическую систему было крайне сложно. Да и тех, кто пробивался, зачастую «мочили» конкуренты, пользуясь услугами местных или федеральных властей. Для всей этой экономической политики подходила фигура «слабого Ельцина», «давшего свободу» всем бизнесменам, но разумеется не свободу для трудящихся.

После дефолта 98-го у капиталистов появились возможности для получения прибыли уже не из продажи заводского оборудования, а из непосредственной эксплуатации оставшейся промышленности. Ситуация как нельзя лучше подходила для этого — во-первых, растаскивание рано или поздно надо прекращать, а то не останется что растаскивать; во-вторых, мировая экономика снова пошла в рост, и стало возможным производить на экспорт, тем более что цены на некоторые товары (в основном на полезные ископаемые) благодаря биржевым спекуляциям стали очень высоки; в-третьих, пролетарии, измученные крайней нищетой в 90-е годы, были согласны работать практически на любых условиях; наконец, сыграла свою роль и финансовая составляющая — после дефолта из-за низкого курса рубля конкурентоспособность российской промышленности на мировом рынке немного повысилась.

Для проведения политики в новых условиях, подходил другой человеку, и на смену «слабому Ельцину» пришел «сильный Путин». (13) Его личность и политика как нельзя лучше подходила для эксплуататорского порядка выжимания соков из трудящихся и ресурсов из земли, и поэтому его выдвинула российская буржуазия. Не «Путин поднял страну», как утверждают его апологеты, а страна «поднялась» на труде миллионов угнетенных, так как это было выгодно буржуазии.

Итак, правление Путина было в интересах всей буржуазии, как частной (условно - капиталистов), так и государственной (условно - чиновников), хотя между ними сейчас сложно провести резкую грань. Но для интересов целого класса пришлось приструнить отдельных представителей этого класса, причем бывших самыми сильными, и поэтому придя к власти, Путин громит помогавших прийти ему к власти «олигархов» Березовского и Гусинского, а затем сажает Ходорковского. Частная буржуазия поняла, что главным игроком все еще является государство, и решила, что лучше делиться с ним частью собственности, чем отдавать всю и идти в тюрьму. Однако скрытое недовольство все-таки осталось. Об этой ситуации хорошо написал М. Инсаров в работе «Государство и Капитал в России»:

«Подобная ситуация не могла не вызывать недовольство у частной буржуазии. Это недовольство не проявлялось в эпоху вакханалии всеобщего разграбления 1990-х годов, тогда возможность сказочного обогащения благодаря «щедрости государства» заставляла не особенно досадовать, что за подобную «щедрость» с государством, т.е. с бюрократическим аппаратом, приходится делиться. Однако пир всеобщей растащиловки закончился, наступили серые капиталистические будни, и многие «олигархи», уверовавшие в марксистски — либеральные догмы, что при капитализме обязательно правят частные капиталисты, и в горячке позабывшие, кто на самом деле слуга, а кто хозяин, возомнили себя подлинными хозяевами и стали выражать недовольство, что с опекунами из госструктур приходится слишком многим делиться. Тут — то опекуны из госструктур и указали им на их подлинное место, власть напомнила, кто в стране хозяин.

Обиженные и оттесненные олигархи стали переходить в оппозицию. В одном из рассказов Салтыкова — Щедрина крепостная служанка мечтала «ужо придет день, и не я барыне, а барыня мне будет на ночь пятки чесать». Точно так же опальные олигархи пустились в фантазию, как хорошо было бы, если бы наступила доподлинная демократия, и государственный Левиафан принялся бы служить частному капиталу. Подобные настроения нашли выражение в упомянутом выше фильме «Олигарх». Самозваные потомки купца Калашникова принялись похваляться, что еще свернут шею опричнику Кирибеевичу. Пошел разговор даже о надобности «буржуазно — демократической революции в России» — лишь бы эта революция была «бархатной» и «оранжевой» и привела бы лишь к смене правящей верхушки, а не к социальному перевороту.» (14)

Однако, в нулевые годы сверхприбыли от экспорта были настолько велики, что были удовлетворены потребности практически всей крупной буржуазии - как центральной, так и региональной. Поэтому до поры до времени, все слои правящего класса терпели такую «несправедливость» со стороны государственной власти, так как она обеспечивала возможность беспрепятственно извлекать прибыль из эксплуатации работников и продажи ресурсов.

А вот в некоторых других странах СНГ – Грузии, Украине, Киргизии, в отличие от России, не было сверхприбылей от продажи ресурсов, и буржуазия оказалась расколота. Это привело к буржуазным революциям, названными "оранжевыми" или "цветными". Сыграл так же тот фактор, что во внешней торговле эти страны были связаны с несколькими конкурирующими лагерями: Грузия между Россией и Турцией (в свою очередь завязанной на ЕС и США), Украина между Россией и ЕС, Киргизия между Россией, Китаем и США, а так же местными "игроками" Узбекистаном и Казахстаном. А например Казахстан, ориентированный, так же как и Россия, на экспорт ресурсов, и Белоруссию, экономика которой сильно зависима только от России (усиление связей с ЕС началось только в последние годы), "цветные" революции обошли стороной. (15)

"Оранжевые революции" с одной стороны опирались на реально накопившийся в обществе социальный гнев, с другой стороны были организованы представителями крупной буржуазии и проходили целиком под ее контролем. Пролетарии на постсоветском пространстве были слишком атомизированны, не имели ни своего политического опыта, ни своих сильных организаций, ни классового сознания, и поэтому никак не смогли повлиять на события – не только не попытались взять власть в свои руки, но даже не смогли побороться за существенные социальные уступки. "Оранжевые революции" не привели к социально-экономическому прогрессу, а поспособствовали лишь относительной либерализации политических режимов (и то, спустя несколько лет от либерализации в Киргизии и Грузии не осталось и следа, и на Украине намечается тенденция к "закручиванию гаек"). Тем не менее, отрицательный опыт – это тоже опыт, который надо учитывать. А мы тем временем перенесемся с рассмотрения буржуазии на пролетариат.

Если Россия начала 20-го века была по напряженности классовой борьбы «впереди планеты всей», то в конце 20-го века эксСССР наоборот оказался в числе самых отстающих по уровню борьбы регионов.

В перестройку помимо политической борьбы под демократическими лозунгами, происходила и социальная борьба. Самым ярким моментом были забастовки шахтеров. Вот что пишет А. Здоров о напряженности борьбы в то время:

«*Именно в ходе стачки 1989 г. в Советском Союзе впервые после революции 1917 г. осуществлялся реальный рабочий контроль над производством. Чтобы избежать угрозы выведения шахт из строя, в Горловке, Дзержинске и других городах стачкомовцы договорились с руководством шахт об организации необходимых профилактических работ в лавах под руководством ИТР и шахтных стачкомов. Червоноградский стачком (Львовско-Волынский бассейн) издал приказ о согласовании всех действий по обеспечению необходимых работ со стачкомами.*

В угольных районах страны фактически установилось двоевластие. По окончании стачки стачкомы были преобразованы в рабочие комитеты, которым был поручен контроль за выполнением обещанного правительством.» (16)

Тем не менее, движение слабо представляло себе альтернативы и не было революционной организации, которая могла бы их предложить, поэтому шахтерская борьба так и не стала реальной политической альтернативой, а лишь поспособствовала смене государственного капитализма на частный.

После перестройки и грабительской приватизации многие заводы были закрыты, многие работали не на полную мощность. Результатом деиндустриализации стало то, что на заводах остались работать люди старшего поколения, а активная молодежь 90-х бежала в бандиты, торговлю или уезжала за рубеж, а в первой половине нулевых большинство молодежи надеялось на индивидуальную карьеру, а не на коллективное отстаивание своих интересов, так что все низовые социальные связи в среде молодежи были разрушены и она была практически полностью потеряна для классовой борьбы. Тем не менее, старшее поколение дало еще несколько крупных битв в конце 90-х — это шахтерские и многочисленные другие забастовки, в том числе стачка в Ясногорске, где почти полгода рабочие самостоятельно управляли захваченным заводом. В нулевые пенсионеры участвовали в борьбе против монетизации льгот, и были активными участниками борьбы против точенчной застройки. Рабочие в возрасте и пенсионеры росли в более коллективистских условиях, и поэтому были готовы к совместному отстаиванию своих прав. Пенсионерам вдобавок было фактически нечего терять, потому что с одной стороны, они были одним из самых бедных слоев населения, а с другой, не могли бояться увольнения с работы. Старшие рабочие в этом плане были близки к пенсионерам - они тоже часто жили не за счет зарплаты, которую не платили месяцами, а за счет огородов и различных видов дополнительного заработка. Однако, эта борьба не могла увенчаться значительными преобразованиями в обществе, а лишь приводила к отдельным уступкам. Несмотря на то, что "старики" по действиям и настроениям были гораздо радикальнее большинства молодежи, самым радикальным требованием могло быть возвращение к СССР с его социальными гарантиями, а в организационном плане была слишком большая зависимость от КПРФ, которая не была заинтересована в каких-то переменах, и служила для буржуазии клапаном по выпуску пара, сливая все протесты. Да и без массового участия молодежи какие-то радикальные преобразования в обществе очень маловероятны.

Только к середине нулевых начало появляться поколения молодых и социально-активных наемных работников. В 2006-м году происходит ряд забастовок

на крупных предприятиях страны, причем здесь уже наибольшую активность проявляют именно молодые рабочие. Действительно, к середине нулевых сформировалось новое поколение молодых пролетариев (не только промышленных, но и их в том числе). Это новое поколение может и имеет надежды на индивидуальный карьерный рост (неважно каким путем – бандитским, предпринимательским, менеджерским) в рамках капитализма, но надежды эти очень слабы, по сравнению с поколением 90-х – большой процент из них уже понимает что им суждено оставаться пролетариями всю жизнь. В отличие же от старых рабочих, у молодых нет каких-то иллюзий касательно подачек со стороны государства – они не застали социальный компромисс брежневских времен, зато прекрасно знают, что такое ментовский и военкомовский беспредел, взяточничество и безнаказанность начальства. Новых пролетариев жизненные обстоятельства сами толкают на борьбу. Однако, если у молодежи и появился боевой настрой, то у нее не было ни опыта борьбы, ни возможностей (а зачастую и осознания необходимости) передавать уже полученный опыт братьям по классу. По этой причине забастовки не имели поддержки на других заводах, а так же относительно легко гасились начальством.

После начала кризиса уровень ненависти к властьпредержащим сильно вырос (это видно хотя бы по той симпатии, которую вызвали “приморские партизаны” в совершенно разных слоях общества), однако ошибались те леваки, кто надеялся сразу в результате кризиса увидеть революцию. Для революции одной ненависти недостаточно, нужны и многие другие факторы в обществе. Однако, в тех регионах где ненависть выливалась в протестные акции, накал борьбы сильно вырос по сравнению с докризисными временами. Но все выступления, даже самые радикальные, были локальными, так что Пикалево и Междуреченск пока можно назвать лишь отголоском будущей революции.

Если пролетарии в современной России были очень социально-пассивны, то мелкая и средняя буржуазия (17) напротив составляла самую активную часть всевозможных движений. Пролетарии тоже могли участвовать в этих движениях, но обычно в качестве более пассивных участников, а не организаторов, и уж точно не в качестве людей, задающих идейную направленность протестов. Уже само положение мелкой буржуазии требует от ее представителей быть активными людьми, а в такой периферийной стране, как Россия, ее финансовое положение очень шатко, а значит ее представители почти всегда недовольны действующим положением вещей. Как и полагает мелкой буржуазии ее идеи оказывались очень неустойчивы, и колебались из крайности в крайность (стоит учесть, правда, и различные слои в среде самой мелкой буржуазии, у которых интересы несколько различаются) .

В позднем СССР мелкую буржуазию не устраивало ее фактически полулегальное положение - спекуляция была уголовно наказуема, и в отличие от крупных чиновников, которым все сходило с рук, мелкие предприниматели под нее попадали достаточно часто. По этой причине в перестройку, мелкая буржуазия поддерживала политику крупного капитала по ослаблению государственного контроля и переходу к частному капитализму от государственного – политику сначала Горбачева, а потом Ельцина. Правда, получив экономическую и политическую свободу в 90-е годы, мелкая буржуазия (к слову сильно выросшая числом), вовсе не оказалась удовлетворенной. Реальный рынок в России оказался очень далек от идеального и воображаемого – на смену государственного контроля пришла бандитская крыша, неустойчивость финансовой ситуации, конкуренция с крупным капиталом и с другими представителями мелкого капитала. В этих условиях на смену демократическому мифу пришел миф националистический (и право-сталинистский, как одна из разновидностей последнего) – появилась надежда на государство, которое защитит от конкурентов как из числа крупного, так и из числа мелкого капитала и бандитов, для чего надо будет свергнуть “оккупационную” “жидовскую” власть и установить власть “русской сильной руки”. Однако, свержения власти националистами или сталинистами не произошло, а в роли “сильной руки” выступил назначенный Ельциным Путин.

Первые несколько лет своего правления он действительно удовлетворял как крупную (кроме отдельных представителей), так и мелкую буржуазию. Только вот “сильная рука” государства очень скоро начала доставлять буржуазии много хлопот – с ней приходилось делиться, чтобы вообще сохранить бизнес. Если крупному капиталу гораздо легче поделиться, чем разделить судьбу Ходорковского, то мелкому делиться с властью гораздо сложнее. Вот и пошла снова в среде мелкой буржуазии речь о необходимости смены власти – только на этот раз уже демократия должна была сменить диктатуру. Силу среди оппозиции стали набирать либеральные организации, а АКМ и НБП, и отчасти националисты, сменили риторику с авторитарной на демократическую.

В тех странах СНГ, где крупный капитал оказался расколот, аналогичная ситуация привела к “оранжевым революциям” - оппозиционный крупный капитал выдвинул лидеров Ющенко и Тимошенко, и спонсировал их кампанию, мелкая буржуазия же выступала в качестве основных активистов “оранжевого” движения. Однако в России, где крупные капиталисты предпочли “стабильность”, мелкая буржуазия была вынуждена выплескивать накопившееся недовольство на “Маршах Несогласных” (правое крыло – на “Русских маршах”). А когда начался кризис, недовольство

в первую очередь стали проявлять именно мелкие бизнесмены, и они стали инициаторами выступлений на Дальнем Востоке и в Калининграде и массовых акций автомобилистов, а националистическое крыло мелкой буржуазии устроило "русский бунт" на Манежной площади.

Время шло, недовольство накапливалось, как в среде трудящихся, так и в среде мелкой буржуазии. А с обострением кризиса сильно сократились возможности государства для того, чтобы равную выгоду получали практически все представители крупной буржуазии. Стабфонд быстро был потрачен на "спасение утопающих" и часть крупной буржуазии только улучшила в кризис свое положение. Это не могло не вызывать недовольство со стороны конкурентов. В добавок, правящая группировка начала давить на другие группы, до того бывшие лояльными к ней (например, в Москве это проявилось в виде закрытия Черкизовского рынка и снятия Лужкова с поста мэра). В общем, конкуренция в среде правящего класса сильно обострялась. А конкуренция экономическая привела к требованию конкуренции политической, требованию буржуазной демократии. На фоне обострения социального кризиса части крупного капитала стало ясно, что стабильность просто так не сохранить – нужны небольшие перемены, чтобы выпустить пар. Все больше представителей правящего класса стало понимать, что лучше мягкая смена правящих лиц, чем смена власти в результате массовых бунтов и забастовок.

О такой реакции буржуазии писал Инсаров(14) еще в 2005м году:

«Либеральная буржуазия пойдет на «революцию» лишь в том случае, если единственным средством предотвратить «неуправляемую революцию» станет для нее «революция управляемая», «революция» на основе «сговора элит», т.е. «революция» наподобие грузинской и украинской «революций».

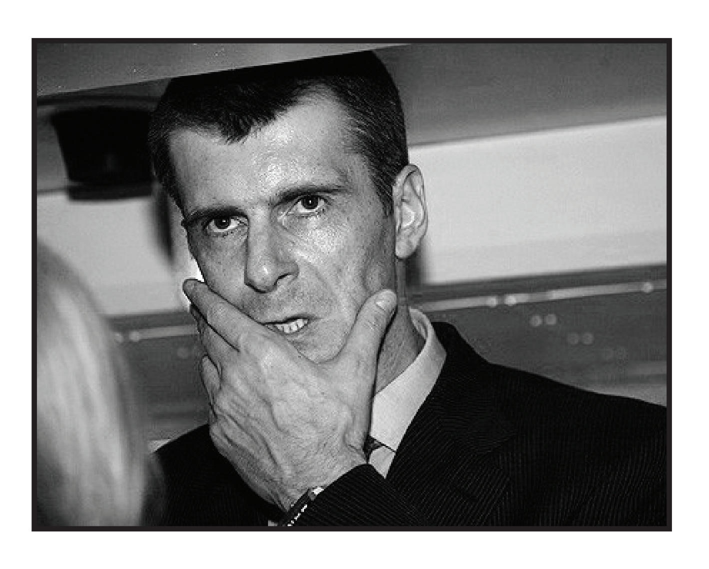
Подобная «управляемая революция» абсолютно не в состоянии вытащить общество из тупика, в котором оно находится. Поменяются лица на самом верху, часть собственности будет отнята у одних олигархов и отдана другим, но система упадочного капитализма останется в неприкосновенности.»

Именно такая попытка "мягкой революции" и произошла зимой на рубеже 2011-12 годов.

Декабрьские протесты и отношение к ним

Итак, мелкая буржуазия и часть крупной решились пойти на смену власти мирным путем. Массовое восстание никак не входило в планы буржуазной оппозиции – настолько, что оппозиционеры побоялись говорить даже о "мирной революции" - они старались убедить общество, что их путь наоборот спасет страну от революции. О том, что это движение буржуазно (а "гражданское движение" – это и есть синоним буржуазного движения), представители оппозиции не стесняются говорить, хотя обычно и не называют себя буржуазией напрямую, употребляя слова "средний класс" (старое название как раз означало буржуазию), "креативный класс", итп. Про цели движения очень точно высказалась Новая Газета, как раз представляющая либеральную буржуазию:

"Столкнувшись с открытым цинизмом власти, буржуа разной степени достатка предъявили спрос на современное государство, защищающее своих граждан, оказывающее им качественные услуги и не обманывающее на каждом шагу, оправдывая тем самым свою отсталость от общества. Так началось и так будет продолжаться уже сейчас, после выборов, протестное движение: буржуа никуда не денутся, спрос на политические изменения не удовлетворен, протест по-прежнему подпитывается неэффективностью государства." (18)

Все лидеры протеста – это однозначные представители буржуазии, причем можно заметить, что представители мелкой и средней буржуазии настроены гораздо более решительно, чем представители крупной. Если Ксения Собчак говорила о том, что надо не бороться за власть, а за влияние на власть, то Навальный высказывал готовность идти на Кремль – его властные амбиции трудно не заметить, если даже один старый знакомый автора, принадлежащий кстати к мелкой буржуазии, сказал про него "Навальный так и рвется к власти, это по нему видно".

И действительно, оппозиционная крупная буржуазия хочет именно влиять на власть политическую (потому что власть экономическая у нее уже есть), по сути контролировать ее – как это делают ее сородичи на Западе – путем лоббирования, спонсирования нужных партий. Ей хочется состязаться в "открытой", "демократической" борьбе интересов, потому что в закрытой, клановой борьбе эти представители оказались оттеснены от руля по тем или иным причинам. Вот и кажется им "не справедливой" ситуация, когда капитал большой, а способов влиять на

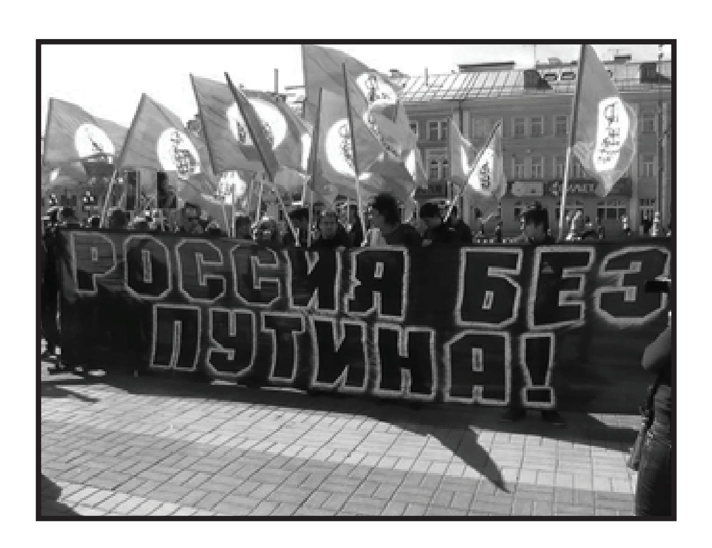
власть гораздо меньше, чем у их зарубежных коллег.

А вот мелкой буржуазии одного влияния на власть недостаточно. Ей то как раз еще нужно победить в конкуренции своих крупных противников. Поэтому она борется не только за политическую, но и прежде всего экономическую власть. Отсюда и вся "борьба с коррупцией", "роспилы", обличения про "кооперативы озеро" и т.п. Мелкая буржуазия хочет стать крупной, а тут ей видите ли мешается государство, зажимает бизнес, организует госзакупки по блату, а не по "честной конкуренции", "кормит Кавказ" а не оказывает желаемую поддержку малого и среднего бизнеса, " как в Европе". В этом плане Навальный как идеолог для мелкой буржуазии очень подошел. Подходит и его национал-либерализм, сочетающий буржуазные "свободы" для правящего класса с возможностью натравить трудящихся разных народов друг на друга. Национализм конечно здесь пытается выглядеть прилично, это видите ли не нацизм, а гражданский такой национализм, это не разоренные и разъяренные мелкие буржуа и люмпены, это успешные мелкие буржуа, которые хотят стать крупными, еще успешнее, только вот что-то мешает, поэтому и хотят менять правила игры. То коррупция, то отсутствие "демократии" (разумеется, демократии только для успешных людей), а то и "инородцы" и то, что государство "кормит Кавказ" (о том, что будет если Сибирь вдруг захочет перестать кормить нефтью Москву, или того хуже рабочие вдруг перестанут кормить чиновников и капиталистов, национал-либералы разумеется помалкивают).

Но хотя и лидеры протестов напрочь буржуазны, рядовые участники представляют совершенно разные слои населения. О тех, кто вышел на улицы стихийно, по причине социального недовольства, хорошо написала Мария Чехонадских:

"Постсоветские мегаполисы населяют лица без реального гражданства. Их условия жизни далеки от идеализированного образа обеспеченного среднего класса. Присмотритесь к тем молодым людям, которых вы видели на Болотной площади. Не нужно забывать, что они (мы) стали анонимными свидетелями распада СССР, бойни у Белого дома в 1993 году, «шоковой терапии», дефолта 1998 года, двух чеченских кампаний, взрывов домов и террористической паранойи, ставшей частью путинской повседневности. Этот политический и экономический фон – основное оружие формирования армий «шокированных» субъектов, со страхом идущих, возможно, на первый в своей жизни митинг.

Похоже, что концепция аполитичного «путинского поколения», закормленного импортными колбасами и московской офисной зарплатой, наконец потерпела поражение. Нас не так просто унифицировать. Мы то самое precarious generation, о котором так много говорят теперь западные теории. Сначала у нас украли пространство методами варварской приватизации в 1990-е годы, а затем время – мы все работали без перерыва и выходных, так, что не оставалось сил на самые элементарные формы самоорганизации. Мы лишь наблюдали за продолжающимся рейдерским захватом городов, улиц, памятников культуры, университетов и музеев. И нам так и не довелось насладиться парадигмой «стабильности»: у нас нет постоянного места жительства и работы, и устойчивость нашего положения уже не гарантируется никакими дипломами, контрактами и профессиональным опытом. И вот теперь, когда этот процесс уже зашел слишком далеко, это поколение наконец выходит на улицу и требует – для начала – «права иметь право» (Арендт). "(19)

Чтобы узнать, кто выходил на митинги и шествия, воспользуемся доступными нам опросами (20) Опрос Левада Центра, проведенный 24-го декабря на Проспекте Сахарова возьмем первым. Согласно этому опросу, буржуазия составляет только 25% участников, 46% - "специалисты" (этот пункт нуждается в отдельной трактовке), остальные 30% относятся к разным категориям, но по-видимому, низкоквалифицированные работники разных отраслей или не работающие студенты . По уровню достатка - 28% очевидно можно отнести к бедным людям, а 40% сказали что им хватает на бытовую технику, но они не могут купить автомобиль – то есть по хорошему их тоже нельзя отнести к "среднему классу" (в крайнем случае, это самая нижняя часть среднего класса). В опросе Левады Центра от 4 февраля заметно увеличение процента бедного населения – число "специалистов" уменьшилось на 10%, за счет прироста бедных слоев населения – число пенсионеров, рабочих, неквалифицированных работников, безработных и студентов составляет уже 40%. По уровню достатка тоже заметно некоторое обеднение числа участников – 32% бедных и 41% "безавтомобильных". По опросу ВЦИОМа от 4 февраля, участники митинга отнюдь не один только "офисный планктон" - таких только 18%. ВЦИОМовский опрос хуже тем, что показывает только сферу деятельности опрошенных, но не показывает занимаемое положение (руководитель или нет). Но можно заметить,

что бизнесменов всего только 5%, а участники довольно равномерно распределены по всем сферам деятельности.

Частный опрос, проведенный участником Революционной Линии под псевдонимом НКВД 24-го декабря довольно близок к Левадовскому – 30% он отнес к правящему классу, 21% к неимущим и еще 49% назвал "рабочей аристократией", что соотносится с Левадовскими "специалистами". Опросов в других городах, к сожалению, нашлось меньше, но заметно еще большее увеличение численности бедного населения и неруководящих работников. В Петербурге опрос 40 человек, проведенный участником РСД, показал следующую картину: "Что касается профессиональной принадлежности и рода деятельности, наибольшее число опрошенных составили инженеры разных специализаций – 11 человек (из них трое на пенсии). Сразу за ними по численности следуют студенты – 7 человек. Представителей художественных профессий среди опрошенных оказалось четверо. Также в числе респондентов было трое научных работников, трое программистов и ровно столько же – рабочих. Кроме того, в опросе участвовали двое менеджеров, библиотекарь, логист и журналист. ". В Красноярске опрос независимой группы Прометей на трех проходивших митингах показал (по средним за все митинги данным) ,что руководителей и предпринимателей в сумме 14%, специалистов 36 %, рабочих 10%, студентов 17%, пенсионеров 10%, безработных 7%. Доход до 10 тысяч на члена семьи у 35%, от 10 до 15 тысяч у 21% - то есть не меньше 46% можно отнести к бедным и очень бедным людям, доход свыше 30 тысяч только у 13% участников. Для сравнения, прожиточный минимум по Красноярску в 2011 году составлял около 7 тысяч, средняя зарплата была около 24 тысяч рублей (21).

Что касается категории "специалистов", то большинство из них отнюдь не менеджеры по продажам, как утверждали, а IT-работники и инженеры. Такие данные приводит и Александр Тарасов, ссылаясь на опрос, проведенный коллективом сайта Скепсис, указывая, что программистов "больше трети" (хотя и делает несколько другие выводы, чем автор этой статьи). Действительно ,если руководствоваться категориями зарплат, то IT-шников в основном можно причислить к категории "рабочей аристократии". Но в истории далеко не только самые бедные работники были революционны. В России начала 20-го века одной из самых революционных групп были рабочие-металлисты, квалифицированные и получающие достаточно большую зарплату. Есть и другие примеры, где именно квалифицированные работники составляли движущую силу революции. Руководствуясь тем, что IT-работники фактически сами управляют своим трудом и имеют возможности координировать свои действия, некоторые относят их даже к передовому классу будущей революции. Автор не будет делать таких смелых выводов, но однозначно списывать со счетов эту категорию тоже не стоит, тем более что и среди левых активистов достаточно большое количество программистов.

Относительно убеждений участников тоже далеко не все ясно, можно лишь делать предположения. По опросу Левады-Центра "демократами" себя обозначили 38% на первом митинге (24 декабря) и 30% на втором (шествии 4 февраля) , а "либералами" 31% и 27% соответственно. В чем разница, можно только предположить. Мелкая и средняя буржуазия по всей видимости близка к правому либерализму – приоритет отдают рыночной экономике и дальнейшему сокращению социальных гарантий, отчасти симпатизируя национализму с целью борьбы с конкурентами – такие являются сторонниками Прохорова и/или Навального, и видимо они назвались либералами. А вот квалифицированные работники и интеллигенция в России традиционно ближе к социал-либерализму и разделяют иллюзии относительно социального государства на Западе и поддерживают леволиберальное Яблоко, по видимому называли себя демократами. В добавок, 30% на первой акции и 38% указанных убеждений (можно было указывать больше одного варианта, поэтому сумма составляет 130%) можно отнести к той или иной разновидности левых взглядов. Наблюдения представителя Ревлинии показывают, что социальные требования совсем не чужды участникам выступлений. Вот что он пишет относительно поддерживаемых требований:

"Как и ожидалось, практически 100% поддерживают демократические требования, однако видна тенденция, что чем больше доход, тем умереннее требования. Второй по популярности группой требований стали требования социальной защиты – более 60% (такие как повышение з/п, бесплатная медицина и образование). Примерно столько же получили требования, носящие интернационалистический характер (свобода перемещения рабочей силы, равенство национальностей). Примерно половина опрошенных желает либерализации экономики (уменьшения налогов для бизнеса, приватизации), причём наиболее распространены эти требования как и следовало ожидать среди классической буржуазии и управленцев. Более 40% выступают за требования социалистической направленности [скорее социал-реформистской – прим. Гавр.], такие как национализация и/или прогрессивное налогообложение. Наибольшую тягу к этим требованиям проявляет пролетариат и беднейшие неработающие (безработные, студенты, пенсионеры). Националистические требования выдвигает порядка трети опрошенных. Наибольшую тягу к национализму проявляет классическая буржуазия, среди которой за националистические требования выступила половина."

Здесь можно заметить условные раскол на левое и правое крыло митингующих. При этом часть людей судя по всему сочетает требования либерализации экономики и требования социальной защиты (первых около 50%, вторых – больше 60%, так что эти два множества неизбежно пересекаются). Наивно, конечно, но по всей видимости это и есть социал-либералы.

Одни опросы не дают полной картины происходящего, нужно также привести и личные впечатления автора. На акциях довольно сложно было разглядеть людей в "норковых шубах", балующихся айфонами – напротив, многие были бедно одеты. С точки зрения реакции на наши идеи также было очень разное отношение – кто-то плевался при виде ультралевых, кто-то высказывал одобрение, кто-то просто интересовался кто мы такие. Одна пожилая женщина, когда узнала ,что мы революционные социалисты, сказала: "Я с вами! Давно пора брать вилы и идти убивать всю верхушку!". Вот и думайте те, кто говорит про "бунт яппи".

Массовое выступление застало врасплох представителей всех политических сил, в том числе и левых. Многие левые (Левый Фронт, РСД, ДСПА и др.), не ожидавшие протестов так сильно обрадовались им, что подняли либеральные лозунги "за честные выборы" и "ни одного голоса Путину", добавив к ним социальные лозунги, чтобы продолжать выглядеть "социалистами". Хотя еще на парламентских выборах они пропагандировали тактику бойкота, на президентских выборах чтобы понравиться публике они поддержали Миронова или Зюганова, прекрасно сознавая всю их реакционность, проявив себя крайне непоследовательно(22). В общем, эти леваки стали фактически левым флангом либералов. Какие же аргументы, кроме традиционных цитат из классиков и обвинений оппонентов в "сектантстве" с позиции "реальной политики", приводили они в защиту своей позиции?

Некоторые предлагали использовать эти лозунги для того, чтобы перехватить у либералов инициативу и самим возглавить протесты, направив их в левое русло. Однако такая позиция крайне наивна: леваки сейчас находятся на кружковой (кто-то даже считает, что докружковой) стадии, не имеют сильных организаций. Среди участников митингов много представителей буржуазии, а небуржуазные участники слишком подвержены влиянию либеральной идеологии, чтобы пойти за левыми. Так что попытки "возглавить" протест могли лишь привести к обратным результатам - "возглавляющие" оказывались в хвосте. Кто-то предлагал использовать центральные трибуны на митингах в Петербурге и Москве для социальных лозунгов. Однако, трибуны были подконтрольны либералам, и левакам доставалась очень маленькая доля выступлений. В таких условиях пропагандистский эффект терялся, а выступающие скорее оказывались опорочены выступлением на либерально-националистической сцене. Правда, этот аргумент не относится к региональным митингам, где зачастую формирование сцены было более независимым, а среди выступающих не было ненавистных многим фигур.

Наконец, основной аргумент относится к тому, что после свержения Путина, ситуация в стране должна в чем-то улучшиться для леваков. Например, утверждают некоторые, что режим Путина неолиберален, а значит должен быть свергнут.

Такой аргумент выдвигает например Сергей Кутний с Ливы Справы (23). Они приводит в пример Украину:

"С чисто левой, классовой точки зрения: никогда в течение "оранжевого" периода новейшей истории Украины антисоциальные преобразования не достигали такой степени интенсивности, как при нынешнем "бело-голубом" режиме.".

При этом он совершенно забывает ,что мировой экономический кризис пришелся на конец правления Ющенко, и тот попросту не успел начать неолиберальные реформы, вызванные кризисом. И в России в данных условиях на смену неолибералу Путину могут прийти либо либералы, которые без сомнения будут проводить ту же экономическую политику, что и действующая власть, либо националисты, о которых нет смысла даже говорить. С некоторой вероятностью, к власти могут прийти и левые реформисты. Но реформизм слева в упадочном капитализме (тем более периферийном российском) практически невозможен, и левореформисты на деле могут только продолжать неолиберальную политику. А

продолжение такой политики под левыми лозунгами будет только бить по репутации всех социалистов.

Другой аргумент в пользу свержения Путина – это то, что ему на смену придет буржуазно-демократический режим, который чем-то лучше для леваков, чем нынешняя власть. Но чем же? Режим Путина, хотя и авторитарен, все же очень далек от кровавой террористической диктатуры, при которой за неосторожное слово можно угодить в тюрьму, а все выступления расстреливаются пулями. В реальности свобода слова, собраний, печати с точки зрения крайне левых, нарушается как при Путине, так и на Западе, разница скорее количественная, чем качественная. В Европе так же разгоняют дубинками и резиновыми пулями многие левые демонстрации, так же есть политзаключенные анархисты и леворадикалы. Парламентская демократия уже доказала на практике свою непригодность для использования социально-революционными силами. А так как правительство, которое может прийти на смену Путину, будет продолжать неолиберальные реформы, то оно точно не будет вводить послабления в законодательстве о забастовках. И в социальных конфликтах не будет церемониться, применяя силу. Мы можем руководствоваться опытом Украины, где после "оранжевой революции" левое и анархическое движение лишь совсем ненамного сильнее, чем в России. Пример из Египта так же говорит о том, что правительство, пришедшее на смену Мубараку, начало наступление на анархистов и революционных социалистов (24) .

Есть еще один аргумент, дескать свержение Путина приведет к нарастанию классовой борьбы. Однако, никаких гарантий для этого нет. С той же вероятностью сохранение путинского режима будет вызывать дальнейшее увеличение ненависти в народе, а значит и неизбежное усиление классовой борьбы. То, что пришедшее на смену Путину правительство, быстро вызовет разочарование в нем своей неолиберальной политикой – это понятно. Но разочарование может привести как к нарастанию протеста, так и к очередному витку разочарования в политике, так и к росту реакционных настроений. К тому же, в случае разочарования в новом режиме, трудящиеся не станут верить тем левакам, которые будут восприниматься как соучастники прихода новой власти, а если и поверят левым, то только тем, кто с самого начала говорил о необходимости именно классовой борьбы.

В общем, смена путинского режима на буржуазно-демократический не несет больших плюсов для социалистов, по крайней мере таких, что за них стоит бороться. Это нужно либералам, пусть они и борются за это. А мы не должны быть теми "холопами", у которых трещат чубы при борьбе "панов", и других "холопов" из числа поверивших либералам, должны отговаривать.

Однако, многие левые и анархисты (например А. Тарасов, КРАС) стали вдаваться в другую крайность, и воспринимать протесты как что-то, что нам следует чуть ли не игнорировать. Что же говорили они?

Во-первых, дескать, это "бунт яппи", "мелких буржуа", которых агитировать нет смысла. Но как показывает приведенная выше статистика, бедных тоже было большое количество даже на столичных митингах. Около 30% на стотысячном митинге – это 30 тысяч политически активной бедноты – огромное пространство для распространения своих идей. Да и квалифицированные работники, составляющие среднюю прослойку участников митингов, могут обеднеть в результате дальнейшего углубления кризиса и новых антисоциальных реформ, и отойти от либеральных позиций.

Во-вторых, участие в одном митинге с националистами и либералами порочит честь анархистов и левых. Но митинг воспринимается большинством его участников как "общегражданский" (мы разумеется не разделяем иллюзий о том, что есть какие-то общие для всех граждан интересы), а не националистический или либеральный, а значит совместное участие разных сил в этом митинге не означает общность интересов этих сил. Вообще, пользуясь такой логикой, на социальные акции тоже не стоит ходить, так как туда ходят националисты и частенько стараются поднять свои флаги.

В-третьих, говорят "игнористы", участники митинга в массе своей аполитичны, пришли потусоваться, итп. Возможно, но даже если большинство участников митинга слабо политизированно, политически неграмотно, еще слабо представляет цели и альтернативы, за которые нужно бороться, то это прямое следствие ситуации, царившей в обществе на протяжении последних минимум 10 лет – ситуации полного равнодушия к социальным и политическим изменениям. Тем не менее, абсолютно аполитичные люди на митинги ходят разве что из-под палки или за деньги, а таких вопреки охранительной мифологии на этих акциях не было. Так что участники митингов явно менее аполитичны, чем большинство населения страны. А то, что они слабо разбираются в политике, так это для нас даже лучше ,чем если бы они были закостенелыми приверженцами какой-то враждебной нам идеологии.

Наконец, аргументом было то ,что большинство участников митингов - это либералы. Но и это в общем-то ни о чем не говорит. Сейчас в России позиция крайне левых очень слаба, вследствие реакции, царившей в обществе в последние 20 лет. А значит, большинство жителей страны, пролетариев в том числе, сильно подвержены националистическому или либеральному идейному влиянию. Наша же задача как раз пытаться доносить свои идеи до людей, бороться против враждебной мифологии и идеологии в умах людей.

То, что угнетенные ходят на митинги, организуемые буржуазией – это не следствие их большой любви к буржуям, а следствие сочетания ненависти к существующей системе и отсутствия самостоятельных организаций по причине крайне высокого уровня атомизации и царившей все эти годы пассивности.

Поэтому, мы (СРС, часть анархистов) попытались участвовать в протестах, критикуя при этом буржуазно-демократические иллюзии участников и либеральных лидеров. Именно их надо было критиковать на данных мероприятиях, так как эти иллюзии разделяли большинство участников митингов, а не прогибаться под них, пытаясь быть "понятными массам", как это сделали многие леваки. То, насколько удачно это получилось, с точки зрения тактики, рассматривать мы в этой статье не будем. Но участие дало нам возможность донести наши идеи до участников митингов листовками, баннерами, в устной беседе и необходимый в будущем опыт участия в столь массовых акциях, общения с протестующими людьми, донесения своих позиций до них.

Как и предполагалось многими в самом начале, находившееся в плену либеральных и пацифистских иллюзий движение не смогло расширить свою социальную базу. Радикализация движения не наступила, и уже после президентских выборов протестная активность закономерно пошла на спад. Все же эти события не прошли совсем даром, так как теперь протестная активность перестала восприниматься людьми как что-то маргинальное. Готовность людей к дискуссиям на политические темы и к политической активности сильно выросла и это наверно является главной заслугой прошедшего движения.

Что нас ждет?

Хотя "белоленточное" движение и потерпело поражение, сохранение режима Путина вовсе не означает обещанную "стабильность". Скорее наоборот, можно говорить о том, что режим обречен если не на обрушение, то на сильные внутренние конфликты, по сравнению с которыми первый подъем покажется "цветочками".

Европейская экономика подходит ко второй волне кризиса. Правительства Европы и пытаются бороться с дефицитом бюджета, продавливая меры жесткой экономии, наступающие на социальные гарантии. Но эти меры не дают ожидаемого эффекта, и бюджетный дефицит все еще растет во многих странах. Кризисные явления в ЕС сильно повлияют и на экономику России. Цены на нефть сейчас еще находятся на подъеме, но экономисты из Всемирного Банка прогнозируют их резкое падение уже в этом году. Так что вторая волна кризиса ворвется и в Россию, причем скорее всего уже в 2012-м году, о чем говорят и буржуазные экономисты. Минфин готовится уже к маю этого года, по мнению Павла Теплухина, вторая волна придется на октябрь-ноябрь, а по прогнозу экономиста Михаила Хазина, который выглядит еще довольно оптимистичным, вторая волна кризиса начнется в начале 2013 года. (25) В любом случае, ближайшее будущее российской экономики не внушает оптимизма.

За последние 12 лет происходило медленное, но верное наступление на социальные гарантии и был принят ряд неолиберальных законов (трудовой кодекс, монетизация льгот, ФЗ-83), а политика и идеология правящего класса полностью игнорировала нужды трудящихся. Сейчас же Путин обратился к рабочему классу с левопопулистскими лозунгами, в надежде на поддержку рабочих. Но "поддержка" рабочими Путина – лишь иллюзия, скорее можно говорить о том, что большинство рабочих слишком пассивны и никак не выступают против использования их правящим классом в своей демагогии. О пассивности большинства трудящихся говорит и то, что властям удалось согнать множество наемных работников на свои митинги – будь трудящиеся активнее, они бы оказали сопротивление этому.

То, что все обещания Путина относительно рабочего класса – это обычная демагогия, хорошо показал Борис Кагарлицкий: "При этом тексты главы правительства оказываются буквально сотканными из противоречий. Он обещает нам, что социальные расходы не сократятся, но не предлагает менять общую политику, направленную на сокращение социальной сферы, признает ответственность государства за развитие системы детских дошкольных учреждений, но предлагает делать это преимущественно за счет частного сектора. Он мечтает вывести Россию на лидирующие мировые позиции в области математического образования, но не задается вопросом о том, почему мы эти позиции утратили. Премьер-министр призывает ввести налог на роскошь, но избегает упоминаний о прогрессивном подоходном налоге. В заявлениях правителя страны некоторые невнятные намеки на расширение государственного сектора, но вопрос о ренационализации украденной у народа собственности не стоит. Предлагая ввести единовременный налог на приватизацию, кандидат в президенты делает это не для того, чтобы наказать участников грабежа, а для того, чтобы окончательно легализовать награбленное и «закрыть вопрос». Наконец, выдвигая идею о социальном партнерстве на уровне предприятия, бывший (будущий) президент рекомендует ввести систему рабочего представительства по аналогии с немецким институтом «согласования решений» (Mit-bestimmung), но в качестве решающего элемента этого механизма видит структуры официальных профсоюзов, которые фактически являются подразделениями всё той же заводской администрации.

Говоря коротко, премьер-министр стремится максимально пойти навстречу настроениям и потребностям, нарастающим в общественных низах, не провоцируя разрыв с традиционными элитами. Чтобы и овцы были сыты, и волки целы." (26)

Хотя, например, Василий Колташов надеется, что правящей верхушке хватит ума осознать социальные причины массовых протестов и немного сдержать свои интересы в 2012-м году, чтобы не провоцировать более массовые выступления:

"Власти в России ощутили, что революционная буря в мире зарождается глубоко в экономическом базисе. Это не значит, что они готовы частично жертвовать интересами своего класса, но

от ухудшающих положение решений они в 2012 году могут воздержаться. Решение расходовать резервы будет разумней, чем решение поторопить революцию. Пенсионная система как финансировалась, так и будет финансироваться из бюджета. Для власти удовлетворенная пассивность пенсионеров, это залог сохранения остатков политической стабильности в стране. Трансферты из бюджета можно замаскировать, но они, вероятно, будут." (27)

Но скорее всего, ума не хватит. Повышение зарплат силовикам говорит о том, что власти надеются на силовое решение проблемы. Левый популизм Путина будет действовать еще некоторое время в качестве сдерживающего фактора. Но недолго, так как на носу новая волна кризиса. А значит, понадобятся новые неолиберальные реформы – какие именно, гадать сложно, но скорее всего мы увидим: полное вступление в силу ФЗ-83, то есть практически полное сокращение бесплатной медицины и образования; результаты вступления в ВТО – дальнейшую деградацию промышленности и сельского хозяйства; вполне вероятно повышение пенсионного возраста или увеличение трудовой недели (хотя наверное и не до 60-ти часов). В условиях кризиса режим будет все больше загонять себя в тупик. Какие-то крайне минимальные иллюзорные шажки влево или даже задержка с осуществлением неолиберальных реформ будут вызывать недовольство в верхах, усиливая глубину раскола в правящем классе. А неолиберальные реформы (вполне реальные и неиллюзорные) будут провоцировать дальнейшее усиление недовольства низов. И здесь уже низы припомнят Путину и демагогию относительно рабочего класса, и насильственный сгон на митинги бюджетников, и обещания "стабильности".

Дальнейшее углубление кризиса, усиление недовольства угнетенных будет приводить к росту числа конфликтов и радикализации населения. В какой форме будут происходить конфликты, пока судить сложно. Возможно и бунт молодежи, возможно усиление забастовочной активности, возможно и российский аналог Тахрира. Сейчас стоит готовиться ко всему. Буржуазные оппозиционные силы будут стараться отстаивать свою линию в конфликтах, и скорее всего рано или поздно это все приведет к отставке Путина и замене его на оппозиционное правительство.

Однако, что может принести приход к власти оппозиции? Для трудящихся – ничего хорошего, равно как и особенно плохого. И либералы, и националисты, и левые реформисты по большому счету будут продолжать ту же неолиберальную политику, Россия будет продолжать оставаться полупериферийной страной, зависящей от экспорта ресурсов – Северной Нигерией с ядерными ракетами.

В самом деле ,что предлагают либералы? Бороться с коррупцией? – но коррупция существует, пока существует государство, а с ним они бороться не хотят. Даже попытка массово сократить чиновничий аппарат вызовет такое недовольство чиновников, что те начнут открытую борьбу против либерального правительства – а значит, либералы на такое просто не пойдут. Демократизировать избирательные законы? - но это просто изменит способ формирования правительства, но никак не отразится на социально-экономической системе.

Что предлагают националисты? Выгнать мигрантов? - но тогда на их место придется нанять коренное население. А буржуазия согласится на это лишь, если положение коренного населения опустить до уровня мигрантов. "Не кормить Кавказ"? - но это будет означать лишь то, что деньги идущие на Кавказ будут оседать в карманах чиновников других регионов. Кроме того, это неминуемо приведет к усилению повстанческих движений на Северном Кавказе, так как у местных властей не будет ресурсов, чтобы сдерживать недовольство населения.

Что предлагают левые реформисты? Прогрессивный налог, национализация ресурсов и крупных предприятий, послабления в профсоюзном и стачечном законодательстве. Но на такое в условиях кризиса буржуазия точно не пойдет и если ей не удастся подкупить или запугать левое правительство, то она попытается свергнуть его. Так уже было в истории и не раз. И единственное, что может остановить реакцию буржуазии – это социальная революция, на которую левые реформисты не готовы идти.

Так что в экономическом и социальном плане изменения при любом правительстве будут носить лишь косметический характер. Более того, у мировой буржуазии пока нет стратегического плана как выйти из кризиса – пока правительства, чтобы погасить дефицит бюджета, берут новые долги, фактически откладывая решение кризиса на потом – за второй волной кризиса придет и третья. Это значит, что положение угнетенных будет ухудшаться и при режиме, который придет на смену Путину. А следовательно, будут происходить новые протестные выступления. Аналогичный пример мы уже видели в Египте - спустя меньше года после свержения Мубарака начались новые массовые протесты.

Неизбежное углубление социального и экономического кризиса и ухудшение положения трудящихся означает необходимость социальной революции. Это единственный разумный выход из данной ситуации. Чтобы победить, народу придется восставая и бунтуя, свергая одно правительство за другим, учась на своих ошибках, приобретая опыт борьбы (а его придется

приобретать практически с нуля), осваивая новые пути организации и коммуникации приходить к осознанию необходимости социальной революции.

Однако необходимость социальной революции еще не означает ее неизбежности. Рано или поздно правящий класс найдет выход из кризиса – какой, пока сложно судить. Конечно, за этим кризисом рано или поздно последует следующий. Но когда социальные выступления достигнут критической точки, буржуазия сплотится перед лицом этой опасности и направит все свои силы на подавление пролетарских выступлений. И тогда все будет зависеть от действий угнетенных. В России и мире встанет вопрос – победа социализма или варварство. Так что не стоит надеяться на одну только стихийность – многое зависит от социальных революционеров, от того какую стратегию и тактику изберут они.

Задачи эресов.

Что же делать тем, кто уже сейчас осознает необходимость социальной революции? Чтобы ответить на этот вопрос, надо разобраться, в каком состоянии находится революционное движение и как исходя из этого состояния действовать.

Как утверждалось уже многими, социалисты сейчас находятся на кружковом этапе. Большинство левых групп слишком малы, чтобы как-то влиять на текущие протесты. Более многочисленные группы оказываются более аморфны идейно, что приводит к тому, что действовать как единое целое у них не получается. Причем обычно в таких аморфных структурах тон задает наиболее умеренное крыло. Так что эти группы тоже скорее можно причислить к своего рода кружкам. Причем попытки объединения кружков на данном этапе приводят снова к аморфным полуорганизациям.

Парадокс ситуации заключается в том, что на фоне очевидного революционного подъема во всем мире, когда остро встает необходимость сильной организации, реальное состояние левого движения крайне плачевно. В отличие, кстати, от националистов и либералов, которые имеют довольно сильные организации. Как выбираться из кризиса социалистам, чтобы начать оказывать влияние на ход истории? Это вопрос, напрямую не касается данной статьи и поэтому ответ на него будет дан лишь вкратце и прежде всего ближайшие, а не стратегические задачи.

Как ни странно, не смотря на прогнозируемый революционный подъем, революционерам пока не стоит лезть из кожи вон, пытаясь добиваться максимальных результатов, как в области “активизма”, так и в области пропаганды. Гораздо важнее сейчас вести планомерную, без сбоев, работу, чем чередовать бурную деятельность с утомлением и разочарованием. Надо понять – от нас пока еще ничего не зависит, точнее зависит, но результатов нашей деятельности мы не увидим ни на следующий день, ни даже через год. Массовые протесты, когда они начнутся, будут проходить не под социально-революционными лозунгами, а скорее всего под очень умеренными. И мы на эти лозунги повлиять не сможем. Не сможем мы стать и организаторами протеста. Не сможем и радикализировать борьбу прямым действием (хотя иногда и сможем убедить пролетариев в его необходимости). На все это будет гораздо больше влиять то, какие слои населения будут инициаторами конкретных выступлений. И это не пессимистичная позиция, а просто признание факта – выше головы не прыгнуть.

Из планомерной работы нужно прежде всего выделить агитационно-пропагандистскую деятельность. В предыдущие годы “стабильности” эта деятельность не приносила больших результатов, но все-таки благодаря ней появилось небольшое движение. Сейчас нам нужно осваивать максимальное количество площадок, позволяющих вести агитацию. Это могут быть и печать, и интернет, и кружки и культурные проекты – это зависит как от местной специфики, так и от личных предпочтений активистов. Население впервые за много лет заинтересовалось политикой, поэтому удачная листовка (газета, брошюра) в удачном месте вполне может иметь положительный эффект. Очевидно, что у буржуазии, как ее правящего крыла, так и оппозиционного, средства пропаганды гораздо больше развиты, чем наши. Но сейчас у всех наступит послевыборное “похмелье”, уровень истерик временно снизится в разы, и этим необходимо будет пользоваться.

Но что такое агитация и пропаганда? Это наша теория, изложенная доступным языком и без углубления в какие-то тонкости. А теория у современных левых все еще в слабом состоянии. Это показывает хотя бы то, как беспомощно по сути своей отреагировали леваки на зимние выступления – у левых не было своей выработанной стратегии и тактики, то есть прикладной части теории. Без анализа общества, без выработанной на основе анализа стратегии, без выработанной на основе стратегии тактики пытаться что-то пропагандировать очень сложно – это все равно что слепой будет пытаться вести другого слепого.

Даже тем активистам, кто не готов развивать теорию, придется ее изучать – заниматься самообразованием (индивидуально или в кружках – это уже как кому удобнее). Так как наши ресурсы на порядок ниже ресурсов буржуазии, то мы должны брать качеством. Это значит, что каждый активист, который занимается работой с людьми, должен быть на голову образованней не только среднестатистического “обывателя”, но и активиста враждебных социализму идей. Необходимо знать все уловки и хитрости идеологии противника и уметь на них ответить.

Так как в относительно ближайшем будущем грядут новые выступления, скорее всего на этот раз локальные, встает вопрос участия в них. Но прежде участия нам необходимо уметь узнавать о них заранее – хорошо, когда некоторые недовольные люди сообщают активистам или прессе, но зачастую, информация о выступлениях проходит после их окончания (разумеется, в случае стихийных акций здесь поделать ничего нельзя). При участии в акциях протеста основная задача – это завязать контакты с людьми, предложить свою тактику действий (хотя и сразу свыкнуться с мыслью, что с большой вероятностью ее на первых порах отвергнут), оказывать посильную помощь протестующим, но не заниматься за них активизмом – это только приучает людей к пассивности. Свои идеи от

участников выступлений не скрывать, но и не пытаться им их "впаривать" - если заинтересуются, сами спросят. Так же необходимо анализировать события, чтобы передать опыт участия другим активистам и в перспективе другим "простым людям", на основе приобретенного опыта корректируя свою тактику.

Еще раз обратимся к результатам "болотного" протеста. Как показало статистическое исследование (28), участники выступлений практически не связаны между собой, на митинги приходили не вслед за знакомыми (родственниками, коллегами, сокурсниками, итп), а самостоятельно (что не отменяет того, что многие люди приходили все-таки вместе с друзьями). Это наблюдение кажется вполне реалистичным, с учетом того, что российское общество крайне атомизированно. Но кроме обычных участников, мало связанных между собой, были еще активисты – те, на ком замыкалось большое количество связей. Сейчас активистами были в основном люди, придерживающиеся буржуазных идеологий, и сами из числа мелкой буржуазии. Чтобы иметь возможность влиять на события, социалистам необходимо самим "обрастать" социальными связями. Поэтому установление социальных связей, на первое хотя бы через интернет – это тоже задача на относительно ближайшее будущее. Далее эти некрепкие интернет-контакты надо будет переносить в реальный мир, организуя свои инициативы (далеко не только акции протеста, к слову). Надо понимать, что создание плотной сети горизонтальных связей – вещь необходимая для будущей революции, но при этом процесс достаточно длительный, поэтому начинать его нужно уже сейчас.

Что касается объединений между самими левыми группами. Пытаться создать сильную организацию сейчас – это наивное забегание вперед. Придет время, и необходимость социально-революционного объединения появится. Но для этого нужна сеть устойчивых кружков по всей стране (или даже СНГ), которые могли бы объединяться. Нужна будет и выработанная стратегия и тактика, принимаемая в целом всеми объединяющимися кружками, на основе которой будет происходить объединение – без этого будет повторение басни про Лебедя, Рака и Щуку. Сейчас больше нужны контакты между активистами, какие-то совместные инициативы, обмен информацией, открытая и свободная дискуссия по актуальным вопросам.

Вот, собственно, и все. Мало? Но разве у движения много сил? Надо ставить посильные задачи и стараться выполнить их, а не разбрасываться на все подряд. Лучше объективно признать, что мы слабы и исходить из этого, чем браться за непосильные задачи. Мы не сможем совершить социальную революции в ближайшее время, даже если будут происходить бунты и забастовки. Но то, что мы можем и должны сделать сейчас – это завоевать уважение среди угнетенных своей последовательной позицией и участием в совместных действиях. Революционные романтики, рвущиеся в бой, еще увидят и баррикады и столкновения. Но нам нужны не сами баррикады, нам нужен новый мир. Этот мир, который мы несем пока только в наших сердцах, вполне может стать явью, если мы, социальные революционеры, будем делать именно то, что требуется от нас.

Гаврошенко. Март 2012

ПРИМЕЧАНИЯ:

1)http://revsoc.org/archives/1826
2)http://demoscope.ru/weekly/2007/0273/barom02.php
3)С целью сокращения объема статьи и времени на ее написание, не приводится подробное обоснование широко известных постулатов (таких как кризис перепроизводства, падение нормы прибыли, госкапитализм в СССР). Желающие могут найти обоснования в довольно большом количестве источников.
4)http://revsoc.org/archives/154
5)О структурных изменениях в капитализме начиная с 70-х годов можно подробнее найти у К.-Х. Рота в «Глобализации» http://revsoc.org/archives/4613
6)Более подробно и красочно приводит описание упадочного российского капитализма М. Инсаров в статьях «Россия в 1991-2005 годы» http://revsoc.org/archives/2610, «Государство и Капитал в России» http://revsoc.org/archives/48 и других.
7)Более подробно про кризис см http://revsoc.org/archives/1732 , http://revsoc.org/archives/372 , http://revsoc.org/archives/1285, http://investirovat.ru/index.php?topic=20.0
8)Эти мрачные прогнозы высказывают далеко не только радикальные леваки, но и такой откровенно буржуазный неолиберальный экономист как Кудрин: http://www.newsland.ru/news/detail/id/846230/
9)http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/165740/
10)Более подробную подборку материалов по Греции см. у нас на сайте http://revsoc.org/tag/greece и на других анархических и левых сайтах.
11)http://revsoc.org/archives/3275
12)Подробнее об «арабской весне» см: http://revsoc.org/archives/5704 , http://revsoc.org/archives/5973 , http://revsoc.org/archives/6235 , http://revsoc.org/archives/7812
13)Вообще, фразеология про «слабого Ельцина» - один из мифов современной российской буржуазии, оправдывающий как деиндустриализацию 90-х, так и эксплуатацию нулевых. Ельцин дважды побеждал в «уличной» борьбе за власть — в 91-м и 93-м, так что он был очень даже сильным буржуазным политиком.
14)http://revsoc.org/archives/48
15)Информация об экономике стран СНГ была взята из следующих источников: http://www.kazakhstan.orexca.com/rus/kazakhstan_economy.shtml, http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/ftrade1.php, http://www.mfa.gov.by/export/foreign_policy/, https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/up.html, http://www.blog.sololaki.ru/?p=16593 , http://economics.lb.ua/state/2011/08/31/112755_ukraina_vvozit_vse_bolshe_tovaro.html и Википедии
16)http://revsoc.org/archives/4308
17)Чтобы не было путаницы, сразу стоит оговориться, что под мелкой буржуазией подразумеваются именно мелкие эксплуататоры, то есть во-первых предприниматели, которые имеют хотя бы одного наемного работника, а значит и эксплуатируют его труд, во-вторых, те кто занимаются спекуляцией (валютой, товарами, на бирже), а значит косвенным образом также эксплуатируют чужой труд, и наконец мелкие руководители, имеющие подчиненных, но и сами являющиеся подчиненными. Те, кто сами создают а затем продают товары и услуги (например, репетиторы, частные таксисты-бомбилы, итп), называются автором самозанятыми работниками.
18) http://www.novayagazeta.ru/comments/51460.html
19) http://www.openspace.ru/art/events/details/33052/
20) Использованные опросы:
http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrya , http://www.levada.ru/13-02-2012/opros-na-mitinge-4-fevralya , http://prometei-kras.livejournal.com/542.html , http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112492 , http://revline.info/index.php/news/individual-cities/moskow/125–24——,
http://socialists.su/analiz/nakanune_prigovora_nadezhdyi_opaseniya_i_perspektivyi.html ,http://www.scepsis.ru/library/id_3134.html
21)http://www.topnews24.ru/news/krasnoyarsk/41116-srednyaya-zarplata-v-krasnoyarskom-krae-sostavlyaet-24-475-rublej.html , http://www.newslab.ru/news/376644
22)Мы не будем сейчас разбирать причины, по которым социалистам может подходить только тактика бойкота парламентских и президентских выборов, так как это не входит в задачи этой статьи. На эту тему написано много статей, например Инсаровская “Выборы:чего не делать” http://revsoc.org/archives/2873
23)http://livasprava.info/content/view/3611
24)http://mpst.anho.org/novosti/egipetskie-anarhistyi-i-revolyutsionnyie-sotsialistyi-pod-udarom/
25)Данные взяты из следующих источников http://www.gazeta.ru/financial/2011/09/15/3769049.shtml , http://www.tv100.ru/news/minfin-razmorozit-200-milliardov-byudjetnyh-sredstv-na-sluchay-nachala-vtoroy-volny-krizisa-52793/ ,http://krizis-kopilka.ru/archives/6887 , http://www.personalmoney.ru/pnwsinf.asp?id=1226004
26)http://www.rabkor.ru/authored/12971.html
27)http://www.rabkor.ru/analysis/12973.html
28)http://slon.ru/russia/obshchestvo_anonimnykh_revolyutsionerov-765700.xhtml Горячая весна.

ГОРЯЧАЯ ВЕСНА

I

Греция может выйти из еврозоны. Некоторые аналитики выражают опасения, что со временем Испания и Италия могут последовать за ней. Олланд портит карты финансовой политике Меркель-Саркози. Израиль может атаковать Иран. Война в Сирии продолжается. Южный Судан отделился от собственно Судана. Америка ждёт выборов и ждёт конца эпохи своего могущества. Экономика Китая перегревается... Люди в знак протесты выходят на улицы по всему миру. Теперь и в России.

Мы ждали этого. Мы уже почти перестали верить в то, что в России может что-то произойти. Мы не ждали этого. Мы привыкли отводить взгляд от просящих милостыни. Мы привыкли проходить мимо митингов, на которые приходило 50 человек, из которых 49 — «профессиональные активисты».

Мы, в том числе, революционные социалисты, ждали победы Путина. Но мы не ждали, что на улицы выйдут сотни тысяч человек. Мы привыкли раздавать листовки под дождём и привыкли, что их никто не берёт. Мы привыкли действовать ритуально, как в заколдованном царстве, кошмарном сне, где ты пытаешься разговаривать с людьми, но не слышишь собственных слов.

А потом вдруг они появились. Люди, слова, тысячи. Тысячи листовок брали нарасхват. Знакомые, которые раньше не интересовались политикой, «твитят» о событиях на «оккупаях». Люди, которые раньше смотрели на нас как на сумасшедших, вдруг сами стали проявлять политическую позицию и посещать протестные мероприятия.

Одни говорят о революции, потому что боятся её. Другие говорят о революции, потому что считают, что она уже началась. К радости одних и сожалению других, о революции говорить ещё рано. То, что люди пришли в движение, ещё не означает, что они знают куда и зачем они идут. С другой стороны, пуристские и рафинированные выкрики о том, что это бунт леммингов и тупых офисных хомячков, который не имеет к «настоящему революционному процессу» никакого отношения — ещё более отвратительны, чем сознательная ложь самодержавных публицистов.

Вообще, никогда терпеть не мог журналистов. Все лучшие журналисты, которых я знал не были выпускниками журфака. А журфаки по сути готовят из творческих бездарностей с амбициями профессиональных дилетантов. Это ещё полбеды. Но вот попадает такая бездарность в РБК и приходится ей писать о массовых протестах.

Так как бездарность ничего не знает ни о социологии, ни о политике, то и приходится ей как-то выёживаться, искать провокаторов, клепать штампы, выдумывать несуществующие экономические категории. А всё потому, что бездарностям тоже надо что-то есть. Журналист, как наёмный рабочий, когда пишет о подорожании цен на зубную пасту ничем не отличается от другого работяги, который также обслуживает процесс общественного воспроизводства. Но вот когда бездарности приходит время определиться с политической позицией, то ей приходится объективно становиться на сторону власть предержащих. Опять же, потому что надо что-то есть. А все ведущие СМИ держат в своих руках отнюдь не наёмные рабочие. Даже если журналист придерживается социально-критических взглядов, то мне не раз приходилось видеть как его работа, искорёженная редактором, выражала совсем не то, что он хотел сказать.

Вообще журналист это такой идеологический «мент». Ему может и нет никакого желания давить (на) людей. Но приказ-то есть. Бытие определяет сознание, нравится это последнему или нет. Функция определяет орган, осознаёт он это или нет.

Хуже профессиональных дилетантов могут быть только профессиональные клинические идиоты: политологи, социологи, экономисты, «философы». С этими-то совсем всё понятно. Либо они не работают по профессии, или работают на самых низших должностях, либо они занимаются непосредственным идеологическим обеспечением функционирования нашего прекрасного общества. Именно эти идиоты с профессорскими званиями всерьёз удивляются, что «капитализм оказывается до сих пор подвержен кризисам», что «роста демократии на фоне роста экономики не произошло» и т. п.

Существует ли абсолютная истина? Не знаю. Думаю, что нет. Но забавно смотреть, как одна и та же картина рисуется совершенно разными красками. Один факт получает тысячи трактовок. Моего друга чуть не забирают в «автозак» без всякой на то причины, а некоторые издания пишут о «провокациях радикалов». Прямые трансляции в интернет показывают зверства полиции, пока политологи говорят о коварных планах Госдепа. Забавно смотреть как реальность пытаются собрать из кусочков разных мозаик. Нам, чтобы собрать этот паззл, сперва придётся понять, что и почему говорят люди. Пишут в блогах, говорят по телевизору, печатают миллионными тиражами. Они все это делают ради чего-то. Мы, революционные социалисты, ищем сырую правду. Фактическая сторона дела практически ясна для всех, в интернете можно найти чуть ли не поминутное повествование событий. Но всегда интересно что говорит «аналитика». И главное: почему?

Возьмём, к примеру, журнал «Профиль (издаётся, как указано, «совместно» с немецким Der Spiegel). В еженедельнике от 14 мая проблема протестов идёт второй статьей после ситуации в Греции. Причём, это не статья, а интервью с Львом Любимовым, заведующим кафедрой макроэкономического анализа ВШЭ, профессором. Советы, которые даёт уважаемый профессор, удивительно далеки от экономики и вообще от здравого смысла. Во-первых, он, конечно, негодует о победе «социалиста» Олланда: *«Выбор французов свидетельствует о том, что «призрак коммунизма» во Франции все ещё бродит. К сожалению, видимо из-за наплыва в страну выходцев из Северной Африки, этот призрак почувствовал себя во Франции гораздо увереннее. Меня это удручает, потому что я убеждён, что Европа и Северная Америка нуждается в консерваторах. Я не сторонник принципа равенства, который, как известно, является одним из принципов республики во Франции. Никакого равенства нет и быть не может... Поэтому я не сторонник того популизма, который сквозит, к сожалению, и в речах Путина, Медведева...».* («Профиль №18/ 14.05.12)

Вот это да! Мне один американский политолог говорил, что у них «либералы» считаются «левыми», в то время как у нас они «правые». Нужно признать, что либералы в России самые либеральные, настолько либеральные, что готовы защищать демократию и свободный рынок от всякого быдла типа народа. Это вам и Латынина, и Новодворская скажет. Мне вот удивительно каким образом «выходцы из Африки» торжеству реформистской социал-демократии способствуют? За ЛеПен не голосуют? Да, проблемка.

Но это ещё что. Товарищ профессор не только на выходцев из Африки негодует. *«Главный враг в своей стране». На вопрос о том, может ли в стране произойти революция, доктор наук отвечает: «нет, потому что быдло-с», а именно: «съездите в нечерноземную полосу России, и вы увидите — это даже не люмпены, а гораздо хуже! Когда про эти деревни говорят, что, мол, «деревня вымирает», я думаю: да скорее бы она вымерла! В городе такие люди ходят под нашим присмотром (под чьим-чьим?- Р.С.), а там же — просто ужас!»* Мне вот интересно... Так, на минуточку.

«Блогер из Карелии Максим Ефимов помещён в стационар для проведения психиатрической экспертизы. Петрозаводский городской суд удовлетворил ходатайство следствия. В апреле с.г. против председателя Молодежной правозащитной группы Карелии Максима Ефимова было возбуждено уголовное дело по приснопамятной 282-й статье (чтоб её отменили побыстрей!(«против экстремизма», разжигания социальной вражды итп - РС)). Поводом к возбуждению против Максима Ефимова уголовного дела стала его заметка «Карелия устала от попов». Вот её текст:

Карелия устала от попов. В столице Карелии наблюдается рост антицерковных настроений. Ничего удивительного в этом нет. Мыслящая часть общества понимает, что церковь – это тоже партия власти. РПЦ так же, как и ЕР дурачит народ сказками о том, как хорошо мы живём, при этом гребя под себя деньги. Тотальная коррупция, олигархия и всевластие спецслужб напрямую связаны с возрождением русской православной церкви (РПЦ). За бюджетные деньги, которых нет на самое необходимое, в Карелии строятся храмы, РПЦ получает в пользование помещения детских садов, которых катастрофически не хватает. Ряженые бородачи – нынешние секретари по идеологии – заполонили собой экраны телевизоров. Попы рассуждают обо всём, начиная от канализации и заканчивая модернизацией. Всё это вызывает рвотный рефлекс у нормальных людей, которые, не будучи способны повлиять на это засилье «попографии», выражают своё отношение к

провинциальным чиновникам РПЦ через надписи на стенах зданий, где кучкуется православное отродье. «Pay and pray» (Плати и молись), «Christ is dead» (Бог умер) – на стенах Православного центра в Петрозаводске» (turtaniat.livejournal.com/1913808.html)

А нет ли в высказываниях господина Любимова разжигания социальной розни по отношению к населению России, в особенности к сельскому населению? Он же открыто говорит, что желает народу смерти. Но это ничего, в России со страниц делового журнала призывать к геноциду трудящихся можно, а вот в личных блогах про власти или церковь — упаси Б-же что сказать. Мало что в тюрьму, в дурдом посадят, дураком на всю жизнь сделают.

Впрочем, последнего власти не то чтобы бояться, даже наоборот. Вот что говорит наш заслуженный профессор: *«Налицо глубочайший раскол в обществе. Речь даже не о богатых и бедных, хотя эта проблема чрезвычайно серьёзна. Раскол прежде всего происходит на культурном уровне. В нашем обществе сосуществуют две культуры: условно говоря, «государственническая», признающая ценность государства, и «локалистская», для которой государство — абстракция или даже зло. Представителей «локалистской» культуры большинство. Все, кто работает на государство, для них сволочи... Именно поэтому на сегодняшний день мы имеем конституционную автократию. Если в этих условиях произойдёт раскол элит, нам останется один шаг до фашизма... Поэтому, на мой взгляд, самый продуктивный путь развития — воспитание нового населения...».*

Докторам наук, конечно, виднее, но я, к сожалению, как-то не замечал чтобы у нас большая часть народа была против государства настроена. Скорее даже наоборот, патернализм у наших людей сильно развит. Ну да ладно, пусть боятся.

Мораль басни, однако, ясна. Народ — тупой. Его надо переделывать. А пока не переделаем в стране нужна автократия, а на крайний случай фашизм. Мне очень жаль, что большинство населения России не читает деловую прессу. Думаю тогда антигосударственнические настроения, действительно, были бы на высоте.

Для кого, на самом деле, издаётся «Профиль»? «Адресная рассылка поступает в Администрацию президента, правительство, членам Совета Федерации и депутатам Государственной думы. Также регулярными читателями стали пассажиры бизнес-класса крупнейших авиалиний «Аэрофлот», «Сибирь», «РусЛайн» и посетители автозаправочных станций «Бритиш Петролеум», «ТНК», «Лукойл»... «социальный статус руководители – 25% (217) специалисты – 16% (133) служащие – 12% (104) финансовый статус высокий – 25% (238) средний – 28% (87)». (ru.wikipedia.org/wiki/Профиль_(журнал)

Вот такое интересно читать членам Администрации президента, руководителям высокого уровня дохода. Жаль только что с такими идеями, а как говорил один старый еврей «идеи господствующего класса — это всегда господствующие идеи», далеко не уедешь. В смысле, к народу, конечно, можно относиться как к быдлу, которое нужно розгами воспитывать, но потом не стоит удивляться, что люди тысячами выходят на «бунт, бессмысленный и беспощадный». Вру, конечно, не жаль их совсем.

Или возьмём, к примеру, журнал «Эксперт». Сам о себе он говорит следующее: *«За пятнадцать лет работы на рынке печатных СМИ «Эксперт» стал не просто журналом, а деловым партнером для сотен владельцев бизнеса, топ-менеджеров, управленцев и руководителей разного уровня по всей стране. «Эксперт» не ограничивается цифрами и фактами, а дает читателям объемную и достоверную информацию, представляет тренды, аналитику, прогнозы, рейтинги, описывая состояние отраслей производства, публикуя интервью с ключевыми фигурами бизнеса»* (expert.ru/about/publish/). А телеканал «Эксперт» рекламируется как «первый канал русской буржуазии». Это к вопросу о том, есть ли сегодня буржуазия как класс. Главный редактор (с 1998 года) Валерий Фадеев, который в 93-95 годах был заместителем директора Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП («профсоюза буржуазии» - РС)). Он же «6 февраля 2012 года был официально зарегистрирован как доверенное лицо кандидата в Президенты РФ и действующего премьер-министра Владимира Путина. Член Попечительского совета благотворительного фонда Олега Дерипаски «Вольное дело» (ru.wikipedia.org/wiki/Фадеев,_Валерий_Александрович).

Позиция данного журнала, который обычно выступает с прокремлевских и крупнобуржуазных позиций, даже для него кажется несколько радикальной.

В редакционной статье, открывающей номер, сразу же говорится что *«по той информации, которой располагаем мы, столкновения между ОМОНом и митингующими стали результатом заранее запланированной лидерами «полусистемной» оппозиции провокации. Более того, отмечается, что якобы «политическая система недостаточно зрелая для того, чтобы отвечать на прямые вызовы несистемной радикально настроенной оппозиции. Это её и наша слабость (Р.С.)»* («Эксперт» 14-20 мая 2012 №19). То есть мало того, что идёт откровенная ложь о провокации, так ещё и власть обвиняется в том, что она действовала недостаточно жёстко.

Далее статья озаглавленная «Гапончики» повторяет в основном выводы редакционной заметки. В ней утверждается, что представители мифического «креативного передового класса» пошли на поводу у внесистемных радикалов Навального и Удальцова. Во-первых, очень непрофессионально сводить всю ситуацию к провокации (даже если она гипотетически была бы) и действиям отдельных личностей. Такой подход в социальных науках господствовал не далее середины XIX века. Во-вторых, не понятны жалобы на «внесистемность» оппозиции. Как будто какая-то «системная» оппозиция в рамках существующего строя возможна. Мы, революционные социалисты, не испытываем никаких симпатий к «оппозиции», но справедливости ради надо отметить, что если бы она могла, она бы с радостью влилась в «систему», как, например КПРФ. Но годы путинского правления окончательно вычистили политический ландшафт страны.

В данном «аналитическом» журнале мы опять встречаем полное непонимание текущего политического процесса. Власть и писаки, которые на неё работают настолько оторвались от реальности, что всерьёз полагают

будто блогер вместе с маргинальным леваком могут устроить «запланированную провокацию» с тысячами людей, что создаст страшный вызов для «недостаточно зрелой политической системы». Не «оппозиции» надо бояться властям. А народа. Вроде же легко понять. Если народ выйдет из под контроля этой квази-«внесистемной оппозиции», вот тогда-то проект «оккупай Кремль» станет реальным. Так что власти надо бы беспокоиться о проводимой ей социальной политике, а не о наличии пары медийных персон у либеральной оппозиции, для которой как и для власти, любая диктатура будет предпочтительней народной революции.

Журнал «Коммерсант Власть», не смотря на то, что принадлежит крупному олигарху Алишеру Усманову, занимает гораздо более взвешенную позицию. Генеральным директором ИД «Коммерсант» является Демьян Кудрявцев — приятель Березовского. По старой ли дружбе с опальным олигархом или из-за потребности ориентироваться на мелкий и средний бизнес как target group своего издания, «Коммерсант», как правило, занимает более либеральную позицию, чем другие деловые издания. В этом он схож с «Ведомостями», которые, правда, отдельного журнала не имеют, но позволяют себе критику власти в своей ежедневной газете.

Хоть, «Коммерсант» и повторяет миф о «креативном среднем классе» как о главном «субъекте революции», он находится на гораздо более реалистичных позициях. Журнал пишет, что вспышка насилия была вызвана неосмотрительностью или злонамеренностью властей, ссылаясь на большое количество показаний очевидцев — участников событий, в том числе собственных корреспондентов.

В статье «Маёвка и ОМОН», авторский коллектив справедливо объясняет, что насилием власти ничего кроме озлобления народа добиться не смогут. А чем дальше заходит спираль противостояния, тем меньше возможности «системно» разрешить противоречия. *«Однако если российское руководство продолжит перенимать опыт некоторых соседей и начнет преследовать своих граждан не только за прогулки по бульварам, но и, скажем, за аплодисменты в общественных местах (как в Беларуси — Р.С.), то “рассерженные горожане”, по предположению многих блогеров, вполне могут превратиться в “разгневанных” — со всеми вытекающими для властей последствиями»* - заключает «Коммерсант» (kommersant.ru/doc/1930173).

«Русский репортёр» из того же издательского дома что и «Эксперт», но ориентирующийся больше на верхушку рабочего класса и интеллигенцию, чем на управленцев и бизнесменов даёт оценку близкую к оценке «Коммерсанта»: *«В итоге совместными усилиями оппозиционных активистов и сотрудников полиции веселая майская демонстрация-прогулка с просмотром московских достопримечательностей превратилась в массовые беспорядки. Тут-то и выяснилось, что многие вполне мирные, успешные и, так сказать, «социально встроенные» участники митингов не то чтобы сами готовы участвовать в беспорядках, но к действиям радикалов относятся с явным сочувствием. Своеобразной кульминацией креатива, перешедшего в погром, стало нападение на машину телекомпании НТВ, начавшееся с вполне невинного подсовывания под ее стекла денежных купюр — как символа ее продажности».* (rusrep.ru/article/2012/05/10/bolotnaya/). При это издание отмечает ослабление позиций националистов в движении и радикализацию самих масс, которым, как оказалось нет большого дела до «лидеров» типа Навального и Удальцова: *«Характерно, кстати, что на нынешнем митинге почти не было заметно националистов, которые были одной из главных колонн на всех предыдущих оппозиционных мероприятиях. Это еще одно свидетельство того, что политические дефиниции все больше растворяются в общем антипутинском настрое, который становится все менее конструктивным. А это означает, что, несмотря на все попытки, диалог между умеренной частью протестующих и властями так и не установился. При этом протестное движение, даже теряя часть сторонников из-за упрощения лозунгов, остается массовым, но уже не совсем гражданским, а именно оппозиционным».*

Оппозиционный «The New Times», принадлежащий также приятельнице Березовского Лисневской и либеральному публицисту Евгении Альбац, на страницах которого публикуются такие либералы-мизантропы как Новодворская и Шендерович, просто смакует происшедшие события. Впрочем, и там чуют, что дело идёт к крупной заварушке: *«В России начинается революция или диктатура?... Кажется, третьего уже не дано. Или — дано? Видит бог, уже хочется поверить в теорию заговора: что в Кремле сидит некий дьявол, который придумывает, как сделать хуже. Хуже всем — и власти, и согражданам. В противном случае придется признать: те, кто правит Россией, — не только лживы и коррумпированы, не только не понимают мира вокруг и не чуют под собою страны, они просто глупы.»*(newtimes.ru/articles/detail/51729). Жирным шрифтом на страницах журнала выводится: *«1500 (плюс-минус) задержаний, 79 пострадавших, из них 29 полицейских; 10 — политзэков, отбывающих срок от 3 до 15 суток, уголовное дело «по фактам призыва к массовым беспорядкам»; 865 тыс. рублей, собранных через интернет на оплату услуг адвокатов, помогавших тем, кто сидел в клетках отделов внутренних дел по всей Москве, и тем сотням, кто по разным статьям (участие в*

несанкционированных акциях, неповиновение полиции и т.п.) ожидает судов в ближайшее время — возбуждено от 350 до 400 административных дел; «мобильный майдан», кочевавший по столичным улицам и площадям, многажды зачищенный ОМОНом и докочевавший до Чистых прудов под именем «оккупайАбай», обещания пресс-секретаря Путина «размазать печень по асфальту» и «разогнать» этот самый майдан — все это вместе с инаугурацией нового-старого президента каким-то невероятным образом вместилось в неделю». А Шендерович заикается, что Путина ждёт судьба Чаушеску.

С другой стороны, если в первой же статье журнала ставится вопрос так: революция или диктатура — это означает, что либералы не на шутку перепуганы происходящим. Такие персоны как Рыжков и Парфёнов уже отстранились от протеста, как слишком «антисистемного». Либералы успокаивают себя и берут интервью у Вячеслава Иванова, он вообще академик, да вот только филолог. Тем не менее, позиция которую он высказывает капает как нектар на душу либералов. Он уверен, что у истории есть одна конечная цель, к который все общества рано или поздно, ценой меньшей или большей крови, но придут. Цель эта — парламентская демократия. В рамках данного материала нет смысла критиковать парламент как идеал, тем более нет смысла критиковать такой однобокий подход к истории.

При всём при этом российские либералы надеются на такой «конец истории» и в последних событиях видят подтверждение своей гипотезы.

В целом можно видеть, что как либеральные, так и самодержавные СМИ видят ситуацию примерно так: 1) есть средний класс (он же «креативный» класс, он же «передовой класс», он же «рассерженные горожане», он же «хипстеры») 2) есть (квази)оппозиция, которая по версии либералов выражает интересы среднего класса, а по версии самодержцев провоцирует его 3) последние события показали, что диалога власти и среднего класса не вышло, так что возможно обострение ситуации вплоть до «революции или диктатуры». Это не так.

II

Начнём с небольшой статистики. В России очень большой индекс Джинни (коэффециент неравенства в обществе). Больше чем в Гане и Буркина-Фасо. (ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_показателям_неравенства_доходов). В Москве проживает наибольшее количество миллиардеров в мире (по состоянию на 2011 год). Так в Москве их 78, а в одной из финансовых столиц мира — Нью-Йорке на 20 меньше.(top.rbc.ru/society/10/03/2011/556782.shtml) Около 20 миллионов человек в России живёт за чертой бедности, то есть меньше чем на 5-6 тысяч рублей в месяц. Я, честно говоря, даже не понимаю, как на эти деньги можно выжить. Хотя и уровень цен вдали от столиц, как правило, ниже. (http://www.vestifinance.ru/articles/1970)

А среднемесячная заработная плата лишь в 3 с небольшим раза выше минимального прожиточного минимума. В зависимости от того, какие статистические методики использовать, в число официально бедных попадает от 15 до 50 процентов населения России.

Встаёт вопрос: кого называть средним классом? Всех небедных и немиллиардеров? Можно, конечно, взять 1% самых бедных, 1% самых богатых, а все остальные 98% назвать средним классом. Проблема только заключается в том, что такая категория не будет иметь никакой познавательной ценности.

«Российские экономисты и социологи вчера опровергли миф о росте благосостояния и увеличении численности среднего класса в стране», пишет "Независимая газета". По их данным, в России к этой прослойке можно отнести не 20–25%, как считает официальная наука, а около 7% населения. При этом, несмотря на успехи экономики, численность среднего класса перестала расти. Но избранный президент Дмитрий Медведев уверен, что доля среднего класса в России к 2020 году может увеличиться до 60–70%, то есть почти в 10 раз.

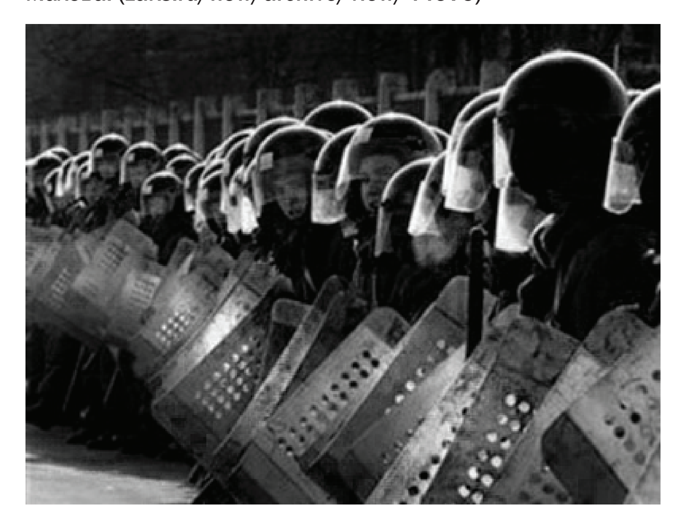
По оценкам Института социологии РАН, к среднему классу в России сегодня можно отнести 28 млн. человек, или около 20% россиян. Однако эти данные не соответствуют действительности, заявили участники прошедшей в четверг конференции "Средний класс: проблема формирования и перспективы роста".

Обыденное понимание среднего класса как промежуточного слоя между богатым и бедным населением опасно своей обманчивостью, говорит руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Евгений Гонтмахер. По его словам, при такой трактовке в средний класс попадают семьи, в которых на душу населения приходится 13 тыс. руб. ежемесячного дохода и 21 кв. метр общей площади, а также половина легкового автомобиля на всех.

"Очевидно, что это пародийная картина на реальный средний класс в развитых странах, где для попадания в этот слой обычно необходим постоянный месячный доход на каждого члена семьи в 2–2,5 тысячи долларов, не менее 40 метров общей площади и 2–3 легковые машины на семью", – считает эксперт.

“Доходы выше среднего, высокий социальный статус, квалификация и причисление себя к среднему классу еще не является гарантией вхождения в этот слой”, – указывает директор Института социальной политики Татьяна Малева.

В соответствии с этими критериями, средний класс в России составляет около 20%, а в городском населении – все 30%. *“Однако в реальности доля среднего класса вряд ли превышает 7%, так как у большей части тех, кто туда себя записал, не хватает ресурсов, чтобы устойчиво отличаться от тех, кто находится в группе ниже среднего”*, – отмечает Малева. (zaks.ru/new/archive/view/44976)

Даже не смотря на то, что современная академическая социология обычно при определении “классов” оперирует уровнем доходов или расходов, категория “среднего класса” была бы пустой абстрактной категорией, если бы не опиралась на специфическую модель поведения для данной социальной группы.

Объединить всех горожан, кто получает, например, больше 30 тысяч рублей в месяц в одну категорию, мягко говоря, очень вульгарно. В Москве 30 тысяч, по крайней мере, пару лет назад, получал и рабочий у станка, и научный сотрудник НИИ, и офисный работник, и начинающий программист. Причем, даже в зависимости от уровня образования и профессии, у данных групп не было устойчивых политических предпочтений, всё было очень индивидуально.

На мой взгляд, реально к среднему классу нужно относить большую часть электората либеральных партий (СПС и “Яблоко”). А сам средний класс можно определить так: это социальная группа людей, которая выиграла в увеличении своего дохода за время проведения неолиберальных реформ в России и для которых путинская стабилизация не считается ценностью.

Так, на выборах в 1999 году, СПС набрал 8,5 голосов в парламент, пользуясь поддержкой НТВ, ТВ-6 и Эхо Москвы. Однако, уже в 2007 году уровень поддержки партии по социологическим опросам не превышал 1-2% (ru.wikipedia.org/wiki/Союз_правых_сил)

Яблоко в 1999 году набрало около 6%, но уже в 2011 году — 3,4 процента (ru.wikipedia.org/wiki/Яблоко_(партия)). Есть ли всё таки связь между реальным уровнем роста жизни при Путине за счёт нефтедолларов и падением популярности либеральных партий, сказать сложно, тем более этот вопрос выходит за рамки данной работы.

В любом случае, очевидно, что процент людей, которые имеют четкую политическую позицию, включающую в себя индивидуальный успех и отказ от патернализма, составляет не более 10% процентов, из которых большая часть сосредоточена в крупных городах. Газета.ру приводит такие данные по статистике в Москве(gazeta.ru/style/2004/09/n_170091.shtml):

«В Москве в 2003 году:
Бедные (до ПМ) – 8,6%,
Низкообеспеченные (от ПМ до МПБ) – 20,1%
Ниже среднего класса (от 7 до 35 тыс. рублей) – 44,3%
Средний класс (от 35 до 70 тыс. рублей) – 22,0%
Выше среднего класса (более 70 тыс. рублей) – 5,0%
ПМ – прожиточный минимум в Москве (3500 рублей)
МПБ – минимальный потребительский бюджет в Москве (2 МП) – 7000 рублей»

Однако, как можно заметить, «экономический» средний класс не тождественен «политическому» среднему классу. Так, если «экономический» средний класс мы будем считать за 22% процента в Москве, то электорат Яблока и СПС (и Прохорова) составит около 5-10% вместе.

По разным источникам в Москве проживает от 12 млн до 20 млн жителей. Даже если взять официальную цифру в 12 млн (то есть без мигрантов, которые вряд ли голосуют за правые партии), то окажется, что всё уменьшающийся политический средний класс составит меньше миллиона человек.

С другой стороны, нет никаких оснований полагать, что электорат правых партий находится только в среде «экономического» среднего класса. Так за Яблоко часто голосуют представители не столь богатой интеллигенции, а за СПС — бизнесмены средней руки.

Если же взять современные данные, по которым поддержка правых партий составит всего несколько процентов, то результат будет как раз исчисляться сотнями тысяч человек.

В качестве косвенного признака вычисления «креативного класса» можно использовать тиражи в целом либерально настроенных толстых глянцевых журналов, которые как раз позиционируют себя как чтиво для среднего класса. Тираж журнала «Esquire» составляет 135 тысяч в месяц, журнала «Сноб» - 90 тысяч экземпляров. И естественно их тираж приходится не только на Москву и Питер.

Лента.ру говорит о динамике изменения социального состава протестующих:«Оказалось, что за прошедшие месяцы митингующие заметно “обнищали”. Об этом говорят исследователи из РГГУ во главе с Екатериной Семирхановой. К примеру, согласно опросам, в декабре 20% участвовавших в акциях протеста владели собственными средствами производства, еще 10% были управленцами, и всего лишь 10% - иждивенцами (причем сюда записывали не только пенсионеров и инвалидов, но и студентов со школьниками).

Из работающих, каковых было 60%, 49% имели зарплату выше среднего уровня и лишь 11% - ниже. На майских же митингах произошла резкая маргинализация

протестной публики: значительно сократилось число собственников средств производства и управленцев. При этом выросло количество иждивенцев, низкооплачиваемых работников, и даже, что удивительно, в протестном движении появилась новая группа - рабочий класс. Правда, в условиях Москвы, где заводов днем с огнем не сыщешь, в рабочий класс исследователям пришлось записывать всех, кто делает хоть что-то своими руками - начиная от сантехников и заканчивая таксистами.

С одной стороны, появление среди протестующих "простого народа" может восприниматься оппозицией положительно, ведь это означает перетекание в их ряды потенциального путинского электората. С другой стороны, это говорит об "утекании" среднего класса.

Одновременно со сменой контингента изменились и требования. Исследователи, которые проводили опросы, давали участникам митингов листочки с разными требованиями и просили отметить те, которые они поддерживают. В декабре наибольшим спросом пользовались либеральные идеи, больше свобод для СМИ и т.д. В мае популярными оказались требования национализации предприятий, прогрессивного налога, дополнительных налогов для богатых. Одним словом, те, которые характерны для людей с низким уровнем доходов. (http://www.utro.ru/articles/2012/05/12/1046009.shtml)»

По данным Грани.ру (grani.ru/Politics/Russia/activism/m.193917.html) численность человек на декабрьском митинге на Болотной площади составила от 80 до 150 тысяч человек.

Однако, на нём, мне как участнику событий, было невооружённым взглядом заметно, что хоть основную массу протестующих и составляют люди младше 30 лет. Но среди них, судя по хотя бы внешнему виду, далеко не все имели доход выше 35 тысяч рублей в месяц. А пестрота политических взглядов поражала даже меня. Все флаги в гости к нам. От ультранационалистов до ультралевых. Причём, по личному общению могу отметить, что к анархистам у большинства присутствующих было отношение достаточно позитивное.

Можно заключить, что на митинги протеста вышли далеко не только представители экономического и политического среднего класса. Да, в основном там были молодые люди с высшим образованием, но уровень их дохода и политические взгляды были существенно различными. Ещё одна главная ошибка, которую совершают либеральные и проправительственные СМИ, это игнорирование протестных акций до начала предвыборной кампании.

Так, на митинге в защиту Химкинского леса в 2010 году в Москве собралось до нескольких тысяч человек. Опять же как свидетель, могу сказать, что там были абсолютно разные люди, всех возрастов, достатка и политических взглядов.

Националистические волнения, которые мы ни в коем случае не поддерживаем, но которые являются фактом политической жизни страны, собрали в декабря 10 года тоже до нескольких тысяч человек.

Этим событиям предшествовали многочисленные выступления против монетизации льгот, реформы образования, рост числа забастовок (что, к сожалению, трудно оценивать по официальной статистике).

Как сообщает ikd.ru: *«Межрегиональная правозащитная Ассоциация «АГОРА» подвела итоги преследования гражданских активистов, журналистов и неправительственных организаций (НПО) за первое полугодие 2011 года. Правозащитники зарегистрировали 505 подобных сообщений из 51 региона страны. За весь 2010 год зафиксировано 603 факта из 50 регионов, в 2009 - 308, в 2008 - 144.*

По данным Ассоциации, за первое полугодие 2011 года в России состоялось 377 пикетов, акций и митингов, в которых приняли участие 66 308 активистов. Более 1000 активистов были задержаны во время этих публичных акций. В частности, они были посвящены погибшим журналистам и правозащитникам (Анастасии Бабуровой, Станиславу Маркелову, Наталье Эстемировой), реформе МВД, борьбе против произвола власти, возросших тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства, против строительства трассы через Химкинский лес, в поддержку 31 статьи Конституции РФ. Также продолжились многочисленные акции в поддержку бывшего владельца нефтяной компании «ЮКОС» Михаила Ходорковского.» (ikd.ru/node/17237)

Стоит всё-таки обратиться к тому факту, что в большей или меньшей степени, население России стало жить несколько лучше в эпоху правления Путина (без учёта кризиса 2008). Как пишут «Мнения.ру»: *«Накануне выборов все больше говорят об итогах так называемых «нулевых» годов. С одной стороны, в России наметился стабильный экономический рост, и в среднем улучшилось качество жизни населения, с другой — заметно увеличились неравномерность в распределении доходов и социальное расслоение в обществе...*

...Согласно официальным данным Росстата, денежные доходы населения с 2000 года значительно выросли. В 2000 году среднедушевые доходы населения по России составляли 2 281 рубль в месяц, а в 2010 году — уже 18 881 рубль. Количество людей, доходы которых находятся ниже уровня прожиточного минимума, за десять лет сократилось почти вдвое. Тенденция к росту доходов продолжилась и в январе текущего года, когда по сравнению с аналогичным периодом 2011 года они повысились на 2,3%. На сайте Росстата представлены данные опроса, где отражается мнение населения о текущем материальном

положении. Если в 2002 году в среднем 33,7% опрошенных говорили о том, что живут плохо, то в 2011 году этот показатель снизился до 28,7%. Однако стоит отметить, что как «хорошее» свое материальное положение по-прежнему оценивало лишь малое число 6,6% опрошенных (в 2002 году — 4,9%)...»

Рост протестной активности был вызван не вопреки, а благодаря экономическому росту. В 90-е люди молились о стабильной заработной плате, и чтобы завтрашний день не был хуже чем вчерашний. За 10 лет правления Путина люди привыкли к пресловутой «стабильности» и перестали рассматривать её как ценность, таким образом, основная масса населения сблизилась в этом плане с электоратом правых партий, но без перехода на непосредственно либеральные позиции. Рост уровня жизни сделал возможным два основных требования населения: 1) дальнейший и больший рост уровня жизни 2) рост потребности в качественных «услугах» со стороны государства. Аппетит приходит во время еды, и чем лучше стали жить люди — тем больше они стали требовать от власти. Власти же привыкли к тому, что народ должен быть ей вечно благодарен за избавления от времён Ельцина. Но сейчас не только многими пожилыми людьми времена Ельцина забылись, но и выросло молодое поколение школьников и студентов, которые тех времён не знают. Они уже оказались в политической системе, где не существует свободы слова, свободы собраний, ухудшается качество образования, а религия и непосредственно институт РПЦ пытается подчинить себе всё большие сферы жизни, на фоне того, что выпускникам ВУЗов и других учебных заведений чрезвычайно сложно найти работу, не говоря уже о высокооплачиваемой работе. Сейчас большинство молодёжи получает меньше их родителей и нет оснований считать, что ситуация изменится. Это не может не вызывать протеста у молодых россиян. Если для их родителей Путин был своего рода спасителем. То для юных граждан Путин уже не более, чем диктатор. Более того, многие люди в независимости от возраста осознают, что даже если считать экономический рост нулевых благом, то современная власть не способна на модернизацию страны и, что она, Россия, будет всё дальше и всё больше зависеть от экспорта сырья. Это не может не вызывать опасения у родителей за судьбу их детей, не говоря уже об опасениях молодёжи за саму себя. К этому стоит добавить, что если в 90-е существовали социальные лифты в виде ухода в бизнес\мафию для пассионарных, так сказать, представителей молодёжи, то сейчас большинство социальных лифтов закрыто. Образование становится всё более платным и не менее коррумпированным (в плане распределения бюджетных мест).

Именно поэтому стали набирать силу социальные микровзрывы: погром Химкинской администрации, приморские партизаны, митинги за честные выборы, наконец последние события по «Occupy Moscow».

Возвращаясь к «Оккупаям» приведём данные социологического опроса на Чистых Прудах:

«С целью исключения ложных оценок, искажающих истинные масштабы и природу общественного протеста, 12 мая 2012 года был проведен социологический опрос. Для этих целей привлекалось 24 волонтера, которые опрашивали протестующих в районе Чистопрудного бульвара у памятника Абаю Кунанбаеву (лагерь «Оккупай Абай») в течение дня. Было опрошено 684 человека, что составляет, по мнению опрашивающих, 1/5 часть от общего числа людей, находящихся на указанной территории в течение суток. Таким образом, число присутствовавших в лагере «Оккупай Абай» 12 мая превысило 3400 человек.

Протестующие оппозиционеры на вопрос: «Сколько времени вы здесь находитесь?» чаще всего отвечали: 2-3 часа. Ночью в лагере «Оккупай Абай» обычно, т.е. не только в ночь 11/12 мая, присутствовало от 20 до 40 человек. В утренние часы к лагерю подтягивалось еще 100-300 человек. Вечером (в 19-20 часов) число протестующих достигало максимума — 1-2 тыс. человек. В частности, вечером 11 мая в районе памятника Абаю Кунанбаеву единовременно находилось более 2000 человек.

Незначительное число опрошенных не причисляло себя к «протестующим» или «оппозиционерам»; они говорили о себе как о «любопытствующих» или «просто прогуливающихся»......Результаты опроса...

...Из 684 опрошенных человек оказалось 289 (42%) женщин и 395 (58%) мужчин, которые распределились по пяти возрастным группам следующим образом:
157 (23%) — 19 и менее лет,
296 (43%) — от 20 до 29 лет,
88 (13%) — от 30 до 39 лет,
98 (14%) — от 40 до 59 лет,
45 (7%) — 60 и более лет.

Протестующих спрашивали также, чем они занимаются (их профессию, см. 3-й вопрос). В этой позиции самую многочисленную группу заняли студенты — 195 (29%) человек, за ними идут учащиеся — 49 (7%). Рабочие, инженеры, бизнесмены, менеджеры, преподаватели, журналисты количественно определили третью нишу в 20-30 (3-4%) человек. Сюда же вошли безработные — 23 (3,4%) человека. Художники, фотографы, экономисты, юристы, врачи, маркетологи, режиссеры, музыканты и прочие профессии образовали четвертую нишу — 3-10 (менее 1,5%) человек.

Из 684 опрошенных 311 (45%) человек выходили 6 мая на «Марш миллионов» (см. 4-й вопрос). На 5-й вопрос: «Сколько раз вы участвовали в протестных "народных гуляниях" после 6 мая?» ответы распределились следующим образом:

305 (45%) — 1 раз,
127 (19%) — 2 раза,
103 (15%) — 3 раза,
58 (8%) — 4 раза,
51 (7%) — 5 раз,
40 (6%) — 6 раз.

На 6-й вопрос: «Кто вы по своим политическим убеждениям?» протестующие ответили:

либерал — 295 (43%),
аполитичный — 119 (17%),
социалист — 77 (11%),
анархист — 64 (9%),
не знаю — 47 (7%),
националист — 46 (7%),
коммунист — 34 (5%).

Наконец, на последний вопрос были получены следующие ответы. За парламентское устройство государства 460 (67%) человек, за президентское — 74 (11%) и 150 (22%) человек выступили за смешанное управление или за крайние варианты устройства — монархию (националисты) и самоуправление (анархисты)». (137xyz.livejournal.com/6890.html)

От себя отмечу, что политические взгляды можно будет разделить ещё так:

1) либералы — 43%
2) социалисты, анархисты, коммунисты — 25%
3) аполиты — 24%
4) националисты — 7%

Здесь мы видим крайнюю немногочисленность националистов и относительный рост числа левой молодёжи. Я уверен, что несколько лет назад к «левым» себя причисляло гораздо меньшее количество молодёжи. Также очевидно, что наибольшая плотность участников достигалась вечером, когда люди подъезжали с работы, что портит карты сторонникам идеи о бунте хипстеров-бездельников.

Замечу, что события произошедшие в день и после 6 мая не прогнозировались ни властями, ни самими правозащитниками. По сути протест вышел из под контроля не только властей, но и оппозиции. Ибо, как я имел возможность сам убедиться на Оккупабай, лидеров, правда, не было.

Все эти протесты произошли и будут ещё происходить. Причём главным субъектом этих протестов является не мифический «креативный класс», а молодёжь разного уровня достатка, социального статуса, (получаемой) профессии и политических взглядов.

Основной причиной протестов явилось наступление государства на последние остатки социального государства, атавизмы СССР, такие как бесплатное образование, медицина, трудовой кодекс, пенсия...... увеличение тарифов ЖКХ.

Всё это наложилось на авторизации политического режима, фактически полный контроль государства над СМИ и общая атмосфера политического застоя.

Да, не смотря на все фальсификации, я считаю что чуть больше половины россиян с правом голоса, были за Путина. Но чем больше власть будет наглеть, наступать на права трудящихся и давить в крови мирные выступления — тем больше шансов на то, что ситуация изменится. Власти, окончательно потерявшие связь с реальностью, сами роют себе могилу. Либеральная оппозиция, к которой большинство населения относится крайней скептически, помня о 90-х, да и будучи трусливой по своей сути, не способна создать конкуренцию действующей власти. Все основные националистические силы так или иначе находятся под контролем Кремля. Впрочем, на случай экстренной ситуации, есть вероятность что именно из националистической колоды власти вытащат туза, чтобы подавить народный протест. Здесь особенно стоит обратить внимание на повышение известного националиста Дмитрия Рогозина.

Скатится ли Россия к фашизму или произойдёт народная революция, которая сметёт симбиотическую курицу государства и капитала, зависит от нас. Трудящихся классов России. Рабочих, рабочих заводов и офисных рабочих, студентов и учителей, школьников и пенсионеров — всех, кто зарабатывает (заработал, будет зарабатывать) на жизнь своим трудом, а не при помощи сверхдоходов от продажи нефти, нещадной эксплуатации рабочих и финансовых спекуляций.

Однако, чтобы эта самая народная социальная революция произошла одних лозунгов, которые выдвигались во время послевыборных протестов мало. Почему?

III

Вот что пишется в цветной брошюре, которая раздавалась на лагере на Чистых прудах, от лица движеня Occupy Moscow: «*Мы хотим установления в России демократии. Наша миссия: мирно давить на власть, чтобы она сама рассыпалась от своего безумия. Наша цель: с помощью просвещения и информирования изменить сознание наших сограждан. Наша задача: установить в Москве постоянный лагерь, сделать его удобным и интересным... В отличие*

от Occupy Wall Street, наши требования политические, а не социальные. Мы считаем Государственную Думу и Президента России нелегитимными, настаиваем на честных и свободных перевыборах и с помощью просвещения и ненасильственных акций протеста боремся за это». Подпись: «Добрый мобильный лагерь».

Не смотря на то, что в лагере присутствовали также левые листовки с более широкими требованиями, эта листовка была лучше всех отпечатана и не знаю, на сколько это правда, но претендовала на выражение общего мнения большинства лагеря.

Мне лично не понятно, зачем тогда было называться Occupy что-то там, если содержание российской акции было принципиально отлично от западных «оккупаев» и сводилось только к либеральным политическим требованиям.

Также действительно интересно, насколько всерьёз либералы полагают, что «власть сама рассыпется от своего безумия» под «набором мирных акций протеста». Практика показала, что власть не распалась, а мирные протесты были немирно разогнаны.

И вообще не понятно, что изменят перевыборы. Как я уже говорил, большая часть населения России ПОКА согласны с правящим курсом. И честные выборы дали бы только легитимность режиму Путина. В сущности для нас «нечестность» выборов даже лучше, для нас это для тех, кто понимает тупиковость как мирных акций, так и самого парламентаризма.

Наконец, даже если бы вдруг на выборах победил не Путин, а Зюганов или Прохоров, или шут Жириновский. Что реально это изменило бы в стране? Страной правит сырьевое и металлургическое лобби тесно связанное со всеми государственными структурами. Часто чиновники являются одновременно и управляющими лицами в частных и т. н. Госкорпорациях. Если бы к власти пришёл гипотетический либеральный и при этом патриотичный Супермен, то ему надо было бы развязывать целую гражданскую войну против коррупции и власти крупного бизнеса. Но, такое попросту невозможно, суперменов не допускают до выборов, а если и допускают, то потом могут запросто и убить как Кеннеди. И, кстати, суперменов не существует.

Опыт Оранжевой Революции и вообще опыт всех «цветных революций» показывают, что смена одного президента на другого и даже либерализация политического режима не идут на пользу народу. Происходит лишь новый передел собственности в рамках старых капиталистических отношений. И любой глава государства, даже самый «левый», Уго Чавес, например, обязан жить по жестоким законам капитализма.

Современная капиталистическая система — это гигантский атавизм, который отжил своё, но продолжает цепляться за жизнь, затягивая с собой в пропасть всё человечество. Современные технологии производства позволяют освободить людей от тяжкого физического труда и автоматизировать производство, сделать его динамически планируемым и освободить от кризисов. Современные технологии связи позволяют принимать решения коллективно без посредства гигантского бюрократического аппарата. Это новое общество, безгосударственный демократический социализм — единственное спасение человечества от кризисов и войн.

На Чистых Прудах, один мой товарищ по организации проводил дискуссию «Бунт или реформа?». Он спросил, пришедших послушать, сколько человек в самом общем смысле выступают за «бунт», а сколько за «реформу». Голоса разделились примерно пополам. Тогда товарищ спросил, те кто выступает за «реформу», хотят добиться реформирования капитализма или плавного перехода к некоему новому обществу? Голоса опять поделились примерно поровну.

Удивительно, но даже среди тех людей и организаций, что на словах выступают за революционный переход к новому обществу существует очень много предрассудков. Так, некоторые из них наивно полагают, что в нашу эпоху упадочного капитализма реально добиться «пересмотра трудового законодательства в пользу работников» или «обобществить промышленность и банки» (при капитализме то!).

Во-первых, такие реформы по-просту невозможны в современном капитализме, который сталкивается с экономическими кризисами, тенденцией нормы прибыли к падению и истощением докапиталистических рынков. Единственный выход для капитализма сегодня — это наступление на трудящихся и меры «жёсткой экономии». Если потребуется, то для этого капитализм легко сможет принять форму фашизма, подогревая националистические предрассудки.

Во-вторых, даже если подобные реформы были бы частично возможны (как было после Второй Мировой Войны), они показали бы работоспособность капитализма и его живучесть, его способность канализировать протест в мирное русло путём экономических и социальных подачек отдельным группам населения. Однако, эти подачки длились не вечно и в итоге привели нас к современному капитализму. Смотри выше.

Возьмём, к примеру, листовку «Автономного действия», «либертарно-коммунистической» организации, как она сама о себе заявляет. Её требования чрезвычайно эклектичны и противоречивы. С одной стороны, она требуется «повысить зарплату и сократить рабочую неделю», с другой, «ликвидировать монополии, разукрупнив их и отдав их имущество в общественную собственность... ввести налог на роскошь». Ну и добивает, конечно, требования перехода к контрактной армии. Этого требуют анархисты! С ума сойти!

Как они вообще собираются одновременно вводить в бывших монополиях «общественную собственность» при сохранении наёмного труда?! Как они собираются обеспечить всем «равные экономические права» при сохранении класса капиталистов?! «Анархисты» из АД либо грубо заблуждаются, считая, что при капитализме возможно всего этого каким-то странным образом добиться, либо откровенно врут, боясь спугнуть людей излишним радикализмом!

Наверное, подразумевается тактика правых социал-демократов, как пишет газета со страшным названием «ОбРез» от Левого Социалистического Действия (ЛСД): *«мы требуем наиболее радикальный вариант, а потом идём на компромисс»*. («ОбРез» №1 (8) 2011 — также раздавался на «оккупае»).

В сущности такая пагубная практика идёт ещё от Троцкого: *«Стратегическая задача ближайшего периода пред-революционного периода агитации, пропаганды и организации состоит в том, чтоб преодолеть противоречие между зрелостью объективных условий для революции и незрелостью пролетариата и его авангарда (растерянностью и разочарованием старшего поколения, неопытностью младшего). Надо помочь массе, в процессе ее повседневной борьбы, найти мост между ее нынешними требованиями и программой социалистической революции. Этот мост должен заключать в себе систему переходных требований, которые исходят из сегодняшних условий и сегодняшнего сознания широких слоев рабочего класса и неизменно ведут к одному и тому же выводу: завоеванию власти пролетариатом. Классическая социал-демократия, действовавшая в эпоху прогрессивного капитализма, делила свою программу на две независимые друг от друга части: программу-минимум, которая ограничивалась реформами в рамках буржуазного общества, и программу-максимум, которая обещала в неопределенном будущем замену капитализма социализмом. Между программой-минимум и программой-максимум не было никакого моста. Социал-демократия и не нуждается в этом мосте, ибо о социализме она лишь разговаривает по большим праздникам. Коминтерн встал на путь социал-демократии в эпоху загнивающего капитализма, когда вообще не может быть речи о систематических социальных реформах и повышении жизненного уровня масс; когда буржуазия правой рукой отнимает каждый раз вдвое больше, чем дает левой (налоги, таможенные пошлины, инфляция, "дезинфляция", высокие цены, безработица, полицейская регламентация стачек и пр.); когда каждое серьезное требование пролетариата и даже каждое прогрессивное требование мелкой буржуазии неизбежно ведут за пределы капиталистической собственности и буржуазного государства.*

Стратегическая задача Четвертого Интернационала состоит не в реформировании капитализма, а в его низвержении. Политическая цель: завоевание власти пролетариатом в целях экспроприации буржуазии. Однако, разрешение этой стратегической задачи немыслимо без самого внимательного отношения ко всем, даже мелким и частным вопросам тактики. Все части пролетариата, все его слои, профессии, группы должны быть вовлечены в революционное движение. Отличие нынешней эпохи состоит не в том, что она освобождает революционную партию от будничной черной работы, а в том, что она позволяет вести эту борьбу в неразрывной связи с задачами революции.

Четвертый Интернационал не отбрасывает требований старой "минимальной" программы, где и поскольку они сохранили хоть часть жизненной силы. Он неутомимо защищает демократические права рабочих и их социальные завоевания. Но он вводит эту будничную работу в рамки правильной, реальной, т.-е. революционной перспективы. Поскольку старые частичные, "минимальные" требования масс сталкиваются с разрушительными и деградирующими тенденциями упадочного капитализма, а это происходит на каждом шагу, Четвертый Интернационал выдвигает систему переходных требований, смысл которых состоит в том, что они все более открыто и решительно направляются против самых основ буржуазного режима. Старая "минимальная программа" оттесняется назад переходной программой, задача которой состоит в систематической мобилизации масс для пролетарской революции.» (revkom.com/biblioteka/marxism/trotckii/perehodnaya_programma/perehodnaya_programma1.htm)

Но современные левые не делают даже и этого: они выдвигают только минимальные требования, абсолютно забывая о программе-максимум. Они или боятся отпугнуть массы правдой, либо сами, действительно, боятся идти вперёд. Троцкисты и другие левые и анархисты, сознательно или бессознательно принимающие «переходные требования» врут трудящимся.

Они выдвигают заранее неосуществимые требования, которые ещё, как правило, рекомендуется отстаивать «системным» путём парламента или легальных профсоюзов. По идее социал-демократов, народ упёршись в нереализуемость минимальных требований — пойдет дальше в сторону требований максимальных. На практике, пытаясь достигнуть заведомо ложных целей, трудящиеся только деморализуются и перестают верить в собственные силы вообще.

Мы, революционные социалисты, считаем что нашим товарищам по трудящимся классам следует говорить только правду, какой тяжёлой она им не казалась, а именно: никакое долгосрочное и реальное увеличение уровня жизни при капитализме невозможно, парламентская демократия — это лишь одна из форм диктатуры буржуазии. Мы должны бороться за власть общих собраний трудящихся, новое общество демократического социализма.

Мы не отрицаем борьбу за конкретные материальные требования, если они не противоречат революционной перспективе. Борьбу за улучшение жизни рабочих всегда следует вести но только методом прямой демократии и прямого действия, не только потому что иным путём мы ничего в загнивающем капитализме не добьёмся, но и потому что только так, мы, народ будем учиться действовать самоорганизованно и не бояться встать в полный рост, в то время как различные хождения по судам приносят только разочарование и поражение.

«Что отличает коммунистическую политику от политики прочих левых? Я бы ответил на этот вопрос так: коммунизм – это политика отрицания, это движение,

упраздняющее настоящее положение вещей.

Участники политических дискуссий, особенно в интернете, часто распадаются на два противоборствующих лагеря. В мейнстриме это либералы/консерваторы или левые/правые, у радикалов – марксисты/анархисты или реформисты/революционеры. Понятно, что эти дихотомии не стоят и выеденного яйца, что они лишь запутывают суть дискуссии и превращают ее в обычный холивар, в ходе которого противники только глубже окапываются в своих догмах.

Тем не менее, есть пара противоположностей, которую я нахожу полезной, – это дихотомия коммунистической политики и политики левацкой. Причем слово «левачество» я тут использую не просто как ругательство, как его обычно используют многие примитивисты в отношении сторонников классовой борьбы, или троцкисты в отношении «ультралевых», а как политический термин, отделяющий политику коммунистического движения от политики «левого фланга капитала» – ленинистов, профсоюзников, НПОшников.

В соответствии с этим, я мог бы дать следующие определения: коммунистические требования – это требования, которые делают акцент на конкретных материальных потребностях класса (от увеличения зарплаты, бесплатного здравоохранения, сокращения рабочего дня до полной отмена наемного труда). Левацкие требования – это требования, которые делают акцент на том, как надо управлять капиталом; борьба в этом случае занимает подчиненное положение и должна лишь способствовать скорейшему выполнению этих требований (типа «обложите налогом этих!» или «национализируйте это!») (revsoc.org/archives/2450).

Вот как писал максималист Нестроев: *«Всякая партия, всякая группа, ведущая проповедь борьбы с современным буржуазно-полицейским строем и зовущая других на эту борьбу, должна исходить не только из отвлеченных принципов правды и справедливости, а должна базировать на почве конкретных требований, связанных тысячами нитей с жизнью рабочего класса. Каждое такое требование необходимо развертывать и связывать с общими вопросами экономического равенства, политической свободы и будущего социалистического общежития. Но следует ли из этого, что возможно все эти мелочи жизни систематизировать, а если возможно, то необходимо ли? Если возможно, то — в программу-минимум или, быть может, в программу-максимум? Нет, невозможно, ни в минимум, ни в максимум! Так отвечает максималистское течение в учении социально-революционной школы научного социализма, выставившее лозунг: «долой программу-минимум!», нисколько не тождественный с лозунгом: «долой уступки!» А кто утверждает их тождество, тот или не понимает разницы между этими двумя понятиями, или, понимая, преднамеренно их спутывает.*

Признавая необходимость борьбы за частичные улучшения положения рабочего класса, максималисты, в то же время, оценивают их с единственной точки зрения: приближают ли они, или отдаляют час социальной революции. Улучшения первого рода должны быть признаны, второго — отвергнуты. Никаких других норм быть не может. Это единственная норма, выставляемая в каждом отдельном случае для разрешения вопроса за или против. При этом принципиальное за приходится каждый раз сообразовать с размерами сил, приходится ставить требования в зависимости от условий практической осуществимости» (revsoc.org/archives/5472).

«Критика максималистами эсеровской теории [минимализма] проходила под лозунгом решительного отказа от программы — минимум, который прямо вытекал из всего учения максималистов. С присущей им категоричностью они заявляли, что тот не социалист, кто признает необходимость такой программы. Еще весной 1905 г. будущие максималисты писали: «Социалисты мы лишь... постольку, поскольку боремся за социализм, за наши конечные социалистические идеалы; если же мы боремся за нечто меньшее, например, за осуществление программы — минимум, хотя бы и «в интересах приближения» социализма, то в лучшем случае мы — социалисты на словах, в теории». В еще более решительной форме эту идею высказывал Троицкий. «Социалистом,— писал он, — может быть назван тот, кто убежден в осуществимости теперь же социализма» (http://revsoc.org/archives/5980).

Вот как революционные социалисты видят преобразование общества:

«Соединение стихийного пролетарского протеста с сознанием революционной перспективы, с беззаветной волей к борьбе и с соответствующими материально-техническими возможностями приведёт к революции – свержению власти буржуазии. Однако свержение власти старых эксплуататорских классов – это не конец революции, а только её начало, начало революционного процесса, который займет десятилетия, процесса, в ходе которого, революция, чтобы не погибнуть, должна будет расширяться и вширь, и вглубь, а пролетарии, уже перестающие быть пролетариями, радикально преобразуют как мир, так и самих себя.

Взяв власть, разрушив буржуазное государство, пролетарии не должны передоверять власть никому. Власть должна принадлежать общим собраниям трудящихся (в эту категорию мы включаем также студентов, школьников и нетрудоспособных).

Что означает лозунг власти общих собраний?

Слом всей буржуазной власти, президентств, парламентов и т.д., переход всей власти в руки общих собраний трудящихся по производству и территориям; с выборными и подконтрольными делегатами; координацию деятельности общих собраний на местах посредством современных средств коммуникации (компьютерные сети и.т.п.).

Экспроприацию всей эксплуататорской собственности, частной или государственной, все равно; управление производством общими собраниями и советами трудящихся; ориентацию производства не на прибыль паразитов, а на удовлетворение человеческих потребностей;

Слом всей чиновничьей, управленческой, военной и карательной систем, всеобщее вооружение трудового народа.

Мы не питаем иллюзий насчёт того, что революция сразу приведёт к царству материального изобилия и рая на земле. Революция неизбежно встретит ожесточённый отпор свергнутых эксплуататорских классов, глобальной буржуазии, неизбежно будет сопровождаться гражданской войной и иностранной интервенцией. В этих условиях трудящиеся, наверное, будут жить материально даже хуже, чем до революции, однако у них в руках будет оружие и власть, они станут хозяевами своей судьбы, сами станут решать всё.

Революция не может, однако, игнорировать материальные нужды нашего класса. Всё, что можно получить сразу – должно быть взято сразу. Буржуи будут выселены из своих особняков, куда въедут бездомные; имеющиеся в обществе запасы продовольствия, медикаментов и продуктов первой необходимости будут распределяться соответственно потребностям; транспорт, образование, доступ к интернету, медицина станут бесплатными и общедоступными.

Товарно-денежные отношения невозможно отменить декретом, однако с самого начала будет взят курс на их неуклонное вытеснение. Все предприятия будут объединены в единую информационную сеть, что позволит осуществлять динамическое планирование производства в реальном времени и в натуральных показателях. В долгосрочной перспективе будет осуществлена радикальная реорганизация производства, все тяжёлые и монотонные работы будут переложены на машины и автоматизированные системы. Только когда это произойдёт, пролетарии полностью упразднят самих себя как класс. Только тогда станет необратимой победа коммунистического общества, где преодолено разделение труда на исполнительский и исполнительный, а сама работа превращена в творчество.

Однако напрасно надеяться, что свергнутые эксплуататорские классы и глобальная буржуазия позволят производить коммунистический эксперимент на отдельно взятой территории. Революция – это война. Каждая революция стоит чего-нибудь только тогда, когда она умеет защищаться. Однако, способ, каким революция ведёт войну, отличается от регулярных буржуазных войск.

Революция разрушит постоянную армию, заменив её всеобщим вооружением народа. В условиях современной военной техники постоянные армии старого типа становятся всё более бессмысленными, и наиболее адекватный способ ведения современных войн – это действия мобильными наступательными группами, хакерские атаки по средствам коммуникации противника, перенесение войны на вражескую территорию, что станет возможным благодаря той волне сочувствия, которую победившая революция встретит у пролетариев всего мира.

Разрушив буржуазную армию, революция разрушит также другие силовые структуры буржуазии: милицию и другие «властьохранительные» органы. Любому пролетарию по своему горькому опыту известно, что милиция не столько борется с преступностью, сколько сотрудничает с ней, и что её сотрудники – не борцы с преступниками, а преступники в законе. Они закрывают глаза на преступления властных и богатых, которым служат, но беспощадно обирают и избивают обездоленных и угнетённых. Те, кто больше всех кричит о борьбе с терроризмом, сами всегда проводят политику беспощадного террора против трудящихся масс. Уничтожение этих насквозь коррумпированных и преступных властьохранительных силовых структур является необходимой предпосылкой уничтожения всякой преступности.

Революция означает уничтожение не только лицевой стороны буржуазного общества, но и его неизбежной оборотной стороны – мафии и организованной преступности. Главари последней, входящие в класс буржуазии, подвергнутся той же участи, что и все главари этого класса...

Современный буржуазный суд с его чудовищной волокитой и коррупцией будет уничтожен, суды будут осуществляться общими собраниями трудящихся...» (revsoc.org/manifest)

Руслан Сабуров. 21 мая 2012

Наши традиции и наше новаторство (к определению наших позиций)

Нас часто спрашивают, к какой великой революционной традиции прошлого мы себя причисляем: Так вы марксисты или анархисты? А если не то и не другое, тогда, быть может, эсеры?-

Ответу на этот вопрос и будет посвящена данная статья.

При всем нашем уважении к великим революционным течениям прошлого – к марксизму, анархизму и народничеству, мы не марксисты, не народники и не анархисты. Почему?

Для нас любая общественная теория является не вечной надисторической истиной, но идейным выражением материальной практики, классовой борьбы своей эпохи. Идеи, как и люди, рождаются, живут и умирают, то, что было истиной для своего времени, перестает быть истиной в другое время.

Этому пониманию общественно-исторической обусловленности любой теории научил нас один из наших великих учителей – Карл Маркс.

Маркс создал науку истории, дал метод материалистического понимания истории, превратив тем самым ворох разнообразных фактов в поддающейся осмыслению объективный процесс. Маркс доказал то, что мелькнуло как озарение у арабского историка XIV века Ибн-Хальдуна – «способ, которым живут поколения, определяется тем, как люди добывают себе средства к жизни», организация общества определяется его взаимодействием с природной средой, определяется человеческим трудом и созданными этим последним производительными силами.

Тем самым был нанесен удар представлениям апологетов эксплуатации о вечности эксплуататорских порядков. Если человеческий труд все время развивается, если созданные коллективной работой человеческих мускулов и мозга производительные силы все больше превращаются в творение труда всего человечества, то эксплуататорские порядки, при которых то, что создано всеми, присваивается кучкой правителей и собственников, становятся все более нетерпимыми и обреченными на гибель.

Маркс – и в этом его великая заслуга – соединил науку и утопию, строго объективное понимание мира и страстную революционную борьбу за приведение его к соответствию с потребностями человечества. Если импульс борьбы за коммунизм всегда шел и идет не из науки, не из желания привести производственные отношения в соответствие с производительными силами, а от потребности калечимой эксплуататорским миром человеческой природы в ее полноценной реализации, то борьба за коммунизм может победить лишь при правильной стратегии и тактики, а они невозможны без научного понимания мира. Чтобы изменить мир, нужно его понять.

То великое и ценное, что было сделано разными мыслителями и организациями марксистской традиции, которых мы признаем частью нашего идейного наследия – от самого Маркса и до германо-голландского и итальянского левого коммунизма – и что входит в наш идейный багаж, – было результатом строго-научного понимания мира вообще, капитализма и путей борьбы с ним в особенности. Наш интернационализм – не благочестивое пожелание дружбы между народами, а строго-реалистическое понимание, что капитализм стал первой в истории всемирной системой и именно поэтому может быть уничтожен только всемирной пролетарской революцией, наше отрицательное отношение к иллюзиям о партиях, парламентах и профсоюзах как о силах, способных освободить пролетариат, – все это – не результат наших утопических морализаторских стремлений, но следствие строго-научного знания о том, как капитализм удерживает свое господство и как это господство можно уничтожить.

Мы – ученики Маркса. Но настоящий ученик великого учителя – не тот, кто сажает цветочки на его могиле, а тот, кто идет по указанному им пути, – идет дальше него. Маркс создал науку истории, – та «наука», которая лишь пережевывает и комментирует слова своего основателя, а не идет дальше него, – это не наука, а религиозная вера.

К основателям материалистического понимания истории полностью применимы слова, сказанные Энгельсом о Гегеле и Сен-Симоне, которые, по словам Энгельса, «хотя и были самыми универсальными головами своего времени, но были ограничены, во-первых, уровнем своих собственных знаний, а во-вторых, уровнем знаний своей эпохи».

Главная ошибка основателей материалистического понимания истории заключалась в их уверенности, что победа коммунистической революции возможна уже при производительных силах, достигнутых в их эпоху. Эта ошибка очень объяснима у людей, которые были не кабинетными теоретиками, но в первую очередь революционными борцами. Эта ошибка достойна уважения, она была неизбежной в ту эпоху, но от этого она не перестает быть ошибкой.

Маркс и Энгельс идеализировали индустриальное производство как основу грядущего коммунизма, они не

поняли, что капиталистический индустриализм, объединяя труд, атомизирует трудящихся, лишает их возможности знания производственного процесса как целого и управления им, превращает работников в винтики капиталистического производства. Вина Маркса и Энгельса – не в их враждебности к капитализму, а в недостаточной степени этой враждебности, в постоянно присущей им тенденции к идеализации многих сторон капитализма.

Если Маркс и Энгельс игнорировали присущие капитализму тенденции к атомизации работников и к интеграции атомизированных таким образом работников в механизм бесперебойного капиталистического производства, то этот механизм не игнорировал теорию Маркса и Энгельса. Эта теория превратилась в идеологию массового реформистстского рабочего движения, движения подчиненных капитализмом и потерявших бунтарский потенциал индустриальных рабочих, не верящих уже в возможность установления своей коллективной власти над производством и видящих в социализме лишь усовершенствованный капитализм, где плохих хозяев сменят хорошие. Все, что в революционной теории Маркса не соответствовало потребностям реформистского рабочего движения, было отброшено или забыто, на щит были подняты реформистские и прокапиталистические стороны марксового наследия.

Так революционная теория Маркса сменилась идеологией реформистского рабочего движения – марксизмом. Эта идеология, овладевшая массами, была могучей материальной силой, без нее была бы невозможна занявшая столетие – 1870-1970-е годы – эпоха реформистской рабочей борьбы, с ее частичными и оплаченными дорогой ценой победами и итоговым поражением.

Однако ничто не вечно. Реформистская рабочая борьба была возможна лишь в реформистскую эпоху капитализма, когда капитал мог под давлением пролетариев идти им на уступки.

С вступлением же капитализма в стадию упадка и загнивания, когда сколько-нибудь прочные и долговременные уступки капитала пролетариям стали невозможны, реформистское рабочее движение было обречено. С ним как идеология массового движения умер и марксизм. То, что от него осталось, выродилось в религию – средство иллюзорного самоутешения мелких левых групп, никакими массами не двигающее и никакой материальной силой не являющееся.

Никто в здравом уме и трезвой памяти не может сейчас с гордым видом и с опорой на реальные факты утверждать, что по мере развития капитализма возрастают автоматически сознательность, организованность и революционность промышленного пролетариата. Вся присущая как самому Марксу, так и всей марксистской традиции ориентация именно на промышленный пролетариат как исключительный или, во всяком случае, главный субъект коммунистической революции оказалась ошибочной. Именно поэтому не может быть и речи, чтобы просто, отбросив полуторавековую историю марксистского социализма как цепь искажений марксового учения, вернуться к «настоящему Марксу» – не говоря уже о том, что подобные возвращения вообще невозможны.

Речь должна идти не о «возврате к Марксу», а о переводе созданного им материалистического понимания истории на новую ступень. Мы стоим на плечах Маркса, именно поэтому мы видим дальше него, знаем то, чего он не знал и не мог знать...

Как не может быть речи о простом возврате к «подлинному Марксу» или к «нефальсифицированному марксизму», так не может быть и речи о возврате к «настоящему анархизму».

Революционный анархизм старых времен был антитезой реформистского марксизма, он во многом правильно критиковал его, но путей к победе коммунистической революции не нашел и он, ибо тогда еще не пришло время этой победы.

Если марксизм – идеология реформистского рабочего движения – был мировоззрением промышленных рабочих, уже принявших индустриальные капиталистические порядки как неизбежную данность и боровшихся лишь за улучшение своего положения в их пределах, то старый революционный анархизм – анархизм Бакунина, Кропоткина, махновцев и ФОРА был мировоззрением и практикой сопротивлявшихся своей насильственной пролетаризации крестьян, ремесленников и промышленных рабочих первого поколения. Его враждебность капитализму во всех его проявлениях была глубже и острее, чем не только у марксистов, но и у самого Маркса. Анархисты глубже, чем марксисты, поняли, что индустриальное производство не просто объединяет рабочих, но объединяет их капиталистическим способом, и поэтому не может быть технологическим базисом коммунизма.

Однако именно потому, что производительные силы не созрели тогда для победы коммунизма, те из анархистских теоретиков, кто глубже других осознал данную проблему, могли в качестве альтернативы либо предлагать абсолютно нереализуемые тогда технологические инновации (как Боровой, надеявшийся, что благодаря силе электричества каждый человек сможет в одиночку производить все нужное для себя), либо – как близкий к анархизму Уильям Моррис и японские анархо-коммунисты во главе с Хатто Сюдзе – предлагать возврат к сельскому хозяйству как ведущей сфере деятельности. Нет нужды говорить, что даже если бы такой возврат и произошел, цикл исторического развития повторился бы снова...

Кроме непримиримой враждебности к капиталистическому индустриализму еще в одном весьма важном теоретическом вопросе старый анархизм превосходил марксизм глубиной своего понимания при слабости предлагаемого позитивного решения.

Большинство марксистов (хотя отнюдь не все – не Маркс, не Энгельс, не Богданов и не Бордига) считали основным злом капитализма частную собственность на средства производства – понимая ее при этом сугубо юридически, а средством уничтожения всех бед видели лишь переход собственности в руки государства, – разумеется, демократического и народного, ибо какое же государство скажет, что оно по природе своей самодержавно и антинародно!

В отличие от них, анархисты глубоко прочувствовали, хотя теоретически и не осмыслили до конца, что власть и собственность, государство и капитал – лишь две стороны одного явления, две головы одного дракона, что задача социальной революции состоит не только в уничтожении эксплуатации человека человеком посредством собственности, но и в уничтожении управления человека человеком посредством власти, что собственность – не юридический, а фактически-волевой феномен, что, проще говоря, собственность есть реализация власти.

Анархисты глубоко прочувствовали проблему, но не осознали ее. Большинство из них (замечательным исключением здесь был Бакунин) не понимало, что государство было не чудовищным и непонятным совращением человечества с его правильного пути, но трагически неизбежным продуктом определенной – занявшей тысячелетия – стадии эволюции человечества, что власть человека над человеком – а организованная в особый специальный аппарат постоянная власть человека над человеком, одной группы людей над другими, и есть государство – была неизбежным результатом усложнения общественной жизни и общественного труда, усложнения, возникшего при увеличении населения и производительной мощи древнего человечества, что, поэтому, даже если уничтожить существующее государство посредством хирургической операции, но не убрать при этом тех уходящих в разделение общественного труда причин, какие создали некогда государство, это последнее неизбежно восстановится снова.

Не поняв всего этого, старый анархизм предлагал методы уничтожения государства, порой умилительные по наивности (как любимая идея Бакунина о немедленном сжигании всех бумаг гос. учреждений в ходе социальной революции – как будто власть государства всю свою силу черпает в бумаге!), а от реальных проблем склонен был отмахиваться путем словесной эквилибристики. Как подавлять сопротивление буржуазии? – А буржуазии уже не будет, мы ее экспроприируем. – А как подавлять сопротивление свергнутой буржуазии, если не силой революционной власти? – Так это не власть уже будет, а просто насилие. – Так организованное насилие и есть власть. – Так вы, батенька, злобный государственник, властник и большевик.

На этом полемика и заканчивалась. Реальная действительность, была, впрочем, сильнее базвластнических схем, и, когда в 1920-е годы в анархистской эмиграции развернулась дискуссия о подлинной природе махновщины, участники ее – кто с видимым недовольством, кто как должное, – признали тот факт, что социальный строй махновщины не был никаким безвластием, а был революционной властью трудовых масс – с некоторыми даже тенденциями к узурпации этой власти полевыми командирами...

Не поняв всю сложность социально-революционной работы по уничтожению всей совокупности капиталистических отношений – капитала, государства, разделения труда и т.д. – после свержения власти буржуазии, старый революционный анархизм не понял и многие вопросы подготовительной революционной работы и задач революционной организации (ближе всех к правильному пониманию подошла ФОРА). С начала XX века в революционном анархизме возобладало синдикалистское крыло, видевшее в революционных синдикатах идеал революционной организации, многие же критики синдикализма в анархистской среде уклонялись либо в анархо-индивидуализм (мол, достаточно бунтарской деятельности индивидов и маленьких групп, действующих по собственной инициативе), либо в платформизм, который изначально был замечательной попыткой теоретического и практического прорыва, предпринятой Махно и Аршиновым, – участниками живой революции, но при практической реализации, из-за отсутствия реальной революции, ничем не отличался от троцкизма, кроме анархистской фразеологии.

Великий революционный анархизм прошлого исчез после того, как к середине XX века во всех странах капиталистического центра все сколько-нибудь заметные группы пролетариата были сломлены в своем бунтарском настрое капитализмом и подчинены Молоху воспроизводства капитала. После этого остались либо маленькие пропагандистские группы, «хранящие пламя» и передающие память о прошлых боях будущим поколениям, – что дело полезное, но не более того, – либо абсолютно никчемный анархизм образа жизни, контркультуры, феминизма и вегетарианства, анархизм, при взгляде на который испытываешь сильное искушение стать авторитарным ленинистом и властником.

Выродившиеся марксисты и выродившиеся анархисты бродят по земле до сих пор – напоминая оттесненных в джунгли ящеров и варанов, чьи могучие предки некогда владели всем миром. Революционное народничество не имеет своих прямых наследников, будучи уничтожено государственно-капиталистической модернизацией, уничтожено как прямым террором, так и переваркой в фабричном котле своей социальной базы – общинного крестьянства. Однако революционное народничество – тоже часть нашей традиции, и оно не

должно быть забыто.

Революционеры-народники первыми поняли специфику русского капитализма – и периферийного капитализма вообще. Они поняли решающую роль самодержавного государства в развитии капитализма в России, поняли зависимость русской буржуазии от самодержавия, тесное переплетение интересов чиновничества и капиталистов. Исходя из этого, они первыми сделали тот вывод, что никакая чисто буржуазная революция в России невозможна, что революция здесь может быть только двойной революцией – революцией и против самодержавия, полицейщины, чиновничьего аппарата – и революцией против буржуазии. Правильность их подхода доказал 1917 год.

Революционеры-народники в большинстве своем острее и глубже марксистов понимали, что социализм не тождественен этатизму и государственному капитализму, что необходимо не огосударствление, а обобществление производства, переход средств производства в управление не бюрократического государства, а самоорганизованного в крестьянские общины и рабочие артели трудового общества.

Часть революционеров-народников – от некоторых групп 1870-х годов до Союза эсеров-максималистов начала XX века – первыми поняла, чем должна быть революционная организация, превосходя ясностью такого понимания как марксистов, так и анархистов. Для максималистов революционная организация была не начальником над пролетариатом и не неформальным кружком индивидов, но борющейся передовой частью трудящихся масс, честным словом и смелым делом пробуждающей в массах самостоятельное мышление, дух борьбы и инициативы.

Наконец, нельзя забывать о высочайшем моральном уровне революционеров-народников, о присущем всем им полном единстве слова и дела. Осознание этической составляющей социализма было в народничестве необыкновенно сильно, оно не оставалось только на уровне сознания, но охватывало героев революционного народничества до самых основ их психики, и именно поэтому свет от погибших давным-давно Желябова и Перовской, Созонова и Спиридоновой идет до сих пор...

Погибли ли они, а равным образом все герои и мученики освободительной борьбы пролетарского класса – Карл Либкнехт и Роза Люксембург, чикагские мученики и Сакко Ванцетти, и многие, многие другие, понапрасну, окажется ли смерть всех, кто погиб за освобождение рода людского, бессмысленной, если человечество будет уничтожено капитализмом, и разумная жизнь на земле окажется лишь коротким и случайным завихрением в эволюции тупой мертвой материи, или же род людской – единство мертвых, живых и нерожденных, – сможет победить темные силы природы и общества, зависит от исхода революционной борьбы современности, зависит от нас.

Мы продолжаем дело всех революционных борцов и революционных мыслителей прошлого, но наша теория и наше дело – не эклектический винегрет из кусков разных революционных течений прошлого. Мы даем ответы на вопросы, на которые не смогли дать ответы эти течения. Это – не наша персональная заслуга, никто из нас не претендует на то, что он умнее Маркса или Бакунина, но мы стоим на плечах гигантов, поэтому видим дальше них, мы знаем то, что не могли знать они.

Маркс понял, что победа коммунистической революции станет возможной тогда, когда производительные силы, силы человеческого труда и науки, разовьются до таких пределов, что уже не смогут быть управляемыми кучкой чиновников и капиталистов, но, чтобы не обрушиться, увлекая с собой в пропасть все человечество, должны будут стать достоянием бесклассового рода людского. Он считал, что так обстоит дело уже при его жизни, но его слабость, идеализация им индустриального капитализма, была оборотной стороной его силы – он плохо видел настоящее именно потому, что смотрел через полтора столетья.

Грандиозные технологические достижения последних десятилетий (вплоть до открывающейся возможности копировать искусственно материальные предметы!) упираются в капиталистические отношения власти и собственности, как в давящий гроб. Информация уже стала общедоступной и бесплатной по своей природе, но авторское право – чисто паразитарная собственность, создаваемая паразитарной государственной властью, – закрывает широким массам доступ к этой бесплатной по своей природе информации.

Нарастающее исчерпание природных ресурсов обрекает нынешний тип ненасытно пожирающего их производства на гибель в более или менее близком будущем, причем, если не будет найдено средств и механизмов использования других источников энергии, эта гибель станет гибелью всей человеческой цивилизации. Как никогда ранее, становится необходимым интенсивное развитие научных исследований и внедрения их в практику, чтобы избежать подобной перспективы, однако интересы энергетических корпораций, для которых подобные открытия смерти подобны, делают нереализуемой

эту необходимую для спасения человечества научно-технологическую революцию. Капитализм все более становится смертельно опасным для рода людского. Уничтожение его является необходимым для возможности дальнейшего прогрессивного развития человечества.

Одновременно оно становится возможным. Возникновение классов и государства стало свое время

неизбежным из-за того, что выросшее и усложнившееся общество из-за отсутствия адекватных средств общения уже не могло управляться в своей трудовой и прочей деятельности общими собраниями всех его членов, из-за чего выделилась особая группа организаторов производственного процесса, ставшая государственным аппаратом и эксплуататорским классом. Новейшие средства общения позволяют уже огромным массам людей коллективно управлять своей деятельностью и делают этот особый управленческий – государственный и эксплуататорский – слой чистым паразитом.

Победа мировой коммунистической революции стала необходимой и возможной. Осуществит ее всемирный класс пролетариев – класс, куда входят все, лишенные политической и экономической власти, все, принудительно отстраненные от управления своей жизнью.

Капитализм стал первой в мировой истории всемирной системой, подчинившей себе все человечество. Поэтому уничтожение его может быть только всемирным. Проблемы отдельных стран и регионов не могут уже быть решены на уровне этих стран и регионов, зависимость от мирового рынка может быть уничтожена только с уничтожением самого мирового рынка.

В революции будут участвовать все слои и группы пролетариев. Однако наибольшую роль в ней сыграют те из них, кто больше других вовлечен в коллективные отношения управления. Это будут, с одной стороны, пролетарии относительно развитых регионов, имеющие доступ к современным средствам общения, позволяющим коллективно управлять своей деятельностью, с другой стороны, пролетарии отсталых регионов, с не разложенными еще пережитками древнего общинного коллективизма. Объединившись, эти пролетарские силы раздавят проклятый старый мир.

Буржуазия повсюду в мире отказалась от классового компромисса. Это даже не следствие ее злой воли, но объективный результат общего кризиса капитализма. Норма прибыли падает, для ее восстановления требуется урезание зарплаты и прочих доходов пролетариев, а истощение природных ресурсов делает излишек, которым буржуазия могла бы делиться со своими рабами, все более тощим.

Отказ буржуазии от классового компромисса стал причиной исчезновения старого рабочего движения – старых социал-демократических и коммунистических партий, – которые могли существовать лишь при согласии буржуазии на компромисс. Пролетариат и буржуазия снова, как и 160 лет назад, стоят друг против друга без реформистских посредников, пролетариат снова стал классом, которому нечего терять, кроме своих цепей, но приобрести он может весь мир, классом, который является ничем – презираемой своими господами «биомассой» – и может стать чем-то, лишь став всем.

Вместо действий в рамках установленных буржуазией правил единственным адекватным средством пролетарской борьбы снова, как и при жизни Бланки, Маркса и Бакунина, стал бунт, в котором пролетарии своей силой добывают свою волю и устанавливают свою правду.

Однако для освобождения пролетариата стихийный бунт абсолютно недостаточен, и это доказывают примеры всех пролетарских бунтов последнего двадцатилетия. Нужна революция, а она невозможна без существования революционной организации, объединяющей самых думающих и бесстрашных пролетариев, раньше других своих товарищей по классу пришедших к осознанию конечных целей борьбы всего своего класса и своим действием и примером показывающих путь всему своему классу.

Революция не будет означать ни создание нового, революционного, государства, ни моментальное наступление безвластного анархического строя. Не всякая власть есть государство. Государство – это осуществляющий власть аппарат управления и насилия, отчужденный от масс народа и противостоящий им. Как таковое, оно будет разрушено социальной революцией, но революционная власть, революционная диктатура – если называть вещи своими именами – будет осуществляться общими собраниями трудящихся. Задача же революционной организации будет состоять в том, чтобы, не становясь новым командным слоем над пролетариатом, отстаивать в общих собраниях коренные интересы революции, быть на переднем фланге войны с контрреволюцией и сквозь все штормы и превратности революционных десятилетий сохранять роль компаса, указывающего путь к конечной цели.

Революция не заканчивается свержением эксплуататоров и разрушением государства. Она будет затяжным процессом, который займет, по меньшей мере, десятилетия ожесточенной борьбы, в которой бывшие пролетарии изменят мир и самих себя, расширят революцию, начавшуюся в каком-то регионе, на весь земной шар, осуществят технологическую реорганизацию производства, разовьют необходимые для этого научные исследования, наконец, пресекут тенденции к перерождению революции, которые, скорее всего, будут сперва неизбежны.

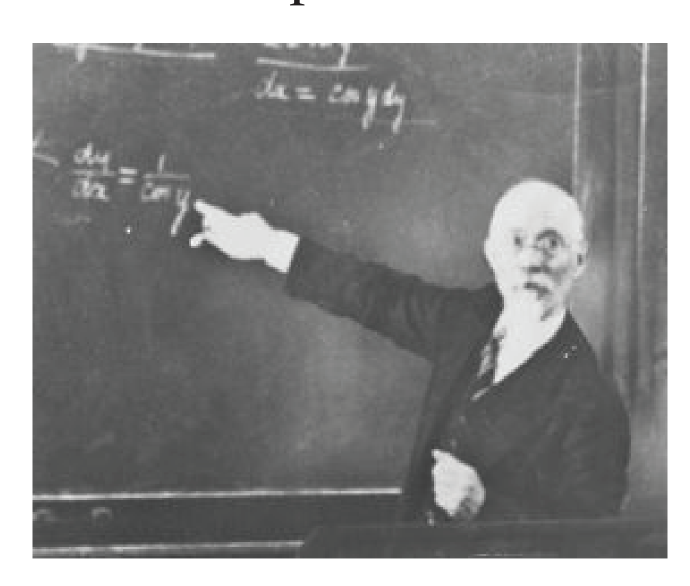
Тот мир, который возникнет после окончательной победы революции, – мир коммунизма, не будет благостным раем, в нем будут свои проблемы и противоречия, но решать их будут уже наши потомки. Одно можно сказать однозначно: это будут собственно человеческие проблемы и противоречия, род людской вырвется, наконец, из животного царства, из подвластности темным силам природы и общества.

В этом будет и наша заслуга, – и это – предмет нашей наибольшей гордости.

Марлен Инсаров («Комуна»)

Источник: http://komuna.org.ua

Материализм и исторический материализм

Понять характер эволюции марксизма до его настоящего этапа невозможно без обращения к социальному и политическому контексту периода его возникновения. Приход капитализма в Германию привел к появлению оппозиции враждебной существующему тогда аристократическому абсолютизму. Восходящий класс буржуазии требовал свободы торговли и предпринимательства, печати и собраний (чтобы иметь возможность бороться за свои интересы), благоприятного законодательства, а также правительства, сочувствующего его интересам. Вместо этого буржуазия оказалась один на один с враждебным ей реакционным режимом, с помощью полиции и цензуры подавлявшего всякую критику. Борьба между этими силами, которая привела к революции 1848 года, шла вначале на теоретическом уровне, в виде борьбы идей и критики господствующей идеологии. Критика молодой буржуазной интеллигенции была направлена главным образом против религии и гегелевской философии.

Гегелевская философия, согласно которой саморазвитие Абсолютной Идеи создает мир, и затем посредством этого развивающегося мира, проникает в сознание людей стало идеологическим подспорьем для Христианской Реставрации после 1815 года. Религия — наследие прошлых поколений, всегда служила теоретическим обоснованием и оправданием существующих классовых отношений. Из-за невозможности открытой политической борьбы, борьба против феодальных узурпаторов велась только в скрытой форме, в форме нападок на религию. Именно это и стало делом группы молодых интеллектуалов 1840-х, среди которых вырос и достиг ведущего положения Маркс. Будучи студентом, Маркс признал, хотя и без особого энтузиазма, метод Гегеля, сделав его своим собственным. Темой выбранной им для своей докторской диссертации был сравнительный анализ двух великих философов-материалистов Древней Греции - Демокрита и Эпикура, что по всей видимости указывает на уже тогда существовавшую склонность Маркса к материализму. Вскоре после этого он был приглашен на должность редактора газеты, недавно открытой оппозиционной рейнской буржуазией в Кельне.

Там он оказался в круговороте политической и социальной борьбы. Он так усердно вел свою работу, что спустя год газета была закрыта правительством. Именно в этот период Фейербах сделал свой окончательный шаг в сторону материализма. Фейербах отбросил фантастическую систему Гегеля, обратившись к простым практикам повседневной человеческой жизни, и пришел к выводу, что религия была продуктом деятельности человека. Даже сорок лет спустя, Энгельс восторженно отзывался о том эффекте освобождения, который имела работа Фейербаха на его современников, и тот энтузиазм, с которым Маркс принял новые идеи, несмотря на некоторые критические замечания. Для Маркса это означало новый поворот в социальной борьбе — переход от борьбы с химерами на небесах к открытой схватке с реальными вещами на земле.

Так, в 1843 году в эссе «Критика гегелевской философии права» он писал: *«Для Германии критика религии по существу окончена, а критика религии — предпосылка всякой другой критики... Борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовной усладой которого является религия. Религия — это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа. Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своём положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия. Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы— не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишённой всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком... Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики.»*

Задача стоявшая перед Марксом состояла в том, чтобы исследовать факты общественной жизни. Изучение Французской революции и французского социализма, равно как и английской политэкономики и английского же рабочего класса, в сотрудничестве с Энгельсом во время их пребывания в Париже и Брюсселе, заложило фундамент теории исторического материализма. Эта теория социального развития, ключевым элементом которого является классовая борьба, разъяснена в таких его работах как «Нищета философии» (на французском языке 1846), «Манифест

коммунистической партии» (1848) и в предисловии «К критике политической экономии» (1859). Маркс и Энгельс обозначали такую систему взглядов как материалистическую, противостоящую идеализму Гегеля и нео-гегельянцев. Что они понимали под материализмом? Энгельс, рассматривая фундаментальные теоретические проблемы исторического материализма в «Анти-Дюринге» и в брошюре про Фейербаха, пишет в последней:

«Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию ... Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счёте, так или иначе признавали сотворение мира — составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» Положение о том что не только человеческий разум связан с мозгом, но и человек с его мозгом и разумом есть неотъемлемая часть животного царства и неорганического мира, было очевидной истиной для Маркса и Энгельса. Эта концепция является общей для всех «школ материализма». Отличие марксистского материализма от других школ может быть уяснено из его полемических работ касающихся практических вопросов, политических и общественных. Материализм был рабочим методом для Маркса. В своих работах он не обращается к философии, не превращает он и материализм в философскую систему. Он использует его как метод познания мира, тем самым показывая его действенность. В цитируемом выше эссе, Маркс опровергает гегелевскую философию права не в философском диспуте, но посредством уничтожающей критики существующей немецкой реальности.

На смену философской софистике и спорам вокруг абстрактных понятий приходит материалистический метод с его изучением реального материального мира. В этом отношении, Фейербах предвосхитил Маркса впервые указав, что религиозные идеи и концепции имеют корни в материальных условий существования. Рассмотрим несколько примеров, чтобы прояснить этот момент. Заявление «Человек предполагает, а бог располагает» богослов трактует с позиции всемогущества бога. Материалист, напротив, находит причину несоответствия между желаемым и действительным, в социальных условиях товарного обмена и конкуренции.

Политики абстрактно спорят о необходимости свободы и социализма, материалист же спрашивает: от каких индивидуумов или классов исходят эти требования, что конкретно они под собой подразумевают, и какие общественные потребности они выражают. Философ, в абстрактных предположениях о сущности времени, стремится установить, существует или не существует абсолютное время. Материалист же сверяет часы, дабы понять, может ли быть установлено точно, происходят ли два явления одновременно или следуют одно за другим. Фейербах также использовал материалистический метод. Он видел в жизни человека источник всех религиозных идей и концепций. Обоснованность его материализма зависела, однако, от того имел ли он успех в ясном и всестороннем объяснении религии.

Материализм, который оставляет проблему неразрешенной — недостаточен, и ведет к идеализму. Маркс указал, что простой принцип рассмотрения человека вообще, как отправного пункта для исследований — недостаточен и не ведет к ясности.

В тезисах о Фейербахе 1845 года он обозначил коренное различие между материализмом Фейербаха и своим:

«Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.» (тезис 6). *«И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы главное-то остаётся ещё не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своём противоречии, а затем практически революционизирована путём устранения этого противоречия (тезис 4)»*.

Короче, человек может быть понят лишь как социальное существо. От личностного нужно перейти к общественному, и разрешить те социальные противоречия, из которых и возникла религия.

Реальный мир - это чувственный и материальный мир, где вся идеология и сознание имеют свой источник - человеческое общество с природой как фундаментом, на который опирается общество, и который также подвергается изменениям со стороны человека. Выражение этих идей можно найти в работе «Немецкая идеология», написанной в 1845-1846 гг. Часть, которая относится к Фейербаху, была впервые опубликована в 1925 году Рязановым, в дальнейшем главой института Маркса-Энгельса в Москве. Полностью работа не издавалась до 1932 года. Здесь тезисы о Фейербахе разработаны более детально.

Несмотря на то, что работа писалась Марксом в спешке, он, однако, дал блестящее обоснование важнейших идей касающихся развития общества позднее развитых им в пропагандистской брошюре «Манифест...» и в предисловии «К критике Политической экономии».

«Немецкая идеология» направлена, прежде всего, против теоретического представления, расценивавшего идеи как единственные факторы, которые определяют историю человечества.

Маркса презирал подобную точку зрения, *«фантомы сформировались в человеческом мозге»*, - писал он, *«даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками»*. Было важно сделать упор на реальный мир, материальный и эмпирически данный мир, как источник всякой идеологии. Также было необходимо подвергнуть критике теорию материализма, достигшую апогея у Фейербаха. Как протест против абстрактной идеологии, возвращение к биологическому человеку и его физическим потребностям - верно, но рассмотрение этого человека как абстрактного существа не является последовательным решением вопроса как и почему появляются религиозные идеи.

Человеческое общество в его историческом развитии – единственная реальность, управляющая человеческой жизнью. Только из общества можно объяснить духовную жизнь человека. Фейербах в попытке найти объяснение религии возвращением к «реальному» человеку, не находил этого самого реального человека, потому что искал он его в индивидууме, в человеке вообще. Такой подход не может объяснить мир идей. Таким образом, он был вынужден возвратиться к идеологии универсальной человеческой любви. *«Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист. Материализм и история у него полностью оторваны друг от друга»*.

То чего не смог достичь Фейербах, достиг исторический материализм Маркса, объяснив развитие человеческих идей из материального мира. Историческое развитие общества отлично показано в следующем предложении: *«люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также своё мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание.»* (Немецкая идеология). Мы знаем действительность только через опыт, который, как и реальный мир, приходит к нам посредством наших чувств. Философская теория познания, следовательно должна быть основана на этом принципе: материальный, эмпирически данный действительный мир - определяет сознание.

Основная гносеологическая (познавательная — прим.СРС) проблема всегда состояла в том насколько истина соответствует нашим представлениям о ней. Термин «критика знания» используется профессиональными философами для «теории познания», что уже подразумевает сомнение. Во втором и пятом тезисах о Фейербахе, Маркс обращается к этой проблеме и снова указывает, что практическая деятельность человека является существенным содержанием его жизни. *«Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, вовсе не вопрос теории, а* **практический вопрос** (выделение СРС*). В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» (Тезис 2)... Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (Тезис 5)»*.

Почему практический? Потому что человек, во-первых, должен жить. Его биологический организм, его способности и вся его деятельность приспособлены к этому. С ними он должен приспособить себя и самоутвердиться во внешнем мире, т.е. в природе, и как личность в обществе, вместе с тем он должен приспособить к этому свою способность мыслить. Способность мыслить – способность физическая. В каждой фазе своей жизни человек использует её, чтобы сделать выводы из своего опыта на котором строятся его ожидания и надежды, регулирующие его жизнь и деятельность.

Правильность его выводов, суть условие его выживания, определяется самим фактом его существования. Размышление - это целеустремленная адаптация к жизни, здесь модно говорить об истине, хотя и не в абсолютном смысле.

На основе своего опыта, человек выводит обобщения и законы, на которых основываются его ожидания. Они в общем правильные, что доказывается

его выживанием. В отдельных случаях могут быть получены ложные выводы, и, следовательно, неудачи и поражения. Жизнь - это непрерывный процесс изучения, адаптации и развития. Однако, только практика является проверкой правильности мысли.

Рассмотрим это на примере естествознания. Здесь мысль находит практически свою самую чистую и абстрактную форму. Это то, почему философы природы принимают эту форму как предмет для их наблюдений и не обращают внимания на ее сходство с мыслями человека в его ежедневной деятельности. Все же размышления о природе это только чрезвычайно развитая область всего социального трудового процесса. Этот трудовой процесс требует точного знания естественных явлений и его интеграции в законы, чтобы быть в состоянии использовать их успешно в области техники. Определение этих законов через наблюдение за специальными явлениями - задача специалистов. В исследовании природы является общепринятым, что практика, в этом случае эксперимента, является тестом правды. Здесь, также, признано, что наблюдаемая регулярность, известная как «закон природы», является вообще довольно надежными справочником по человеческой практике, и хотя они часто не всегда правильны и даже неутешительны, они постоянно улучшаются и разрабатываются через продвижение науки. Если человек упоминается как “законодатель природы,” нужно добавить, что природа очень часто игнорирует эти законы и проворицирует человека, чтобы сделать лучшие.

Практика жизни, однако, включает намного больше, чем научные исследования природы. Отношение естествоиспытателя к миру, несмотря на его экспериментирование, остается наблюдением. Для него мир это внешняя вещь. Но в действительности люди имеют дело с природой в их практических действиях, действуя на нее и делая ее частью их существования: через свой труд человек не выступает против природы как против внешнего или чужого мира. Напротив, тяжелым трудом своих рук он преобразовывает внешний мир до такой степени, что первоначальная природная субстанция больше не заметна, и в то время как этот процесс продолжается также изменяется и человек. Таким образом, человек создает свой собственный мир: человеческое общество в природе измененной им. Какой смысл имеет вопрос, приводит ли его размышление к истине? Объект его размышления состоит в том, что сам он производит своими физическими и умственными действиями и которыми он управляет через свой мозг. Это не вопрос частичных истин, таких как те, что Энгельс описал в своей работе о Фейербахе, будто искусственным производством натурального красителя ализарина доказывается обоснованность химической формулы работы[1]. Это не является, повторюсь, вопросом о частичной истине в определенной области знания, где практические последствия или подтверждают или опровергают ее. Рассматриваемый пункт здесь - философский, а именно, способно ли человеческое мышление охватить реальные, самые глубокие тайны мира. Что философ, в его изолированном исследовании, имеющий дело исключительно с абстрактными философскими концепциями, которые получены в свою очередь из абстрактных научных понятий, также сформулированных за пределами практического опыта жизни, должен иметь свои сомнения посреди этого мира теней - легко понять. Но для людей, которые живут и действуют в реальном мире каждый день, у вопроса нет никакого значения. Истинность мысли, говорит Маркс, ничто иное, как власть и господство над реальным миром.

Конечно, это утверждение воплощает противоречие: размышление, как могут говорить, не верно там, где человеческий разум не овладевает миром. Всякий раз – как Маркс указал в «Капитале» – продукты рук человека растут вне его интеллектуальной власти, которой он больше не управляет и которая противостоит ему в форме товарного производства и капитала в качестве независимой социальной организации, справляясь с человеком и даже угрожая уничтожить его, тогда его умственная деятельность подчиняется мистике сверхъестественного существа, и он начинает сомневаться относительно своей способности отличить правду от лжи. Таким образом, в ходе многих столетий миф сверхъестественного божества омрачал ежедневный материальный опыт человека. Только когда общество достигнет пункта, где человек будет в состоянии постигать все социальные силы, и будет учиться господствовать над своей окружающей средой, только тогда коммунистическое общество победит, тогда его идеи будут в полном согласии с фактами мира. Только после этого характер общественного производства, как фундаментальное основание всей жизни и поэтому будущего развития станет ясным человеку, только когда разум – только теоретически сначала – овладеет миром, только тогда наше мышление станет полностью правильным. И только тогда материализм, наука об обществе сформулированная Марксом, получит постоянное господство и станет единственной применяемой философией. Марксистская теория

общества в принципе означает обновление философии.

Однако, Маркс не был озабочен чистой философией. «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том,чтобы изменить его» - он сообщает в Тезисах о Фейербахе. Ситуация в мире требует практических действий. Сначала вдохновленные буржуазной оппозицией феодальному абсолютизму, позже подкрепленный новыми силами, которые исходили от борьбы французского и английского пролетариата против буржуазии, Маркс и Энгельс, спасибо их кропотливому изучению социальной действительности, пришли к заключению, что пролетарская революция, следующая по пятам революции буржуазной, принесет реальное освобождение человечества. Их деятельность была посвящена этой революции, и в Коммунистическом Манифесте они изложили первые направления для классовой борьбы рабочих.

Марксизм был с тех пор неразрывно связан с классовой борьбой пролетариата. Если мы спрашиваем, каков марксизм, мы должны, прежде всего, понять, что это не означает все, что Маркс когда-либо думал и написал. Представления его более ранних лет, например, являются представительными только частично; они - фазы связанные с развитием, приводящие к марксизму. В то время как роль пролетарской классовой борьбы и цель коммунизма уже обрисованы в общих чертах в Коммунистическом Манифесте, теория прибавочной стоимости развита намного позже. Все идеи развития Маркса определены социальными отношениями, характером революции, ролью, играемой государством. И у всех этих идей было различное содержание в 1848, когда пролетариат только начал развитие, чем они имели позже или имеют сегодня. Однако, огромной важностью обладает оригинальный научный вклад Маркса. Есть, прежде всего, теория исторического материализма, согласно которому развитие общества определено его производительными силами, которые создаются для определенного способа производства, и особенно производительной силой классовой борьбы. Есть теория определения всех политических и идеологических явлений интеллектуальной жизни вообще производительными силами и производственными отношениями. И есть представление капитализма как исторического явления, анализ его структуры в соответствии с теорией стоимости и прибавочной стоимости, и объяснение эволюционных тенденций капитализма через пролетарскую революцию к коммунизму. С этими теориями Маркс обогатил знание человечества надолго. Они составляют прочный фундамент марксизма. От этого пункта дальнейшие выводы могут быть получены при новых и изменившихся обстоятельствах. Из-за этой научной основы марксизм есть новый способ смотреть на прошлое и будущее, смысл жизни, мир и мышление, это - духовная революция, новое представление о мире. Однако, как представление о жизни, марксизм реален только через класс, который придерживается его. Рабочие, которые наполнены этой новой перспективой, узнают себя как класс будущего, растущего в числе, в силе и сознании, стремящегося взять производство в их собственные руки и через революцию стать владельцами их собственной судьбы. Таким образом, марксизм как теория пролетарской революции это действительность, и в то же самое время, сила, живущая только в умах и сердцах революционного пролетариата.

Марксизм не является несгибаемой доктриной или бесплодной догмой. Изменяется общество, растет пролетариат, развивается наука. Новые формы и явления возникают в капитализме, в политике, в науке, какие Маркс и Энгельс не могли предвидеть или предположить. Но созданный ими метод исследования, сохраняет свое значение в качестве превосходного гида или инструмента по направлению к пониманию и интерпретации новых событий. Пролетариат, чрезвычайно усиленный капитализмом, сегодня только достигает порога его революции и марксистского развития. Марксизм только сейчас начинает играть его роль, как живую силу в пролетариате. Поэтому марксизм является живой теорией, которая растет вместе с ростом пролетариата и с задачами и целями классовой борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) эта формула не доказала, как верил Энгельс, вескость материализма против «Вещи в себе» Канта. «Вещь в себе» - это результат неспособности буржуазной философии объяснить земное происхождение морального закона. «Вещь в себе», таким образом, была опровергнута и признана ложной не химической промышленностью, но историческим материализмом. Последний позволил Энгельсу увидеть заблуждение в «Вещи в себе», хотя он и предложил другие аргументы.

Системно-организационное исследование общества. v. 0.1.

I

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» - писал Маркс в «Тезисах о Фейербахе» [1]. Эту фразу часто трактуют превратно. Говорят: «Сперва объясните мир, а затем уже меняйте!». На самом деле, претензия Маркса к философам заключалась совсем не в том, что они дерзнули «объяснить мир». А в том, что они стремились не **познать** реальность, а **описать** её как нечто неизменное, придать конкретной форме социальной реальности статус вечного блага и/или вечного зла. Познание же реальности всегда неизбежно означает её изменение. «Все разумное действительно, и все действительное разумно», - говорил Гегель. Тогда не менее разумно и то, что писал украинский поэт Иван Багряный:

На світі цім розумно все,
І тюрьми ці , і грати,
І ми, що тут прийшли оце,
Щоб їх розруйнувати.

Что на русский язык можно перевести как:

В этом мире разумно все,
И тюрьмы, и решетки,
И мы, пришедшие,
Чтобы их разрушить.

Возьмём ли мы эпоху Гегеля (который при всех своих заслугах перед наукой считал прусскую монархию социальным идеалом) или современный мир (история которого ещё не закончилась вопреки стараниям Фрэнсиса Фукуямы, проповедовавшего «конец истории» и вечность либерализма) – большинство работ в области социальных наук направлены не на познание самого общества, а на идеологическое обеспечение нормального функционирования существующей формы общества.

Как пример, во множестве современных книг по истории можно обнаружить огромное количество дифирамбов в пользу цивилизационного понимания истории, в соответствии с которым у российской цивилизации, разумеется, свой «особый путь», своя историческая судьба, православие, самодержавие и консервативная модернизация.

Наша задача, задача тех, кто хочет познать и изменить мир - понять, какой метод мы должны применять при исследовании общества сегодня, в XXI веке.

II

Рассмотрим вопрос с исторической точки зрения. По мере роста знаний человека об окружающем мире, по мере развития отдельных отраслей знания, укрепляется представление о том, что биологические организмы, химические соединения, физические тела и.т.д. организуются на основе аналогичных принципов. Одним из первых, кто подметил такую особенность природы, был позитивист-материалист Герберт Спенсер, пытавшегося в своей работе «Основные начала» (1860 год) сформулировать принципы, которые одинаково подходили бы для явлений различного происхождения. В качестве таких же универсальных принципов можно рассматривать законы диалектики Гегеля, которые, правда, не были сформулированы им в научной форме. *«Диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах всякого движения. Это означает, что законы ее должны иметь силу для движения как в области физической природы и человеческой истории, так и для движения мышления»* [2], - писал Энгельс (1878), который вместе с Марксом, поставив Гегеля «с головы на ноги», разрабатывал материалистическую диалектику.

В начале XX века учёными совершаются попытки создания универсальных законов на основе открытий в различных сферах человеческого знания. исследователь теории систем Тахджанян пишет: *«В 1906 г. знаменитый русский кристаллограф Е. С. Федоров, а в 1911 г. известный американский химик В. Банкрофт выступают с идеей, что принцип Ле Шателье (или точнее, принцип Ле Шателье — Брауна), согласно которому внешнее воздействие, выводящее систему из состояния термодинамического равновесия, вызывает в системе процессы, стремящиеся ослабить эффект воздействия, является в действительности универсальным»* [3]. Он же также отмечает: «Многими доказывалась также универсальность принципа отбора, установленного, как известно, сначала в биологии». В 1921 году выходит книга сербского учёного Михаила Петровича «Механизмы, общие для разнородных явлений», в которой он разрабатывал учение об аналогиях.

Настоящий прорыв в этой области совершает русский учёный и политический деятель Александр Богданов (Малиновский). В 1922 году в Берлине публикуются все три части его книги «Тектология: Всеобщая организационная наука», работу над которой он начал приблизительно десятилетием раньше. В переводе с греческого тектология означает «учение о строительстве», а сам термин «тектология» Богданов позаимствовал у Геккеля, который использовал этот термин для обозначения законов организации организмов. Сам Богданов считал, что тектология не есть нечто принципиально новое, не скачок в научном развитии, а необходимый вывод из прошлого, необходимое продолжение того, что делалось и делается людьми в их практике и теории [4]. Этот учёный в своих исследованиях пришёл к выводу о принципиальной однородности организационных функций человека и природы. Он рассматривал вселенную как «беспредельно развёртывающуюся ткань форм разных типов и ступеней организованности» от простейших химических элементов, до социальных институтов, весь мир выступал для него как

многообразие процессов организации и дезорганизации. Человеческая деятельность в том числе, является организующей и дезорганизующей, вместе с природными процессами она составляет материал организационного опыта.

Организационный опыт, будь то человеческий (организация орудий труда, организация торговли, организация психологических образов и.т.п. – в конечном счёте, организация вещей, людей и идей) или природный (организация живых организмов, организация звёздных систем и.т.п.), является объектом изучения тектологии. Предметом тектологии становится этот организационный опыт с точки зрения организационных методов, которые, как убедительно показал Богданов в своей работе, выступают универсальными для сущностей («комплексов» или реже «систем» в терминологии Богданова) различного происхождения. *«Природа организует сопротивление многих живых организмов действию холода, покрывая их пушистым мехом, перьями или иными, мало проводящими тепло оболочками. Человек тем же самым путем достигает тех же результатов, устраивая себе теплую одежду. Стихийное развитие приспособило рыбу к движению в воде, выработав определенную форму и строение ее тела. Человек придает ту же форму своим лодкам и кораблям, причем воспроизводит и строение скелета рыбы: киль и шпангоуты в точности соответствуют ее позвоночнику и ребрам. Посредством «паруса» перемещаются семена многих растений, животные с летательными перепонками и т. п.; человек усвоил метод паруса и широко применяет его на памяти истории... Глаза каракатицы или осьминога представляют величайшее сходство строения с глазами высших позвоночных, например человека. Те и другие - аппараты гигантской сложности, с сотнями миллионов элементов, высокодифференцированных и стройно связанных между собой. Несомненно, что те и другие развивались совершенно независимо, на двух далеко разошедшихся ветвях генеалогического древа жизни...»* - писал Богданов.

Исследуя организационный опыт, Богданов первым или одним из первых формулирует принципы, которые впоследствии будут сформулированы в других «системных» теориях.

Как замечает Тахджанян: *«Богданов предвосхитил не только теорию систем Берталанфи, но и некоторые основные концепции кибернетики... Вполне тектологичны также некоторые основные идеи теории катастроф французского математика Р. Тома, а также ряд положений так называемой синэргетики»*

Он же пишет, что между следующим этапом в развитии системного метода – общей теорией систем и тектологией «так много общего, что невольно возникает мысль о прямом влиянии Богданова, тем более, что немецкий перевод названных двух томов “Всеобщей организационной науки” был издан в Берлине в 1926 и 1928 гг. Странно, что Берталанфи нигде не упоминает имени Богданова, хотя, как он писал мне, немецкий перевод “Тектологии” был ему известен». Впрочем, оставим это на совести Берталанфи, отметив лишь, что весь материал его «теории систем» не сводится к заимствованиям из тектологии и был обогащён на основе достижений науки его времени и его собственных идей (первые его работы были опубликованы в 1947 году).

В 1948 году происходит ещё одно выдающееся для науки событие. Вышла в свет книга «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине». Её написал Норберт Винер, гениальный учёный, который к 14 годам своей жизни осилил высшую математику, а в 18 стал доктором Гарвардского университета по специальности математическая логика. Говоря об истоках своего труда, он писал: «...наука становится все более делом специалистов, области компетенции которых обнаруживают тенденцию ко все большему сужению». Поэтому всё больше возрастала потребность в единой науке, охватывающей *«вопросы связи, управления и статистической механики, и притом как в машине, так и в живой ткани... Было решено назвать всю теорию управления и связи в машинах и живых организмах кибернетикой, от греческого – “кормчий”»* [5].

В середине XX века происходит широкое развитие и взаимопроникновение идей теории систем и кибернетики. Получают распространение такие дисциплины как теория информации, теория игр, топология, факторный анализ, системотехника и многие другие. В 1956 году выходит работа английского психиатра и специалиста по теории систем Уильяма Росса Эшби «Введение в кибернетику», в которой он развил многие положения, описанные Винером, ему же принадлежит первое известное в печати упоминание термина «самоорганизация» [6]. *«Прошло более 15 лет с того момента, как автор [Берталанфи] впервые представил широкой публике проект общей теории систем. С тех пор эта концепция широко обсуждалась и была применена ко многим областям науки... немногие смогут отрицать законность и плодотворность междисциплинарного системного исследования...Более того, понятие системы в настоящее время не ограничивается теоретической сферой, а становится центральным в определенных областях прикладной науки»* - скажет Берталанфи в 1962 году [7].

В 70-80-е годы XX века наряду с применением системных методов в естественных науках происходит их внедрение в социальные дисциплины. Стаффорд Бир,

известный по своему Чилийскому эксперименту создания системы управления экономикой в реальном времени (эксперимент был прерван переворотом Пиночета), разрабатывает management cybernetics (кибернетику менеджмента). В конце своей жизни, в 90-е, он пытается создать эффективную модель неиерархического принятия решений, которая получила название «syntegrity». В своей статье «Мир в мучениях» он предвещает наряду с крушением советского «социализма», крах «западного» капитализма. Прикладным применением теории систем занималась также школа структурного функционализма (Мертон, Парсонс), однако, их идеи не выходили преимущественно за рамки проблем, очерченных академической политологией. В странах «социалистического» лагеря развивалась экономическая кибернетика (наибольшую популярность получили труды польского экономиста Оскара Ланге). Выдающийся советский математик и кибернетик В. Глушков пытается создать автоматизированную систему управления производством в СССР, однако проект сворачивается бюрократией.

К 70-м годам складывается новая междисциплинарная концепция, изучающая процессы самоорганизации в нелинейных системах в состоянии неравновесия, возникновение порядка («макроскопической организованности») из хаоса («нерегулярного движения, описываемого детерминистскими уравнениями» [8]). Пионерами этого течения считаются немецкий физик-теоретик Герман Хакен, давший новой отрасли науки закрепившееся сейчас название «синергетика» (от греческих слов «совместно» и «действующий») и Илья Пригожин – бельгийский химик российского происхождения, который отстаивал своё название – «теория диссипативных структур».

Сегодня все эти дисциплины продолжают своё развитие, однако их применение по отношению к обществу в целом носит в современной науке главным образом эпизодический и маргинальный характер. Отдельные же попытки использования системных методов носят, как правило, либо прикладной и ограниченный, либо спекулятивно-философский характер.

Взаимосвязь между наукой об обществе и другими науками всегда была тесной, в пример можно привести теорию Мальтуса и теорию Дарвина. Наука об обществе, тем не менее, всегда отставала от других наук в применении новых методов, которые уже нашли своё место в естественнонаучных дисциплинах. Это связано, во-первых, со сложностью самого изучения общества, во-вторых, с неизбежным отражением в социальных теориях непосредственных интересов различных социальных групп, которым не выгодно изменение, а значит и познание общества.

Системные методы, основанные на открытии универсальности процессов организации в различных средах и последних достижениях науки, позволяют по-новому взглянуть на общество. Например, если установлена универсальность принципа обратной связи для различных систем, то, интересно, как это принцип проявляет себя в обществе? То, что обратная связь существует в системе общества, видно невооружённым взглядом, однако, такая последовательная постановка вопроса позволяет не только описать общество языком теории систем, но и открыть новые аспекты функционирования общества, раскрыть многие тайны этого «чёрного ящика».

Значение конкретных терминов и содержание системных принципов будет сформулировано непосредственно в ходе их приложения к изучению общества. Подход данной работы назван «системно-организационным», так как понятия «системы» и «организации» являются для нас ключевыми. В названии работы присутствует обозначение версии – 0.1, как это принято, например, для компьютерных программ. Данная работа действительно является пробной версией системно-организационного исследования. Чтобы завершить эту «программу», нужен труд не одного года и не одного человека. Впрочем, последней версии тоже не будет. Познание бесконечно.

III

Общество – это **система**. Существует миллион определений термина «общество» и где-то может в десять раз меньше определений термина «система». Мы же не будем мудрствовать лукаво и станем использовать простые определения. Общество – это система взаимоотношений между людьми в процессе их совместной жизнедеятельности. Под системой (от греч. systema — целое, составленное из частей; соединение) же принято понимать множество взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, которые образуют целесообразное единство. То есть взаимодействие людей и образует систему «общество», а отношения между людьми будут объектом нашего изучения.

Общество – это **динамическая система**. Процесс **изменения** этой системы является тем, что называют «историей», «история» - это **переходный процесс** системы из одного **состояния** в другое.

Общество также **организованная система**, то есть такая система в которой «целое практически располагает большей суммой активностей, чем если бы его части существовали отдельно» [Тектология], грубо говоря, оно больше арифметической суммы своих частей, и свойства системы в целом не могут быть поняты из учения её отдельных элементов, но только во взаимосвязи.

Общество - это **сложная** или **очень большая система** («очень большая» – это научный термин, а не просто констатация факта). **Сложность** или **размер** системы определяются не её количественными характеристиками, не её физическими размерами, не количеством элементов или географической протяжённостью, а количеством **различий** в системе, или как иногда выражаются проще количеством **связей** (что не совсем одно и тоже). Мобильный телефон по этому критерию гораздо **больше** многоэтажного дома. Это значит, что изучаемая система слишком велика для нас, чтобы выполнить все вычисления и, допустим, предсказать её поведение. Однако, размеры системы не нарушают верности принципов, которые применимы ко всем системам. «*Доказанные однажды теоремы справедливы для систем любого размера*», - отмечает Эшби [9]. Нам лишь приходится иметь дело с

неполнотой информации о системе и выявлять, поэтому наиболее общие законы её функционирования.

Также общество – это **открытая** система. То есть система, взаимодействующая со средой. Окружающей средой для системы «общество» является система «природа», в самом общем смысле – это совокупность материальных условий существования человечества. Любая открытая система имеет **вход**. Одна из первых мысленных ассоциаций, возникающих у человека с этим словом, как правило, дверь в дом, отчасти правильно передаёт значение этого термина. Вход («*Как нечто, способное изменяться*», - отмечает Эшби) служит каналом через который одна система воздействует на другую, образуя таким образом **соединение систем (конъюгацию)**. Входом в систему «общество» является трудовая деятельность человека в широком смысле слова. В процессе труда человек взаимодействует с природой. Преобразуя природу, человек преобразует и способ своего воздействия на неё, а в конечном счёте и всю систему «общество».

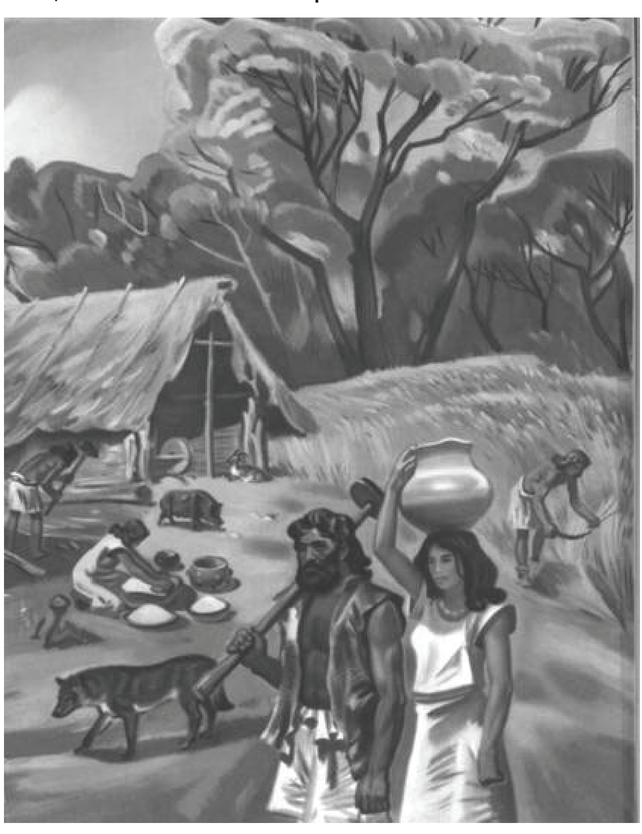
Любая система может быть представлена как **система управления**. Система управления образует собой единство субъекта и объекта управления. В некоторых случаях субъект и объект могут совпадать. Богданов применительно к социальной организации выделил три типа управления: коллективное, авторитарное и индивидуальное. В синергетике же выделяются системы, возникшие в результате организации (то есть путём организации извне, что вероятно соответствует авторитарному типу управления) и самоорганизации (что соответствует коллективному типу управления). Хакен описывает самоорганизацию так:
«*...Процесс называется самоорганизацией, если внешние воздействия отсутствуют, а рабочие трудятся коллективно благодаря взаимопониманию, устанавливающемуся между ними самими...*».

IV

Человек выделился из животного мира, как существо, активно воздействующее на природу через труд, как самостоятельный субъект, используя методы организации, отличные от организации животной, основанной на инстинктах и рефлексах. С возникновением особой социальной организации, не обусловленной природными принципами (как у муравьёв), можно говорить о появлении системы «общество».

Человек – это биосоциальное существо, у которого отсутствуют инстинкты, а рефлексы подчинены сознанию. Сознание (и подсознание) же человека определяется его социальной средой. Так считает современная этология [10]. Абстрактного человека не существует, человек всегда есть производное от конкретных социальных условий его существования. К слову, когда говорят о деградации современного общества, то часто повторяют выражение «Человек человеку – волк», на самом деле, у волков в стаях альтруизм развит гораздо больше, чем у людей в современных капиталистических обществах, так что правильнее было бы говорить «Человек человеку – волк... и овца».

В начале своего существования общество строилось на принципах самоорганизации. Этот период в истории человечества называют первобытным, первобытно-общинным, первобытно-коммунистическим, примитивным или даже анархо-примитивистским. Большинство исследователей сходятся на том, что этот период характеризуется минимальным присутствием авторитарных отношений. Начнём рассмотрение системы «общество» с этого этапа его развития.

В первобытном обществе труд ещё не выделился в отдельную сферу деятельности, охота и собирательство ещё не стали отчуждённой от человека работой, и были такой же частью жизни, как и потребление пищи, общение, воспитание детей и.т.п. Человек уже выделился из природы, но его труд, воздействие на природу ещё не стал обособленным полем деятельности, которое влияло бы на его жизнь прежде всего. Так, вопреки всем «марксистам», Энгельс считал, что в первобытном обществе производственные отношения не были доминирующей сферой, а форма общества определялось воспроизводством человека в целом: «*Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счёте производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определённой исторической эпохи и определённой страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей*» [11]. В советских изданиях высказывания

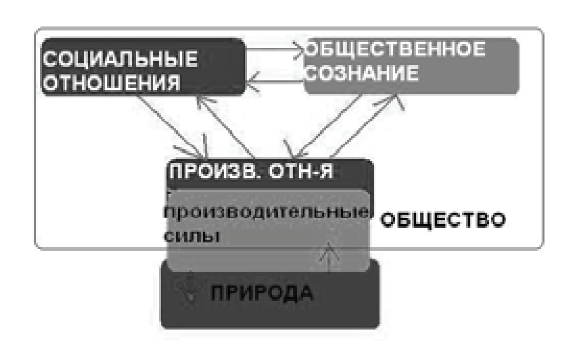
Энгельса по данному вопросу сопровождались пометкой типа «а здесь Энгельс отошёл от истмата».

Раз уж мы заговорили о подсистемах общества, любая система может неограниченно делится на **подсистемы**. Жизнедеятельность человека, образующую всё многообразие отношений в системе «общество», можно разделить на ряд подсистем.

Удовлетворение человеческих потребностей связано с воздействием на систему «природа». Взаимодействие этих систем (конъюгация) происходит через трудовую деятельность, организацию людей в процессе труда. Здесь мы используем термин из классического материалистического понимания истории – «производительные силы». В узком смысле слова совокупность рабочей силы человека, средств производства и предмета производства (то, на что направлены средства) образуют **подсистему производительные силы**. Производительные силы занимают то место в системах «природа» и «общество», которые образуют их **цепную связь** («*Всякое объединение посредством общих звеньев*», - отмечает Богданов), **ингрессию** (вводную, опосредующую подсистему) двух систем, то есть служат «дверью» природы в общество.

Производительные силы в свою очередь являются подсистемой системы **«производственные отношения».** Производственные отношения – это совокупность отношений между людьми, возникающая в процессе их трудовой деятельности (для первобытного общества производственные отношения были отношениями присваивания, а не производства в современном смысле). Также можно выделить сферу **социальных отношений,** которая включает в себя отношения людей, связанные с воспроизводством рода, организацией общежития и.т.п. И наконец, существует сфера **общественного сознания,** которая включала в себя на том этапе вопросы морали и проторелигии.

Представим взаимодействие этих (под)систем графически.

V

Первобытное общество взаимодействует с природой. Но их конъюгация характеризуется состоянием **подвижного равновесия**, то есть две системы взаимодействуют между собой, но при этом остаются неизменными в своих свойствах, несмотря на обмен **активностями-сопротивлениями**. Это связано с тем, что производительные силы общества ещё были крайне неразвиты и состояли, вероятно, не будет ошибкой сказать, из рабочей силы человека и природы, на которую эта сила была направлена. Средства производства, такие как лук и стрелы, разнообразные примитивные орудия труда были в большей степени продолжением и усовершенствованием самих физических качеств человека, их форма оставалась неизменной на протяжении столетий, покуда они удовлетворяли потребности человека. Различные подсистемы общества равноправно влияли друг на друга, более того ретроспективно мы их можем выделить только как абстракции, реально разделения между сферами, как это существует сейчас, между, например современной культурой и экономикой, не существовало.

Итак, первобытное общество основывалось на самоорганизации, какие же из этого следуют выводы (подтверждённые данными исторической науки)? Так и хочется сказать: собственность на средства производства, продукты труда и вообще на всё была общественной... Перед этим однако неплохо было бы уточнить что такое собственность с системно-организационной точки зрения. Во-первых, первобытные люди и знать не знали ни о какой собственности. Само слово «собственность», привычное для современного человека, обозначает обособленность системы «предмета собственности» от других систем, оно означает, что нечто находится в «собственном» управлении индивида или группы индивидов. Во-вторых, в современном словоупотреблении слово «собственность» означает юридическую субстанцию, в то время как права в первобытном обществе не было. К сожалению, мы не можем научно описать функционирование первобытного общества в терминах его собственного языка, поэтому придётся использовать этот современный термин. Когда мы говорим об общественной собственности в первобытном обществе, мы имеем в виду тот факт, что средства производства, включая рабочую силу членов общины, продукты труда, отношения полов и воспитание детей, управлялись коллективно или самоорганизованно.

В мире первобытной общины не было таких отношений, которые требовали бы разделения труда, возникновения авторитарных или даже индивидуальных отношений. Жизнь была **проста** в системном смысле этого слова. Собирательство и охота не требовали выделения узкой группы лиц для эффективного ведения этих дел, то есть для выживания. В первобытных языках не было даже личного местоимения «я». Отношения полов носили свободный характер, семьи как экономико-правовой ячейки общества не существовало, вся община была одной большой семьей. Дети воспитывались коллективно, и физические родители не имели приоритета в воспитании. Сами же дети не были людьми второго сорта в собственности и подчинении у старших. Отсутствие (или минимальность) авторитарных отношений в обществе проявляло себя в области религии: люди верили в духов, но эти духи были равны с людьми и между собой, культ авторитарного поклонения отсутствовал.

«Формы жизни просты, элементарны, однообразны; всё, что доступно в опыте одному члену родовой группы, доступно и всякому другому; что делает и умеет один, то делает и умеет всякий другой; что знает один, то знает и

всякий другой. Одинаковая среда, в которой каждый из них живёт и действует: одна и та же маленькая группа людей, один и тот же маленький клочок природы. Одинаковы и средства, которыми каждый располагает в своей жизни и деятельности: один и тот же стихийно накопленный группою запас трудового опыта, одни и те же примитивные орудия» - так описывал Богданов первобытное общество.

В мифах людей после распада первобытного общества это время осталось как «золотой век», Эдем. Однако, нельзя идеализировать общество первобытного коммунизма. Одной из его особенностей, поразительной для современного человека, было то, что «людьми» члены одной общины считали только своих соплеменников. В языках многих до сих существующих «диких» племён, самоназвание племени означает просто – «люди». Других же людей члены одной первобытной общины воспринимали как часть природы наравне с животными. Так что общение между разными группами людей проходило главным образом в форме каннибализма и войны. Это, во-первых. А что, во-вторых, и что на самом деле более важно - первобытная община была предельно консервативна, основывая свою жизнь на опыте, который оставался неизменным.

VI

Но любая система переживает свой **кризис**. Это случилось и с обществом первобытного коммунизма. Под влиянием стихийно-природных причин оно вступило в эпоху собственного регресса.

Кризисом в самой общей форме называется разрыв границы (или наоборот – образование границы) между двумя системами. «Все кризисы, наблюдаемые в жизни и природе принадлежат к этим двум типам. Например, революции в обществе обычно представляют собой разрыв социальной границы между двумя классами; кипение воды – разрыв физической границы между жидкостью и атмосферой; размножение живой клетки – образование жизненной границы между её частями, приобретающими самостоятельность; смерть – разрыв жизненной связи организма и.т.д.». Кризисы возникающие в процессе разрыва границы называются конъюгационными (Кризисы С, соединения), а кризисы, возникающие из-за создания границы – дизъюниктивными (Кризисы Д, **дизъюнкции**, то есть разделения систем).

Понятно, что кризисы не возникают из ниоткуда, а возникают они в следствии нарушения равновесия между (под)системами.

Подвижное равновесие между обществом и природой начало нарушаться. С одной стороны, это вызывалось изменениями в самом обществе, с другой стороны – влиянием природы на общество. Происходило увеличение численности человеческого населения, людям приходилось осваивать всё новые территории, не только вести войны, но и вступать в обмен продуктами между собой. Изменялась и природа (то есть изменялся характер производительных сил). Новые территории требовали новых методов ведения труда, изменения климата требовали совершенствования орудий труда, жилища и т.д. Произошёл разрыв системной границы между обществом и природой, с одной стороны, и между подсистемой «производственные отношения» и системой в целом.

В результате огромного количества «бесконечно» малых изменений произошли качественные изменения в структуре общества. Здесь для нас важно понять, почему одни формы отношений уничтожались, а другие сохранялись, росли или появлялись. Происходит это в результате механизма **подбора**. *«Один из самых простых примеров подбора - механизм сита. Техническая задача состоит в том, чтобы из смеси, предположим, муки с отрубями выделить полезную муку, с одной стороны, и бесполезные или менее полезные отруби - с другой. Частицы муки более мелки, чем отруби; те и другие обладают весом. Если они падают на сито, то частицы муки сохраняют свое движение, проходя через отверстия, движение же отрубей уничтожается сопротивлением сетки. В действительности все это несколько сложнее, но суть именно такова: механизм, в котором сохраняется движение одних комплексов, уничтожает движение других в зависимости от его сопротивлений»*. В приведённой выше цитате описывается механизм самой простой формы подбора – консервативного подбора, который ведёт либо к сохранению, либо к уничтожению элементов системы. Есть и более сложные формы подбора, например, прогрессивный подбор: *«Во впадине листа лежит капля воды. С ее поверхности непрерывно удаляются в воздух, «испаряясь», водяные молекулы (дезассимиляция), и в то же время другие молекулы осаждаются на нее из атмосферы (ассимиляция). В насыщенно-влажной атмосфере оба процесса равны и налицо имеется подвижное равновесие. Когда воздух пересыщается влагой, например, вследствие понижения температуры, то получает перевес осаждение паров: капля увеличивается; это прогрессивный подбор в положительной форме. Когда насыщение атмосферы парами становится неполным, то преобладает испарение; оно стремится уничтожить каплю; это отрицательная форма прогрессивного подбора»*.

Тот же самый подбор происходил и в обществе. Одни орудия труда сохранялись и развивались, другие переставали воспроизводиться за ненадобностью, одни отношения сохранялись, другие отмирали, входя в противоречие с потребностями жизни.

Рост сложности процессов труда вкупе с интенсификацией коммуникации между общинами (дарообмен и позже товарообмен, война) привели к росту сложности общества в системном смысле слова. Ответом на это стало уменьшение доли коллективного управления в обществе. Управление определёнными видами деятельности, которые технически не могли вестись коллективно (управление военными действиями, изготовление сложных орудий труда, шаманские практики) становилось делом отдельных лиц или групп лиц (военных вождей, шаманов).

Богданов вкратце описывает процесс регресса первобытного общества таким образом: *«При всей своей неподвижности первобытный мир обладает своими собственными силами развития. Это, конечно, стихийные, биологические силы: размножение, перенаселение, голод... Они вынуждают развитие, и оно совершается – в*

долгом ряду тысячелетий, с такой медленностью, которая недоступна нашему воображению.

Сначала это развитие имеет чисто количественный характер: поле опыта расширяется, сумма переживаний возрастает, - но «общество» остаётся комплексом однородных единиц, «человек» - существом цельным и стереотипным. Это продолжается до известного предела, за которым изменения становятся качественными.

Сумма коллективного опыта возрастает до таких размеров, что отдельный человек овладевает ею только в поздних стадиях своей жизни, да и то не каждый в полной мере. Тогда выделяется старший в роде, как носитель всего опыта группы, в противоположность остальным её членам, располагающим лишь неполным опытом.

Первоначальная однородность отношений внутри группы шаг за шагом исчезает. Один, опираясь на свой накопленный опыт, начинает указывать, остальные – следовать его указаниям. Это различие в дальнейшем возрастает, потому что неоднородность жизненной роли людей сама обуславливает неоднородность последующего развития.

Чтобы в пределах своей психики охватить наибольшую сумму опыта, тот, кто указывает другим, всё в большей мере суживает свою «физическую активность»: он реже и реже действует лично, чаще и чаще – через других; он превращается в распорядителя по преимуществу, в организатора групповой жизни. Остальные, напротив, сохраняют всё меньше личной инициативы, привыкают подчиняться, становятся постоянными исполнителями чужих указаний. Относительная бедность их жизненного содержания – благоприятное условие для такой деятельности: больше автоматизма, меньше колебаний, организатору легче справляться со своей задачей.

Так совершилось первое дробление человека – отделение «головы» от «рук», повелевающего от повинующегося; так возникла авторитарная форма жизни».

Итак, уничтожение подвижного равновесия между обществом и природой (разрыв системной границы) привело к увеличению роли труда в жизни общества. Этот труд всё больше становился работой, обособленной частью жизнедеятельности, которая не могла управляться коллективно. Работа привела к формированию основного разделения труда на управленческий и исполнительский. Как уже отмечалось выше, процесс полного разложения первобытного общества растянулся на тысячелетия, а в некоторых оставшихся сегодня племенах он ещё и не завершился.

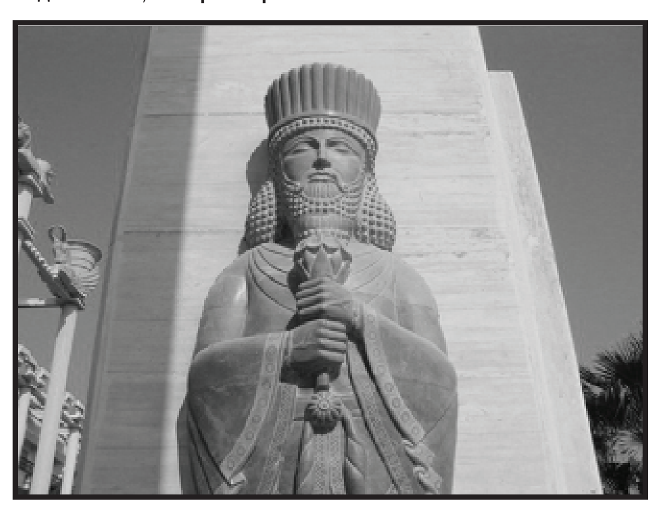
VII

Первоначально роль организатора не сильно выделяется на фоне деятельности других членов общины. Организатор занимается теми же делами, что и все. Но как более опытному ему начинают подражать и постепенно подчиняться. По мере развития разделения труда на организаторский и исполнительский, по мере усложнения хозяйства, управленческий труд полностью отделяется от, собственно, процесса производства. Так выделяется глава рода и ему начинают повиноваться.

Чем больше большинство родовой группы отстраняется от организаторской деятельности и от контроля за распределением продуктов, тем более полным становилось господство патриарха (главы рода) в сфере распоряжения прибавочным продуктом. И чем больше возрастала сумма избыточного (прибавочного) продукта, тем значительней становилась доля продукта, которую организатор оставлял в личное потребление. Росло неравенство, что стало зародышем экономической эксплуатации, хотя на организаторе лежало в реальности большее чем на других количество труда, необходимое для координации деятельности общины.

В родовой общине возникают зародыши индивидуализма вместе с ростом авторитарной власти. Патриарх начинает чувствовать себя собственником всех произведенных общиной продуктов, которые обменивались на продукты других общин. Возникало в зародыше товарное производство и частная собственность.

На смену первобытной общественной системы (или как иногда принято говорить применительно к обществу – формации) пришла **экономическая общественная формация.** Главными признаками которой являются доминирование сферы производственных отношений и разделение общества на такие выделившиеся его подсистемы, которые принято называть **классами.**

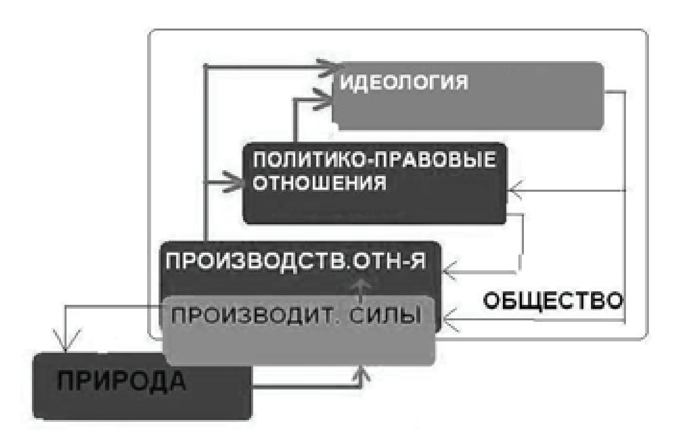

Так как средой для системы «общество» является природа, то именно во входе в эту систему – в производительных силах, как части производственных отношений, начали происходить изменения в обществе, связанные с нарушением равновесия между обществом и природой. Процесс этот был и остаётся до сих пор неконтролируемым для человека, действия и идеи которого остаются в подчинении у способа производства.

Стремительное изменение производительных сил при переходе к земледелию и скотоводству (и в наиболее полной форме при возникновении первых классовых обществ в долинах Нила, Тигра и Евфрата, где требовалось авторитарное управление процессами мелиорации), повлекло за собой изменение в остальных подсистемах общества. Социальные отношения стали политическими, духовные стали идеологическими, а сами производственные отношения стали экономическими, то есть нацеленными не на удовлетворение потребностей, а

на рост богатства (вернее, прибавочного продукта).

Прогресс общественного разделения труда и обмена, который происходил благодаря развитию техники, стал локомотивом последующего развития экономической формации.

Рядом с обменом возникает и рабство, не всегда поверженного врага теперь убивают, его берут в плен и заставляют работать. Развиваются новые общественные отношения. Разделение на исполнителей и управленцев, возникшее в процессе труда распространилось на всё общество. Управляющие процессом труда, в силу своего положения, находились в более привилегированных условиях, им нужно было лучше питаться, первыми получать врачебную помощь, больше спать и жить в лучших условиях, чтобы эффективнее руководить процессом производства, необходимым для выживания общества в целом. Со временем управленцы начали аккумулировать в своих руках все больше благ, пользуясь своим положением. Подсистема общества «управленцы» обрела свои собственные интересы. Управленческая деятельность получила **отдельность (независимость)** от непосредственного процесса труда и стала не только управлять общественным производством, но и процессом эксплуатации.

Экономическая общественная формация может быть разделена на ряд подсистем, которые историки, как правило, различают по форме изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя. На какое количество подсистем дробить систему зависит, впрочем, в первую очередь от практической потребности наблюдателя. Так некоторые историки [13] выделяли в рамках экономической общественной формации две подсистемы: большую феодальную (или докапиталистическую) формацию и собственно капитализм. Такая классификация может иметь смысл, так как всю историю экономической общественной формации можно рассматривать по степени развития в ней товарно-денежных отношений, соответственно апогеем экономической общественной формации является капиталистический способ производства. Предшествующие же ему подсистемы, во-первых, имели не такой развитый товарообмен, а, во-вторых, в них часто сочетались различные типы эксплуатации (например, труд крепостных крестьян, рабов, свободных ремесленников и.т.д.), которые порой сложно отличить друг от друга. [14]

Рамки экономической общественной формации совпадают с рамками классового общества. Возникшее разделение общества на управленцев и управляемых (рабовладельцев и рабов, феодалов и крестьян и.т.п.) создало необходимость для создания особых социальных подсистем, или как принято говорить, институтов, для нормального функционирования общества, а именно поддержания равновесия между классами. Такими подсистемами стали государство, право, авторитарная религия, идеология в целом и.т.п.

Класс управленцев экономически эксплуатирует исполнителей, изымая у них прибавочный продукт трудовой деятельности (в виде оброка, присвоения прибавочной стоимости и.т.п.), и чтобы управляемые не выходили из-под контроля, возникает государство, то есть аппарат политического насилия или угнетения. Право регламентирует механизм эксплуатации (явно как в случае Кодекса Хаммурапи или завуалировано как в случае с современным Трудовым Кодексом) являясь кодифицированным сводом правил, соблюдая которые человек классового общества избегает насилия со стороны государства. Для придания моральной санкции класс управленцев создаёт различные идеологические конструкции, которые внушают исполнителям правильность и необходимость существующего порядка вещей, в виде официального православия или доктрины «марксизма-ленинизма», что не имеет функционального значения.

Можно сказать, что классовое общество представляет собой авторитарную систему управления, в которой управление в своей авторитарной форме неизбежно принимает характер экономической эксплуатации в сфере производственных отношений, политического угнетения в политико-правовой сфере и характер идеологической гегемонии в сфере общественного сознания.

В эпоху феодализма в производстве преобладает земледелие, при ограниченной роли скотоводства, которое ведётся на ограниченной территории. Происходит рост численности феодальной общины, вместе с тем возникает раздробление производства в её рамках. Возрастает

роль отдельных семей. Обособление семейных групп приводит к росту чисто экономических отношений, родовая связь групп рвётся всё больше. Возрастало неравенство хозяйственных единиц, со временем наиболее богатые семьи выдвигали военных вождей. Крупный землевладелец, занявший военно-организаторскую функцию, становится феодалом. Эта должность становилась наследственной. Выделялась также мирно-организаторская роль жреца. Между феодалами устанавливается также авторитарная зависимость — сюзеренитет.

Пока хозяйство феодала ограничивалось рамками натурального хозяйства, закрепощение зависимого населения было невелико, но оно росло с развитием обмена.

Рост потребности в новых землях вызвал огромное количество войн, приводивших всё к большей феодализации отношений, пока Западная Европа не была объединена под властью Папы Римского, и не сформировался «классический феодализм».

VIII

Немного отвлечёмся от истории. Между тремя основными приведёнными на рисунке №2, подсистемами общества в реальности нет чёткой границы, вернее есть граница, которая образует определённые переходные формы. Отношения между этими подсистемами (что верно не только для экономической общественной формации) носят характер обратной связи. В общем смысле говорят, что *«если действие между частями динамической системы имеет... круговой характер, то в ней имеется обратная связь»* [Эшби]. Система общественных отношений образует целесообразное целое, состоящее из множества переплетающихся подсистем с обратной связью. Для экономической общественной формации верно то, что подсистема «производственные отношения» является источником изменений во всех остальных подсистемах, остальные же «подстраиваются» под неё, оказывая на неё обратное влияние. Так, наука, относящаяся в целом к сфере общественного сознания, может выступать как производительная сила в широком смысле этого слова, придавая импульс развитию производства.

Такую особенность экономической общественной формации верно подметили в своё время такие революционные мыслители, как Бакунин и Маркс. Вот что писал Бакунин, критикуя Прудона: *«Прудон, несмотря на все старания стать на почву реальную, остался идеалистом и метафизиком. Его точка отправления - абстрактная идея права: от права он идет к экономическому факту, а г. Маркс, в противоположность ему, высказал и доказал несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву»* [15] И в другом месте: *«В основании всех исторических вопросов: национальных, религиозных и политических лежал всегда, не только для чернорабочего народа, но и для всех сословий и даже государства и церкви, самый существенный вопрос – экономический»* [16]. Сам же Маркс писал следующее: *«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»* [17]

А вот что Энгельс писал о взаимодействии подсистем, ещё не зная таких терминов:

«...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом, в конечном счете, является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение - это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты - государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу .участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое, в конечном счете, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени.
Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются, в конечном счете, решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»

IX

Так как источником развития общества является его взаимодействие с природой, то в случае остановки развития подсистемы «производственные отношения», общество вступает в стадию **регресса**. В общем смысле прогресс означает рост активностей системы, уменьшение внутренних дезингрессий, а регресс, соответственно, уменьшение суммы активностей и рост дезингрессий – этих элементарных факторов прогресса, к которым, однако,

не сводится вся сложность организационного процесса.

До сих пор остаются непонятными причины, как часто говорят, «внезапного» упадка древних цивилизаций Америки. Если рассмотреть вопрос с точки зрения системно-организационного подхода, то можно выдвинуть следующую гипотезу: при данных природно-географических условиях Америки и в отсутствие интенсивных контактов с другими социально-историческими системами, в системе «общество ацтеков» произошла остановка развития производительных сил. Остановка развития же всегда означает регресс в изменяющемся мире.

Ещё более интересен пример рабовладельческой Римской Империи. Римская империя, находясь в стадии прогресса, наращивала как производительные силы (качественный рост), так и масштаб собственных территориальных владений (количественный рост). Однако, это привело к широкой системной дифференциации системы и её краху: «Рабовладельцы и бюрократия Римской империи превратились в чистых паразитов, способных только в огромном масштабе потреблять общественно-трудовые активности, воплощенные в продуктах работы других классов, но утративших организаторскую энергию и умение, необходимые для руководства трудовыми процессами и борьбы с враждебной средой, окружавшей империю; рабы же вырождались и вымирали от чрезмерности работы и недостаточности потребления, но в то же время по своему «подчиненному», рабскому складу психики не могли бороться против подавлявшей их эксплуатации, даже не помышляли о переустройстве общественной жизни своими усилиями». Регрессирующая Римская Империя была обречена на долгое вырождение и возможно даже полное исчезновение, если бы не система «варвары», которая вступила с Римом в процесс конъюгации, породив новую систему – классический феодализм.

Бывает, что производительные силы развиваются не так интенсивно, чтобы произвести изменения в других подсистемах обществах, которые уже «закостенели» в своей форме: «*Отжившие религиозные и политические формы останавливали развитие целых обществ и вели даже к длительному упадку целых стран. С Испанией XVII-XVIII вв. пережитки католицизма и феодализма сделали почти то, что делает с организмом змеи недосброшенная часть уже мертвой кожи*».

Чрезвычайно благоприятные условия для развития производительных сил существовали в Западной Европе. Грубо говоря, условия там были не столь благоприятные, как в тёплых странах, где людям не приходилось применять значительных усилий для добывания пищи и обустройства жилища, но и не столь суровые, как в землях крайнего Севера, где вся человеческая энергия уходила на борьбу со стихией, не оставляя времени и сил для усовершенствования методов воздействия на природу.

В рамках феодального общества начинают развиваться всё более меновые отношения. Разделение труда становится общественным в том смысле что оно теперь затрагивает не только дробление функций производства в одной хозяйственной единице, но дробление функций между ними. Продукты начинают изготавливаться не для внутреннего потребления, а на продажу. Возникает товарная стадия экономической общественной формации, возникают деньги как средство обмена, накопления и кредита.

Тем временем феодал терял роль организатора военной защиты своего населения, создавалось централизованное государство. А порвав непосредственную связь с процессом производства, феодал становится паразитом, сосущим кровь из крестьянина и не выполняющим никаких общественно-полезных функций.

Богданов напишет по этому поводу: «Там, где господствующий класс вырождается от паразитизма, а подвластный трудовой класс от истощения чрезмерной эксплуатацией, там не может получиться самостоятельного развития к высшим формам: сама по себе крепостная система приводила бы только к застою и затем к упадку. Вести от нее вперед способны только двигатели, извне действующие на нее. Так и случалось в средневековой Европе: ее деревенский, сельскохозяйственный мир избегнул крушения потому, что рядом с ним рос и своими экономическими связями преобразовывал его иной, городской мир, с совершенно отличными от него, высоко-прогрессивными условиями и отношениями»

Обмен принимал всё более широкое значение по мере обособления городов. В городах развивались ремёсла, путём выкупа и путём прямой борьбы, горожане освобождались от власти феодалов и становились свободными людьми, объединёнными в особые экономические структуры — цеха.

В цехах были развиты отношения коллективного управления, так как при мелком ремесленном производстве взаимопомощь необходима для борьбы против падения цен на товары, для ремонта орудий и для борьбы со стихийными силами типа пожаров. Коллективизм растёт вместе с необходимостью дать ответ на силы конкуренции, более слабые производители объединялись и устанавливали свои правила, сохранявшие их от неизбежной гибели в хаосе конкуренции, которая неизбежна, ведёт и к монополизации, а значит — подчинению мелких производителей.

Первое время устройство цехов было весьма демократичным, а мастер и подмастерья обладали определённым равенством и имели товарищеские отношения. Однако, это продолжалось не вечно.

«Два основных факта обусловили переход ремесленно-городского общества в торгово-капиталистическое: во-первых, общее возрастание производства, и, во-вторых, наиболее быстрое развитие той его отрасли, которая заключается в перемещении продуктов.

Общее возрастание производства являлось необходимым результатом тех сил развития, которые действуют в ремесленно-городском обществе.

Особенно сильный прогресс «перевозочно-торгового производства» определялся тем фактом, что с возрастанием всего производства и расширяющимся разделением труда приходилось перемещать не только большие массы продуктов, но, в общем, и на большие расстояния, чем прежде.

Расширяющееся производство не ограничивается ближайшими рынками и шаг за шагом вступает в связь с рынками более отдаленными. На отдаленные рынки приходится перевозить все большую долю продуктов. Как отыскание таких рынков, так и поддержание сношений с ними становится технически все более трудным делом. Вместе с тем перемещение продуктов из мастерской на рынок приобретает все большее значение в общей системе производства. Соответственно этому совершаются изменения в общественной роли различных групп общества.»

Финальная стадия производства обособляется от непосредственно ремесленника и передаётся в руки посредника-купца. Возникала материальная зависимость ремесленника от купца. Постепенно купец приобретает функции и кредитора производства. Создаётся фактическая организация производства купцом, возникает торгово-капиталистическая стадия экономической общественной формации. Иго торгового капитала начинает давлеть над цехами. Производитель вынужден перейти к усиленной эксплуатации своей семьи и подмастерьев. Между мастерами и подмастерьями растёт неравенство и возникает классовая борьба. Не смотря на сопротивление подмастерьев, объединённых в братства взаимопомощи, борьба ими была проиграна, так как они могли вести борьбу только против мастеров, а поколебать власть торгового капитала они не могли.

Вместе с подмастерьями бунтуют и крестьяне, также попавшие под иго капитала. Возникают ереси и крестьянские восстания, впрочем, также подавленные.

Рост торгового капитала и разложение цехов открывает просторы для развития промышленного капитализма.

«Промышленный капитализм есть организация крупного производства, основанная на наемном труде. Следовательно, для него необходимо наличие двух предварительных условий:

1) капиталов достаточной величины;

2) рабочих, свободных от личной зависимости, т.е. имеющих возможность продавать свою рабочую силу, и в то же время вынужденных продавать ее.

Если у свободного производителя имеются средства производства, как это было у городского ремесленника цехового периода, то он и работает сам на себя, продает свой продукт, а не рабочую силу. Продавать ее он вынужден тогда, когда у него нет средств производства, когда он отделен от них. И конечно, он будет продавать ее тому, кто может предоставить ему эти средства производства — капиталисту.

Капиталист же, чтобы организовать на таком найме рабочих производство в крупном масштабе, должен иметь у себя в достаточном количестве эти средства производства, или, что в меновом обществе равносильно тому же, деньги на их покупку: он должен обладать так или иначе накопленным капиталом.

Процесс, посредством которого создавались эти условия, известен под названием первоначального накопления. Он осуществлялся в ряду веков до начала промышленного капитализма самыми разнообразными методами, мирными и насильственными». Варварское ограбление народов Америки и других «новых земель», «огораживание крестьян» и, наконец, разорение ремесленников делает возможным не только накопление капитала, но и открывает возможность эксплуатации наёмной рабочей силы, формирующейся из бывших крестьян и ремесленников.

Поступательное развитие мелкого производства закончилось, каждое производство разделилось на ряд мелких ремесел, оставаясь в рамках мелких предприятий, прогресс производства не мог идти дальше. Организованные капиталистом ремесленники объединяются в рамках одной мануфактуры.

Из стремления к постоянному росту прибыли вытекает необходимость развития производительности труда, возникают машины, и мануфактуры сменяются фабриками. Так формируется «классический» капитализм, система, где рабочая сила является товаром. Прибыль же возникает из того, что пролетарий продаёт лишь стоимость своей рабочей силы, но не стоимость произведённого им труда, которая превышает из-за эксплуатации стоимость непосредственно его рабочей силы. Стоимость же рабочей силы определяется средствами, необходимыми для поддержания возможности труда.

«В натурально-хозяйственных системах процесс производства ведется по определенному, наперед намеченному плану... Движущей силой такого хозяйства является стремление к наиболее полному удовлетворению потребностей его членов. Последнее и служит исходной точкой для распределения производительных сил... Ясно, что никакого «перепроизводства» здесь быть не может. Производство из году в год протекает вполне регулярно, без всяких потрясений, и лишь стихийные бедствия, вроде неурожая, пожара или эпидемии, могут нарушить его нормальный ход, его движение по раз навсегда проторенной тропе.

Иную картину представляет меновое и, в особенности, капиталистическое хозяйство. Слагаясь из массы формально независимых друг от друга отдельных предприятий, оно имеет неорганизованный, анархичный характер. Ни один капиталист не знает, сколько товаров того или другого рода будет куплено, как велик будет спрос на них. Тут нет органа, который указывал бы каждому

отдельному предприятию, сколько оно должно произвести за данный период, и нет органа, который распределял бы произведенные продукты между потребителями. Напротив того, каждый предприниматель действует за свой страх и риск, и стремления его всецело сводятся к расширению производства с целью увеличения количества извлекаемой им прибыли.

Единственным регулятором капиталистического производства, взятого в целом, является движение товарных цен.

Итак, регулирующий орган натурально-хозяйственной системы и сознательная воля коллектива заменены здесь властью рынка, силами, стоящими над человеком и независимыми от его воли. Рынок — вот место, где находят себе сбыт произведенные товары, где предприниматель может превратить произведенные стоимости во всеобщую денежную форму, и где он может найти то или иное применение для полученной в его предприятии прибыли. Рынок— вот та слепая сила, которая руководит всеми действиями капиталистического предпринимателя», - пишет Богданов («Краткий курс экономической науки» эл.вариант).

При машинном капитализме возрастает роль кредита, игравшего подчинённую роль, как дополнение к денежному обращению. Так как денежная масса в каждый данный момент времени в руках у капиталиста ограниченна, то он прибегает к помощи финансовых институтов, которые, всё более развиваясь подчиняют себе сам процесс производства. Открывается господствующая по сей день эпоха финансового капитализма.

Здесь мы вынуждены прервать историю экономической формации, как выходящую за рамки исследования. Отметим лишь самый важный для нас факт.

Капитализм, как предположительно, высшая ступень экономической формации, имеет одно ключевое противоречие, которое не может быть разрешено в рамках самого капитализма. Капитализм с одной стороны является системой, основанной на авторитарном управлении (в рамках капиталистического предприятия и в рамках подчинения пролетариата капиталу в целом), а с другой стороны на индивидуальном (конкуренция между производителями, хаос рынка).

Основа сил связи капитализма — это единство его производственной системы, направленной в конечном счёте на создание предметов потребления. С другой стороны, основу расхождения образует разрозненность частей системы капитализма, их борьба и конкуренция.

Маркс называл основным противоречием капитализма *«общественный характер производства при частном характере присвоения»*; более правильным будет сказать, что основное противоречие заключается в коллективном характере производства при индивидуальном способе управления [его отдельными подразделениями].

X

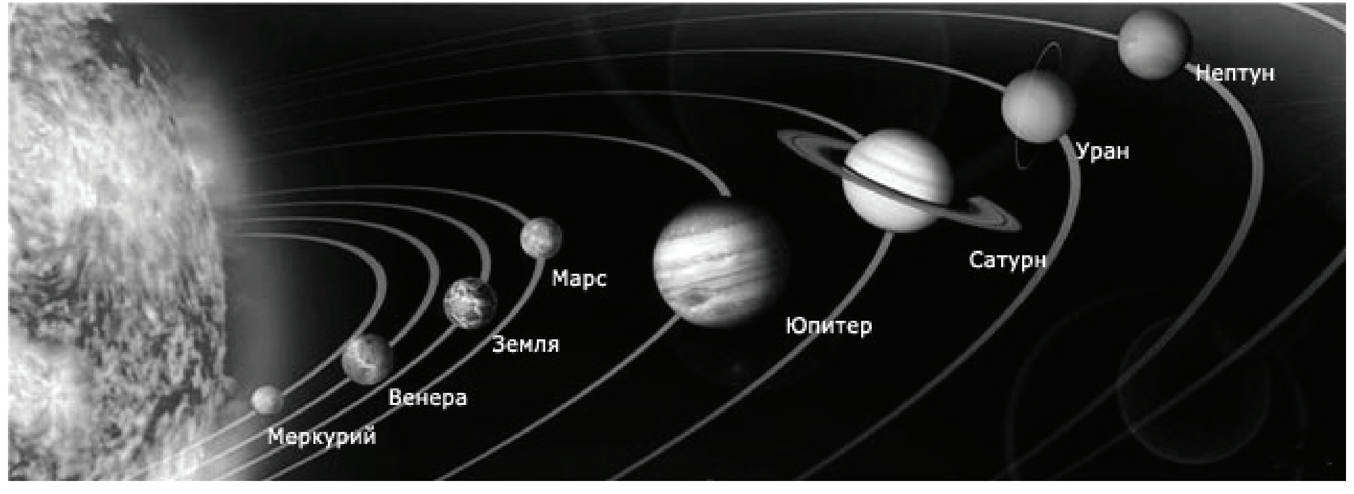
Если рассматривать экономическую формацию в целом, то она может быть разделена на две подсистемы относительно её системы управления: совокупность классов управленцев\паразитов и совокупность трудовых\ эксплуатируемых классов.

Трудовые классы, будь то общинное крестьянство, римский пролетариат, самозанятые ремесленники (неверно называемые «мелкой буржуазией») и современный пролетариат всегда имели контрагента в виде класса, организующего их производственную активность и изымавшего их производственные излишки.

Однако, отношения между этими классами всегда были различны, и каждая такая «пара» имела собственную динамику. Более того, применительно к обществу в целом и отдельным его подсистемам относительно времени (то есть исторических эпох), или пространства(то есть разных социально-исторических подсистем - «стран») никогда не существовало двух «чистых» классов. Всегда существовали переходные типы между классами. Всегда количество классов превышало число двух, так одновременно существовали в России зависимые крестьяне и помещики, рабочие и фабриканты.

Отношения между классом-исполнителем и классом-управленцем описываются формой **эгрессии.** Это понятие для нас очень важно, поэтому нам придётся привести обильную цитату, описывающую её сущность.

«Пусть имеется организованная система, состоящая из нескольких комплексов A, B, C, D... Это может быть Солнце с его планетами и их спутниками, группа людей, сочетание понятий, образующее какую-нибудь классификацию, и т. п. Система изменяется,

сохраняя свою связь, развивается в ту или другую сторону путем взаимодействия со средой благоприятной или неблагоприятной, т. е. при условиях подбора положительного или отрицательного. Ее комплексы изменяются во взаимной зависимости, поскольку они остаются частями одного целого. Но степень этой взаимной зависимости, сила влияния одного комплекса на другой, бывает различна, и притом неравномерна: со стороны, например, комплекса А на В влияние больше, чем обратно. Так, движение той или иной планеты в большей мере определяется Солнцем, чем его движение этой планетой;один член группы другому подчиняется или хотя бы чаще ему подражает и следует за ним, чем обратно, и т. д... Связь такого рода и называется «эгрессией», т. е. по буквальному смыслу латинского слова «выхождение из ряда». Тот комплекс, который имеет преобладающее влияние на другие, как Солнце в планетной системе, руководитель в группе людей, обобщающее понятие среди более частных, является как бы выходящим из ряда; его отличие от других есть «эгрессивная разность», а он сам по отношению к ним — «эгрессивный центр»... эгрессия концентрирует определенные активности»

Эгрессивная разница для разных пар классов всегда была различна. К примеру, феодал, организуя координацию между отдельными хозяйствами крестьян и ремесленников, во многом не вмешивался в процесс непосредственного труда, оставляя производство в коллективном управлении крестьянской общины. Наоборот, современный же менеджер-капиталист часто не оставляет в руках рабочих хоть какой-то управленческой функции.

Динамика классового воспроизводства определяется, таким образом, отношением двух классов к процессу труда. Чем больше класс участвует деятельно в производстве, тем сильнее его позиция как самостоятельного эгрессивного центра. Первоначальная эгрессивная разность возникла с выделением в первобытной общине патриарха. С тех пор класс, который был главным эгрессивным центром общества, много раз менялся. Феодалы вырождались в паразитов, но эгрессивная разница в обществе не была уничтожена, один эгрессивный центр был заменён другим — феодалов сменила буржуазия. Мощь сопротивления каждого угнетённого класса определялась его самостоятельностью в процессе труда, для одних классов и для разных периодов их развития эта самостоятельность была различна. Русский крестьянин времен Степана Разина был самостоятельнее, чем крестьянин эпохи Пугачёва; русский рабочий времен Октября был более самостоятелен, чем рабочий сталинского времени. Всё это отразилось на силе и характере сопротивления трудового класса в классовой борьбе.

«Две главные группы социальных активностей это, с одной стороны, те, которые направляются на производство, с другой — те, которые относятся к потреблению. При развивающейся эксплуатации среда разных частей системы изменяется неравномерно по отношению к этим двум группам. Для эксплуатирующей личности, группы, класса чем дальше идет эксплуатация, тем шире возможность потребления; и в этом смысле их эгрессивная разность с эксплуатируемыми личностями, группами, классами, очевидно, не перестает возрастать, пока сохраняется основное строение системы. Так это и бывает; например, у феодалов за все время их господства прогресс их потребностей, умения разнообразно и утонченно пользоваться прибавочным продуктом до самого конца не останавливался; то же наблюдается и для буржуазии в последующем периоде. Но иначе было с производственными активностями. Лишь вначале, при незначительном жизненном обособлении господствующих и подчиненных элементов социальной организации, первые могут прогрессировать и в производственно-трудовом направлении, потому что остаются еще в прямой, тесной связи с производством: отчасти и сами работают, руководя подчиненными при помощи живого примера, отчасти вмешиваются в работу тех, контролируя и регулируя весь ее конкретный ход, определяя его и переживая его, если не прямо, то косвенно. В дальнейшем, все более возвышаясь над эксплуатируемыми, они все дальше отходят от непосредственно-трудового процесса, ограничиваются лишь все более общим руководством и надзором; материалы, орудия, т. е. реальные условия производства, перестают быть их ближайшей средой; иметь дело со всем этим они предоставляют подвластным — крестьянам, крепостным, рабам, рабочим; и, таким образом, для эксплуататоров мало-помалу исчезают основные предпосылки развития производственных активностей; в этом смысле среда становится для них все более неблагоприятной, и с течением времени начинается регресс, упадок. Исторически обычно получалось, наконец, превращение в эксплуататоров и паразитов, т. е. полное отмирание их социально-трудовой функции, потеря всей суммы производственных активностей.

Для «комплексов периферии», т. е. в данном случае эксплуатируемых, подвластных, условия среды как будто являлись благоприятными в смысле трудового прогресса: живое взаимодействие с объектом труда, физической природой, с материалами и орудиями производства. Но это только одна сторона их «среды». Другая ее сторона — это «центральные комплексы», т. е. в нашем примере эксплуататорские элементы. **Если они усиливают эксплуатацию больше и больше**, *отнимают у подвластных возрастающую сумму их жизненной энергии в виде продуктов и иными путями (например, жестоким обращением), то все, приобретаемое трудовыми классами, с одной стороны, теряется, и еще с убытком,— с другой. Они оказываются под непрерывным действием отрицательного подбора, которое рано или поздно, накопляясь, достигает разрушительных размеров:* **они вырождаются через истощение.** *Так было в рабовладельческом античном мире: господа обессилели от безделья и роскоши, рабы — от непосильного труда и тяжелой обстановки: в результате получилось общее крушение системы.*

Однако возможно и иное. Бывало так, что сила эксплуатации росла не так быстро, как совершалось трудовое развитие эксплуатируемых, тогда среда в целом была для них благоприятна, их социальная энергия увеличивалась. А это значит — увеличивалось сопротивление всяким вообще вредным воздействиям, в том числе и усилению эксплуатации, так что она дальше и не могла

расти с гибельной скоростью. Вырождение господствующих в сторону паразитизма шло рядом с трудовым прогрессом подвластных, и прежняя эгрессия подрывалась шаг за шагом уже в совершенно ином направлении. Тогда возможен и иной результат: крушение в конце концов не всей социальной организации, а только прежних ее «центральных комплексов», господствующих групп или классов»

Революционные социалисты старых времён, Маркс и Богданов считали промышленный пролетариат тем трудовым классом, который сможет преодолеть границы между классами, уничтожить эгрессивную разность в процессе труда и, следовательно, уничтожить сами классы.

«Пролетариат есть класс трудовой, непосредственно производительный. В его работе ему противостоят сопротивления внешней природы, которые он своими усилиями постоянно преодолевает. Сознавать себя как особый класс, он начинает в эпоху машинного производства, которое объединяет усилия людей в широко-коллективном масштабе и побеждает грандиознейшее сопротивление стихийных сил. Отсюда активное отношение к миру, отсюда лозунг «изменять мир». Логика такого мышления по существу не может быть иной, как практической; она и есть выражение тех самых способов, которыми современное производство «изменяет мир», - отмечает Богданов.

Богданов полагал, что развитие средств производства, автоматизация машинного производства будет всё дальше развивать самостоятельность пролетариата на фоне вырождения буржуазии, и что он, в конечном счёте, свергнет её власть. На сколько это было и есть верно мы рассмотрим в дальнейшем.

XI

Покуда существует классовое общество, до тех пор существует и классовая борьба. Классовая борьба трудовых классов против классов эксплуататорских всегда принимала две формы: борьбу, не выходящую за пределы логики экономической формации, и борьбу, разрушающую логику классового общества и утверждающую логику общества бесклассового (антисистемная борьба). Борьба за бесклассовое общество в истории экономической формации принимала разные формы: ересей, утопического социализма, анархизма и.т.д. Такую борьбу в целом принято называть коммунизмом как движением, а само бесклассовое общество — коммунизмом как постэкономической формацией.

Чем больше трудовая самостоятельность трудового класса, тем больше в его борьбе элементов коммунизма, чем она слабее тем больше классовая борьба направлена на несбыточные попытки реформирования классового общества. Для примера, слабость крестьянства как эгрессивного центра проявлялась в борьбе и [следовательно] идеях о том, что «бар заставить работать, а самим жить как баренья вместо них»; сила крестьянства проявлялась в стремлении к установлению крестьянской общины, где царит равенство членов. Слабость пролетариата проявляется в его поддержке профсоюзов, в его вере в «правильного Путина»; сила его проявляется в самоорганизованной борьбе за власть общих собраний (к сожалению, случай редкий по нашим временам). В общем, чем более развита трудовая активность угнетённого класса, тем сильнее его коммунистическая борьба, а не реформистская.

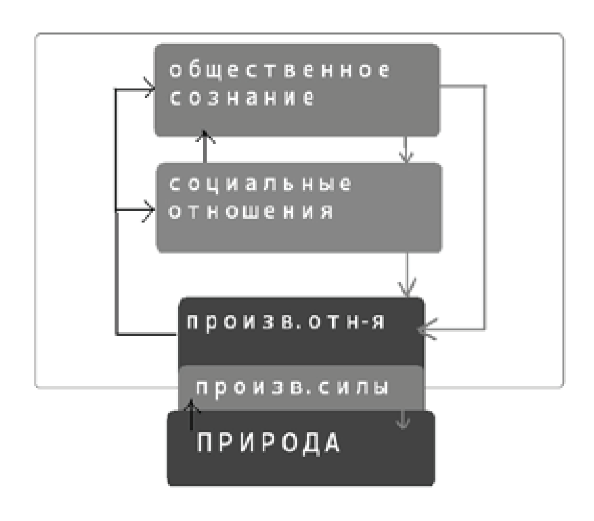
Сама классовая борьба является неизбежным проявлением системного расхождения в обществе, его делении на классы в данном случае. Только реформистская борьба стремится это расхождение снизить, а коммунистическая — уничтожить. Конечно, в истории никогда не было чистой коммунистической революционной борьбы, всегда она была ограничена рамками своего времени. Коммунистический проект каждой эпохи сдерживался рамками объективной возможности уничтожения разделения труда на организаторский и исполнительский. Коммунистический проект был ответом на противоречия классового общества, но сам всегда нёс и несёт элементы присущие тому обществу, против которого он борется. Формальное равенство, к которому стремился утопический социализм, не могло быть панацеей от разделения труда и реализуйся он на практике, классовое общество возникло бы снова. Идеи Жана Мелье несмотря на всю свою революционность для его эпохи заключали в себе авторитарные элементы в виде «старейшин», или взять идеи Бакунина о заговорщической организации — они также являются контрреволюционным элементов в его учении. Марксисты слишком идеализировали централизм промышленного капитализма, видели в нём предпосылку социализма и.т.д.

С другой стороны, коммунистический проект сам по себе как элемент идеологической подсистемы общества не может быть реализован без действительного классового движения. Не спущенная с небес идея порождала великие классовые выступления против эксплуататоров, но трудовая координация угнетенных, их навыки коллективного управления, которые сталкивались с авторитарными и индивидуалистическими отношениями экономической формации, порождали идею коммунизма.

Чем меньше коллективное управление развито в трудовом классе, тем меньше его элементов, то есть людей, восприимчивых к коммунистической идее. Но об этом чуть позже.

Для начала нам нужно обрисовать кратко черты коммунизма, как системы, приходящей на смену экономической формации. Если коммунизм как движение исходит из стремления к преодолению разделения труда, то сам он как формация является системой, где отношения коллективного управления доминируют, а отношения авторитарные и индивидуалистические сведены к оптимальному минимуму, или в «идеальном» виде вообще отсутствуют.

Если доминирующей сферой экономической формации являются производственные отношения, которые подчиняют себе людей в независимости от их воли, то коллективное управление обществом, самоорганизованное человеческое единство неизбежно уничтожает такое положение вещей, делая человеческое сознание, а не стихийный технологический прогресс, главным источником изменений в системе общества.

Победившая социальная революция будет первым сознательным действием человечества как целого. А коммунизм станет эрой сознательного и планомерного развития, основанного на товарищеских отношениях людей, которые станут сами хозяевами своей судьбы. Их желания и стремления, их научный расчёт и их творческое рвение станут определять структуру общества и производства. Человечество станет гармонично развивать свои отношения с природой, изменяя свои производительные силы так, чтобы не навредить себе и ей.

XII

Но возможен ли вообще коммунизм? Не произойдёт ли «общее крушение системы», когда буржуазия выродится в зажравшихся паразитов, а пролетарии — в абсолютно безвольных рабов?

Большинство так называемых «левых» недоумевает и строит идеалистические конструкции, пытаясь объяснить, как так... с 1917 года прошло уже сто лет, а революции всё ещё не наступило. Разве не должна была мощь пролетариата расти?

На самом деле, 1917 год в России, 1919 в Германии, 1936 в Испании и т. д. были выступлениями раннего молодого пролетариата, который ещё сохранял:

1) навыки и идеологию сельского коллективизма (при всех его недостатках);

2) не был подчинён полностью системе тупого конвейерного производства.

В реальности, а не мечтах леваков пролетариат как эгрессивный центр всё ослабевал, будучи теперь конструкцией, созданной в интересах капитала. Об этом хорошо написано в работе Марлена Инсарова «О причинах пассивности пролетариата».

Вот, что по этому вопросу пишет американский экономист Фред Блок: «*Квалифицированные ремесленные рабочие, такие, как лионские текстильщики или шеффилдские ножовщики, в доиндустриальный период обладали реальной возможностью контролировать производство, поскольку они обладали уникальными техническими знаниями, и их нельзя было заменить. Среди них господствовали отношения солидарности. Им приходилось сталкиваться с безработицей, когда в экономике наступал спад, но даже тогда они не соглашались на какую попало работу, зная, что с окончанием кризиса их квалификация и знания будут опять востребованы и достойно оплачены. Уровень профессионализма защищал их от рыночного принуждения*». [19]

Возьмём простой пример. Сто лет назад, рабочие хоть и работали по 12 часов, но часто жили в местах, в бараках, прямо на заводе, общались между собой, помнили как они раньше жили на селе и не считали заводской порядок вечным. Коллективизм среди них был более развит.

И возьмём сегодняшнего рабочего или «офисного клерка». Поколениями отцов, школой он уже выучен что система наёмного труда вечна, что каждый сам за себя. Он воспринимает работу как проклятие, необходимое для жизни и досуга, а жизнь и досуг воспринимает как средство восстановиться силами для работы. Он часто не знает не только соседей по лестничной клетке, но и многих своих сослуживцев. Связь с семьей, как правило потеряна, друзей, на которых можно положиться, практически нет, женщина\мужчина воспринимается скорее как сексуальный объект, а не как «родственная душа». Современный пролетарий находится в аду иррациональности капиталистических отношений. И он не знает ни из своей каждодневной практики, ни из сказаний отцов о том, что другой мир возможен.

Когда леваки приходят «агитировать», таких же, кстати, как они пролетариев, они, как правило, не понимают, что идея коммунизма для современного пролетария - это нечто вроде идеи о Царстве Бога на Земле, о Страшном суде. То есть то, что представить себе абсолютно невозможно. Рассказывать пролетарию о коммунизме, это то же самое, что рассказывать ему о библейском апокалипсисе. О том и

о другом можно прочитать, у Маркса и в Библии. Но оба эти текста находятся вне контекста его жизни.

Бунты в странах Северной Африки показывают, что несмотря на самоорганизованные агрессивные выступления трудящихся против власти государства-капитала, они не могут идти дальше определённой границы. Границы, где у пролетариев заканчивается воображение, ограниченное самим капиталистическим способом производства и воспроизводства человеческой жизни...

Студенты 68-ого года думали как раз, что коммунизм наступит, если отдать «всю власть воображению», но без рабочих, скованных профсоюзами и конвейером, они смогли лишь сотрясти воздух, вместо того, чтобы захватывать реальную политическую и экономическую власть и переустраивать общество. Они не знали, как это делать, но знали красивые фразы, отрицание капитализма уже было готово, но не было программы его позитивного преодоления, более того не было этой программы ни в головах теоретиков, ни тем более в массах. Без спайки трудового процесса и идеала, вызванного к жизни в мозгах самим этим трудовым процессом, коммунизм невозможен.

Исходя из этого, кажется, что человечество обречено на вырождение. К новому Средневековью, новому феодализму или варварству, а может быть ядерным войнам, которые вообще сотрут с лица земли человека и любое упоминание о нём.

Однако, как мы уже указали выше, трудовая самостоятельность класса зависит от производительных сил, производственных отношений, которые формируются, если утрировать, техникой (климатом и т.п.) и людьми.

Возможно, что в будущем нас ждёт коренное изменение в производительных силах, а следовательно и коренное изменение в классовых отношениях.

Относительно будущего можно выделить три основных варианта развития событий (хотя, это и тема отдельного большого исследования):

1) негативный (для нас) вариант — общий кризис* системы;

2) социальная революция;

3) длительное противостояние тенденций 1 и 2.

* - «*Кризис (греч. «krisis»— решение, поворотный пункт) означает смену организационной формы системы. Понятие кризиса относительно, в зависимости от поставленный задачи, можно, например, даже каждый удар сердца человека рассматривать как кризис системы «организм», однако, обычно как кризис для организма рассматривается только болезнь и смерть. Каждый кризис может решиться двумя путями: с упрощением системы или с её усложнением. Смерть человека – это простейший пример исхода кризиса в упрощение. Наша задача заключается в том, чтобы использовать кризис капитализма для перехода системы «общество» на новый уровень. Если же это не случится, то неизбежен негативный исход: откат общества к более ранним формам экономической общественной формации, или вообще его уничтожение вместе с капитализмом в результате войн и катастроф*», - уточняет Богданов.

XIII

Предпосылок для первого сценария предостаточно. В качестве «идеального варианта», как «идеального газа» в физике, возьмём современную Россию и представим себе планету, где и существует одна лишь великая и могучая Российская Федерация. Что мы здесь имеем?

Регресс производства, уничтожение технической базы общества, развал социальных связей, культ индивидуализма. Города превращаются в центры развлечений и сбыта товаров, сёла — в пустоши. Уровень образования перманентно падает. Несмотря на всю «вертикаль власти» функционирует фактический вассалитет местной и центральной власти. Губернаторы становятся князьками на своих территориях, а центр следит за уплатой дани.

Пролетариат раздавлен и разобщён как капитализмом, так и самим технологическим упадком.

Если тенденции, которые возобладали в России, победят во всём мире, то ему конец. Не смотря на многие «марксистские» мифы о вечной прогрессивности капитализма, никаких технологических открытий происходить не будет, а если и произойдут, то они не будут внедряться за невыгодностью их использования. Зачем использовать новую строительную технику, если можно использовать рабский труд таджиков? Зачем покупать новые комбайны, когда можно просто согнать сто крестьян из ближайших деревень?

Пока что кажется, будто миру в целом удастся избежать русского сценария. Но никто точно не знает, что будет в каком-нибудь 2042 году.

Второй вариант.

«Пределом для капитала является сам капитал», кажется, так писал Маркс. На данный момент всё ещё можно отмечать совокупный рост знаний человечества о мире, прогресс технологий, разработку альтернативных источников энергии. С одной стороны для капитала закрываются всё более осваиваемые и уже практически освоенные докапиталистические территории, с другой

стороны, появляются технологии не требующие разделения труда.

Паразитизм буржуазии наиболее очевиден в сфере «авторских прав». Несмотря на все попытки буржуазии, деятельность пиратов и создателей свободного программного обеспечения, по крайней мере технически не может быть остановлена. Вряд ли она будет остановлена и юридически.

Интеллектуальная собственность является сейчас по сути даже не капиталистическим способом производства прибавочного продукта, а особой формой ренты (см. Капитал том 3).

Наряду с неограниченным копированием «нематериальных» объектов, растёт возможность копирования материальных объектов при минимальных затратах (3д-принтеры). Некоторые даже возлагают надежды на нано технологии. Разрабатываются новые источники энергии...

Если стоимость продуктов будет стремиться к нулю, а их создание будет возможно некоммерческими коллективами, объединёнными по любому признаку, в том числе и через Интернет, тогда логически встаёт вопрос, а зачем вообще нужен капитализм? Он менее эффективен, чем то что люди делают в рамках неотчуждённого труда.

С другой стороны, капитализм может как тормозить развитие подобных во всех смыслах революционных технологий, так и непосредственно репрессировать те трудовые слои, которые наиболее активно участвуют в новых отношениях, порождённых новыми технологиями.

Здесь, кстати, встаёт интересный вопрос о революционном субъекте.

XIV

Теперь только слепым догматиком не очевидно, что марксов пролетариат не был революционным классом. Заметьте, мы здесь говорим не о эксплуатируемых вообще. А именно о марксовом пролетариате, в узком смысле — фабричном рабочем, в широком — производителе прибавочной стоимости. **Капитализм организует пролетариат капиталистически** при помощи заводов, банков и загонов для офисного планктона, сводя на нет всю его революционную субъектность.

Пролетариат Богданова, возможно, более реален как революционный субъект, но, во-первых, можно сказать, крайне малочисленен, во-вторых, всё так же не проявляет существенные признаков революционности выше среднего.

Да, сотрудники научных или полностью автоматизированных предприятий лучше разбираются в процессе труда, но:

1) автоматизация на их месте производства включена в общий капиталистический иерархический механизм;

2) сознание пролетария, и здесь нет ничего идеалистического, формируется не только на рабочем месте, но и в общении с другими товарищами по классу, который лишены благ автоматизированного производства.

Автоматизация одного рабочего места не приводит к изменению жизни пролетария в целом. То же самое касается работников ИТ-сферы и других пролетариев «хайтека».

Тем не менее, если прогресс и внедрение технологий будет происходить, то будут появляться как пролетарии, занятые на новых производствах, так и, возможно, люди, полностью функционирующих по законам киберкоммунизма opensource и freesoft(hard, etc). К классическому пролетариату этот слой людей уже нельзя будет отнести. Определённые зачатки такого протокласса уже можно найти сейчас... («Социализм как...» (http://revs-oc.org/archives/2309).

Однако, если рассматривать пролетариат как весь массив угнетенных, то этот новый слой или класс **возможно** будет лишь авангардом всего пролетарского движения от крестьян и дворников до программистов и инженеров.

В случае, если новая техника, новые отношения и новый трудовой класс будет всё более набирать силу, неизбежно его резкое столкновение с заинтересованной в старых порядках буржуазией. Неизбежна и социальная революция.

Следует сделать ремарку о революционном субъекте. При тотальном и глобальном характере современного капитализма глупо отрицать, что эксплуатации в той или иной форме подвергаются разные представители трудовых классов, пролетариат в узком смысле этого слова — лишь один из этих классов, хоть и на данный момент самый распространённый. Но без объединения пролетариата в одно целое, без его единения с другими классами (безработными, крестьянами, самозанятыми рабочими и.т.п.), успешная социальная революция невозможна.

Вообще, сама по себе, классическая левацкая формула «пролетариат — это революционный класс, революционный субъект» не верна. Пролетариат может десятилетиями находится в пассивном состоянии, он не содержит никакой априорной (заранее очевидной) имманентно (постоянно) ему присущей революционной субъектности.

Революционный субъект — это сплав всех трудовых классов и пролетариата в первую очередь, который начал, собственно, революционный процесс.

На самом деле, гегелевская формула «класса в себе» и «класса для себя» ничуть не лучше объясняет реальность, чем простое высказывание о том, что трудящиеся, будучи объектом управления, при определенных условиях смогут стать СУБЪЕКТОМ изменения отношений управления.

Возможен и третий вариант.

Когда тенденции 1) и 2) будут бороться друг с другом, к примеру... до конца века. Это можно было бы назвать перманентной революцией, которая, начавшись при не до конца развитых технических условиях и без определённой классовой стратегии, через борьбу, через войны и череду полусоциальных-полубуржуазных революций, закончится по мере того, как в недрах класса будет вызревать видение коммунизма, основанное на будущих технологических достижениях.

Впрочем, покончим пока с нашей вульгарной футурологией.

XV

Сейчас, в эпоху упадка капитализма в связи с распространением реакционной философии постмодернизма вошла в моду и своего рода постмодернистская историософия. Впрочем, она является лишь повторением старых идеалистических воззрений, отрицающих возможность наблюдения в истории определённых законов развития и сводящих всё к деятельности отдельных лиц, которые своей единоличной волей могут поменять ход истории.

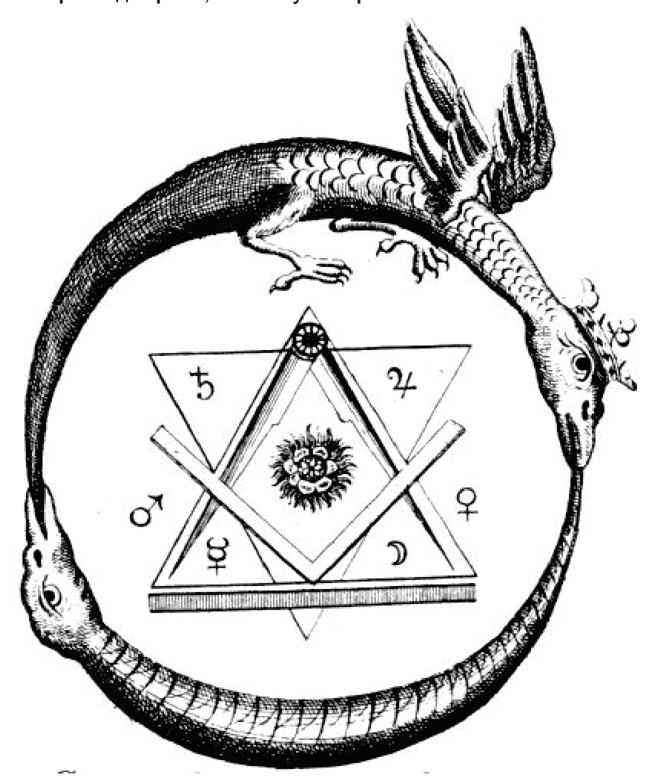
«Может быть, следует и историю рассматривать как хаотическое образование, где ускорение кладёт конец линейности, и где турбулентные потоки вызванные ускорением, окончательно отдаляют историю от её конца точно так же, как они отдаляют следствия от их причин», - писал Бодрийар (1992).

Относительно этого высказывания два физика, Жан Брикмон и Ален Сокал, в своей книге «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» [20], на которую мы ещё будем ссылаться, иронизируют : *«Во-первых, теория хаоса ни коим образом не разрушает отношение между следствием и причиной. Нас охватывают серьезные сомнения в том, что, действие, произведенное в настоящем может затрагивать, даже в межличностных отношениях, прошедшее событие!»*. Разбирая тексты постмодерниста, они приходят к следующему выводу: *«Как заметили Гросс и Левитт (1994, с. 80), «это столь же напыщенно, сколь и бессмысленно» ...в работах Бодрийара содержится большое число научных терминов, которые использованы без должного внимания к их значениям и помещены в явно не подходящий им контекст. Воспринимаются ли они как метафоры, или нет, они могут лишь создать видимость глубины банальным рассуждениям о социологии и истории. Кроме того, научная терминология смешивается со столь же легко используемой ненаучной терминологией. В конечном счете, возникает вопрос, что останется от мысли Бодрийара, если стереть весь покрывающий ее словесный глянец»*.

Тем не менее, такие модные взгляды дошли и до российской исторической школы.

Анатолий Божич в своей работе «Большевизм. Шахматная партия с историей [21]» пишет: *«Сам исторический процесс по-прежнему понимается большинством историков как линейное развитие»*. О ужас! Даёшь «конец линейности» по Бодрийару.

Посмотрим, что на это скажут, люди сведущие в категориях линейности и нелинейности, это хоть и очень занудно, но необходимо для понимания проблемы, о которой идёт речь, поэтому потерпите:

«Перейдем к заблуждениям, связанным с употреблением слова «линейный». Прежде всего надо подчеркнуть, что в математике существует два значения слова «линейный», которые не надо путать. С одной стороны, говорят о линейной функции (или уравнении): например, функции f(x)=2x и f(x)= -17x являются линейными, а f(x)=x2 и f(x)=sin x не являются линейными. В терминах математического моделирования, линейное уравнение описывает (немного упрощая) положение, где «следствие прямо пропорционально причине». С другой стороны, говорят о линейной порядке: это означает, что множество задается таким образом, что для каждой пары элементов a и b, верно или a или a=b, или a>b. Таким образом, существует естественный линейный порядок натуральных чисел, в то время как его не существует у комплексных чисел. Но постмодернистские авторы (прежде всего англо-саксонские) добавили третье значение слова - оно связано со вторым, но они сами путают его с первым - линейное мышление. Мы не найдем точного определения, но в целом смысл ясен: речь идет о логичном и рациональном мышлении Просвещения и так называемой «классической» науки (обвиненном часто в крайнем редукционизме и нумеризации). Этому устаревшему способу мышления противопоставляется «нелинейное мышление» постмодерна. Его точное содержание тоже нигде ясно не объясняется, но речь идет, в противоположность рассудку, о мышлении, основывающемся на интуиции и субъективном восприятии. Многие авторы, не будучи учеными, считают, что так называемая «наука постмодерна» - и в особенности теория хаоса - обосновывает и подкрепляет это новое

«нелинейное мышление». На самом деле речь идет лишь о путанице между тремя значениями слова «линейный».

Из-за этих злоупотреблений мы часто встречаем у постмодернистских авторов ссылку на теорию хаоса как на революционную составляющую против ньютоновской механики - обозначенной как «линейная» - или на квантовую механику как на пример нелинейной теории. На самом деле так называемое ньютоновское «линейное мышление» замечательно использует нелинейные уравнения; а также многие примеры из теории хаоса взяты из ньютоновской механики, и изучение хаоса представляет собой своеобразное возрождение ньютоновской механики как предмета научного исследования. А фундаментальное уравнение квантовой механики Шредингера - пример линейного уравнения; и квантовая механика, которая часто приводится в качестве примера «науки постмодерна» , на самом деле является единственным известным (по крайней мере, из известных нам) примером не просто линейного приближения к более фундаментальной нелинейной теории, а последовательно линейной теорией.

Однако, чаще всего речь идет о неверном понимании связи между линейностью, хаосом и существованием определенного решения уравнения. Нелинейные уравнения, как правило, труднее для разрешения, чем линейные, но это не всегда: существуют очень трудные проблемы решения линейных уравнений так же, как очень простые решения для нелинейных. Например, уравнения Ньютона для решения проблемы Кеплера с двумя небесными телами (Солнцем и одной планетой) - нелинейные, однако решаются однозначным образом. Однако, чтобы говорить о хаосе, необходимо, чтобы уравнение было нелинейным и (мы немного упрощаем) имелось бы не единственное решение, но эти два условия не являются достаточными - ни по отдельности, ни вместе - для того, чтобы говорить о хаосе. То есть, в противоположность распространенному мнению, нелинейная система не обязательно является хаотичной. [20]»

В общем, так как гуманитарии под линейностью обычно понимают геометрическую прямую линию, то часто говорят всякую чушь о «конце линейности», которая здесь в общем-то не при чём.

Ещё один пример на этот раз от анархистов-краймсинкеров: «*Политики мира едва ли предвидели, что убийство принца Фердинанда в каком-то закоулке Австро-Венгерской империи приведёт к развалу трёх самых обширных империй меньше, чем за одно десятилетие. Очевидно, что политические разногласия тех дней существовали независимо от мёртвого герцога, но покушениена него подожгло фитиль, который вызвал взрыв, разрушивший политические и экономические реальности империй. В той же самой манере, бабочка, взмахивающая крыльями в провинции Западной Вирджинии, обладает потенциалом вызвать ураган — или революцию — в Аргентине.*» «Анархия в эпоху динозавров».

Модные краймсинкеры [23] думают в соответствие со всеми заветами постмодернизма, что :

1) история «нелинейна», то есть имеет огромное количество путей развития, которые «случайно» избираются. Анархо-коммунизм был возможен всегда в независимости от объективных условий. И вообще объективные условия это чушь, всё решается субъективными действиями индивидов и бабочек;

2) Одно действие может изменить весь ход истории, оно не зависит от исторического контекста, взмах бабочки, убийство герцога — всё это поменяло ход истории. То есть если бы герцога не убили, то и войны бы не было. Многие из числа модных анархо-анархистов также полагают, что убей Гитлера — Второй Мировой не было бы.

Прежде чем критиковать методологический фундамент таких воззрений ознакомимся с реальной ситуацией вокруг начала Первой Мировой.

Вот что писал историк Покровский [24] о смерти Франца-Фердинанда:

«Смерть Франца-Фердинанда была чрезвычайно на руку тем, кто хотел войны, и поэтому сторонники того, что я называл «ритуальной легендой», т.е. той версии, что эту войну начали Германия и Австрия по взаимному сговору, стояли перед чрезвычайно трудной проблемой. Нужно было доказать, что Вильгельм убил своего личного друга (а Ф.Ф. Был личным другом Вильгельма) специально для того, чтобы найти какой-нибудь повод для войны. Это было чрезвычайно малоправдободобно. И вот недавние сербские разоблачения, идущие от полковника Димитриевича, тогдашнего начальника сербской разведки, пролили свет на это дело. Оказывается, что в том же самом мае месяце 1914 года, месяце гораздо более роковом, чем, нежели июль 1914 года, когда была объявлена война, в Белграде была получена депеша, адресованная русским генеральным штабом сербскому генеральному штабу, и гласившая, будто бы Вильгельм и Ф.Ф. на свидании в Конопиште решили в ближайшее время напасть на Сербию. Душой проекта является Ф.Ф. Его поездка в Боснию, якобы, на манёвры, есть не что иное, как подготовка к нападению на Сербию, и самые манёвры — только ширма для сосредоточения войска на сербской границе. Получив это известие, сербский генеральный штаб заметался. Что было делать? И вот там в числе других горячечных проектов рождается проект убить Ф.Ф. И таким образом сорвать готовящееся нападение, выиграть время, чтобы получить помощь от России. Нетрудно было найти среди сербских националистов энтузиастов-юношей, которые отправились в Сараево и убили ФФ. Затем дело покатилось как по рельсам. Собирался ли ФФ с Вильгельмом нападать на Сербию, неизвестно, но, во всяком случае, у русского генерального штаба в руках было то, что нужно, был факт, который должен был, как говорят французы, декланшировать войну, развязать войну. Ясно было, что такой плюхи, как убийство на австрийской территории сербами австрийского наследника престола, Австрия не перенесёт. Этого никакая держава в мире не перенесла бы. Австрия должна была, совершенно очевидно, выступить с ультиматумом Сербии. Дальше всё идёт, как по рельсам. Итак, мы теперь знаем, убийство ФФ было спровоцировано русским генеральным штабом».

Из сказанного, очевидно, что даже если бы покушение провалилось бы, то конфликтующие стороны нашли бы способ как объявить войну. Убийство ФФ не было произволом отдельной личности, а было лишь следствием

межимпериалистических противоречий. Об этом можно также подробно прочитать у того же Покровского, например.

Гуманитарии постмодернистской направленности (ибо нельзя быть постмодернистом-технарём, как ни крути) любят ссылаться на теорию хаоса и синергетику, как на оправдание собственных реакционных идеалистических взглядов. Неверно трактуя последние достижения науки, они пытаются протащить в социальную науку идею о том, что история не имеет законов и подчиняется лишь случайности, таким образом делая невозможным какой-либо анализ истории, а следовательно и настоящего - ради борьбы за будущее.

Во-первых, что такое хаос? *«Хаос — это нерегулярное движение, описываемое* **детерминистскими** *уравнениями»*,- отмечает Хакен. Оп. Неожиданное развитие событий для постмодернистов.

Во-вторых, постмодернисты пропагандируют идею т.н. «индетерминизма», связанную с «точками бифуркации».

«Точка бифуркации — критическое состояние системы, при котором система становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности», - пишет Wikipedia[25]

Якобы, что из точки бифуркации система может выйти абсолютно любой. Из феодализма может возникнуть сразу коммунизм, например. Из одного кинутого в ментовку коктейля Молотова может начаться революция и.т.п. Постмодернисты упускают из виду две вещи:

1) Система большую часть времени находится в состоянии равновесия, а точки бифуркации относительно всей жизни системы — это редкость. Как революция, например, в жизни общества.

2) Как пишет та же самая «Википедия» (мы её цитируем из-за понятного языка, а не из-за «авторитетности», которая уступает первоисточникам по данному вопросу, конечно»): *«Обычно точка бифуркации имеет* **несколько веточек аттрактора** *(устойчивых режимов работы), по одному из которых пойдёт система. Однако заранее невозможно предсказать, какой новый аттрактор займёт система»*.

Что это значит на практике? Возьмём опять же антифеодальные революции. С точки зрения современной науки, да, у них могло быть несколько исходов (аттракторов). Но история движется не случайно, а «притягивается» к определённым аттракторам. Общих для всех аттракторов в данном случае будет буржуазная система. Так что если бы мы «перезапустили» историю вновь, может быть не большевики возглавили бы Русскую революцию, а левые эсеры, но результат был бы тот же — капитализм в форме «государственного капитализма». Потому что выше головы (аттрактора) не прыгнешь.

И сколько бы самая гигантская бабочка не махала крыльями в точке бифуркации, коммунизм так и не наступил. А идеи о том, что точки бифуркации позволяли раньше открыть дорогу коммунизму, и похожи на идеи алхимиков о том, что, выпаривая мочу, можно получить золото.

Однако, стоит отметить те различия, которые существуют между, например, «классическим историческим материализмом» и современной системно-организационной парадигмой.

Во-первых, история — это «необратимый» процесс. Если мы «перезапустим» историю заново, даже Лапласовский демон не сможет предсказать во всех деталях, как пойдёт исторический процесс из-за точек бифуркации. То же самое можно сказать о многих химических процессах, которые, правда, проводятся в лабораториях или наблюдаются в природе.

Во-вторых, точка бифуркации «создаёт» несколько аттракторов, по которым пойдёт система. Здесь важно не забывать, что эти аттракторы зависят от свойств самой системы и определённый прогностический вывод (скажем так «...от и до...») относительно неё сделать можно. История это не просто хаос. Во всех смыслах.

В-третьих, старый исторический материализм был слишком склонен к телеологии*, эту склонность он унаследовал от Гегеля с его развитием «духа». Сегодня мы можем с уверенностью говорить, что никакой цели у истории самой по себе нет. Все цели - это лишь желания или прогноз людей.

*- *«Телеология (от греч. télos, родительный падеж téleos — результат, завершение, цель и... логия), идеалистическое учение о цели и целесообразности. В противовес детерминизму, а иногда в "дополнение" к нему, Т. постулирует особый вид причинности: целевой, отвечающей на вопрос — для чего, ради какой цели совершается тот или иной процесс. Этот принцип "конечных причин" ("causa finalis"), согласно которому идеально постулируемая цель, конечный результат, оказывает объективное воздействие на ход процесса»* (БСЭ)

Возвращаясь к вопросу о детерминизме...

Впрочем, многое для пропаганды индетерминизма сделал сам Пригожин [26]:

«Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности. Долгое время в западной науке доминировала механистическая картина мироздания. Ныне мы сознаем, что живем в плюралистическом мире. Существуют явления, которые представляются нам детерминированными и обратимыми. Таковы, например, движения маятника без трения или Земли вокруг Солнца. Но существуют также и необратимые процессы, которые как бы несут в себе стрелу времени. Например, если слить две такие жидкости, как спирт и вода, то из опыта известно, что со временем они перемешаются. Обратный процесс — спонтанное разделение смеси на чистую воду и чистый спирт — никогда не наблюдается. Следовательно, перемешивание спирта и воды — необратимый процесс. Вся химия, но существу, представляет собой нескончаемый перечень таких необратимых процессов.

Ясно, что, помимо детерминированных процессов, некоторые фундаментальные явления, такие, например, как биологическая эволюция или эволюция человеческих культур, должны содержать некий вероятностный элемент. Даже ученый, глубоко убежденный в правильности детерминистических описаний, вряд ли

осмелится утверждать, что в момент Большого взрыва, т. е. возникновения известной нам Вселенной, дата выхода в свет нашей книги была начертана на скрижалях законов природы. Классическая физика рассматривала фундаментальные процессы как детерминированные и обратимые. Процессы, связанные со случайностью или необратимостью, считались досадными исключениями из общего правила. Ныне мы видим, сколь важную роль играют повсюду необратимые процессы и флуктуации».

Пригожин, совершив своё открытие (параллельно с Хакеном), делал на нём слишком большой акцент. Впоследствии многие его идеи были переработаны философами в соответствии с их собственными представлениями, весьма далёкими от науки.

Вот что пишут Князева и Курдюмов в книге «Основания синергетики» [27]:*«Пригожин неоднократно подчёркивает, что режимы движения переключаются, пути эволюции реальных систем бифуркируют, многократно ветвятся, в моменты бифуркаций существенную роль играет случайность, и вследствие этого мир становится загадочным, непредсказуемым, неконтролируемым. В определённом смысле дело обстоит действительно так.... Хотя случайность, малые флуктуации могут сбить, отбросить с выбранного пути, приводят, вообще говоря, к сложным блужданиям по полю путей развития, но в некотором смысле — по крайней мере, на упрощённых математических моделях, - можно видеть всё поле возможных путей развития... Тогда становится ясным, что ветвящиеся дороги эволюции ограничены. Конечно, если работает случайность, то имеют место блуждания, но не какие угодно, а в рамках вполне определённого, ограниченного поля возможностей.*

Управление [системой] теряет характер слепого вмешательства методом проб и ошибок... Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерменизма — детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее. Это — детерминизм, который усиливает роль человека».

Если человечество хочет выжить, а не сгнить в варварском капитализме, то будет, действительно особенно важна роль Человека, то есть не одного человека (лаборанта-химика варящего хитрую смесь), а всего человечества, всех трудовых классов сплотившихся в революционный субъект.

Для этого, помимо прочего, следует отбросить реакционные попытки части «левых» и правых придать истории характер «беспорядка», в котором не класс, как целое, а отдельные личности или обстоятельства правят балом.

Как мы уже показали, выше головы («аттрактора»), обусловленного самой системой, не прыгнешь. Вода не превращается в вино, рабовладение в анархизм. Но нужно понимать законы истории, понимать, какие варианты она нам предоставляет сейчас и стремится сделать всё от нас зависящее, как от активной части системы, чтобы выиграло «желаемое будущее».

XVI

Недостатком классического исторического материализма также является то, что он не смог преодолеть панлогизма* «мировой схематики» Гегеля.

* «Панлогизм — метафизическая теория, согласно которой всё существующее представляет собой воплощение разума или логоса.[28]

Панлогизм как мировоззрение с особой последовательностью проведенное Гегелем, под действительностью понимает мир воплотившихся идей. Законы логики являются не только законами нашего мышления, но также основными законами действительности, в которой всё определяется логической необходимостью. В этом смысле онтология сближается с логикой».

Здесь для нас важно то, что «законы логики являются не только законами нашего мышления, но также основными законами действительности».

В то время как системно-организационный метод стоит на позициях социоморфизма познания, исходя из которых, закон - это лишь способ описания реальности, но не сама реальность, если утрировать. Об этом см. подробнее, например в «К теории познания исторического материализма» (http://revsoc.org/archives/1982).

«Мы рассматриваем действительность или мир опыта как человеческую коллективную практику во всём её живом содержании, во всей сумме усилий и сопротивлений, образующих это содержание. Задача познания состоит в том, чтобы целесообразно организовать опыт. Всякое организационное дело выполняется не иначе, как путём сочетания определённых элементов. Следовательно,

надо иметь перед собой элементы опыта; а они вовсе не «даны» нам готовыми — их надо выделить и обособить в непрерывном потоке опыта» ,- писал Богданов («Философия живого опыта»). И далее: *«Элемент опыта — продукт общественной работы, воплощённой в познании»*.

«Итак, социоморфизм есть необходимый и всеобщий закон организации опыта. Его можно формулировать следующим образом: мышление берёт свои формы, в конечном счёте, из социальной практики; или иначе: связь элементов опыта в познании своей основой имеет соотношения элементов общественной активности в трудовом процессе».

Подобные взгляды неоднократно критиковались, в том числе мастистыми философами, к сожалению, у нас здесь нет возможности разбирать сей сложный онтологический вопрос. Подчеркнём только, что вопреки критики многих из тех, кто не понял мысли Богданова, он не отрицал существование «объективной реальности», а наоборот боролся за более научное её понимание.

XVII

Как вы уже, наверное, поняли из нашего уже наскучившего рассказа, общество — это система, которая переживает периодически свои кризисы. Однако, «масштаб» кризиса можно рассматривать абсолютно по разному.

Так, всю экономическую формацию можно рассматривать как кризис, переходный период между первобытным коммунизмом и коммунизмом будущего. Более того, всю историю человечества можно рассматривать как кризис «материи», которая (при положительном для нас исходе событий) двигается от низших форм к высшим. От неорганических веществ к органическим, от бессознательных к сознательным, от бессознательного коллектива к коллективу сознательному, который будет сам управлять своей жизнью и «вести диалог с природой» на равных, ведь границы, которые открывают перед нами технологии коммунистического общества поистине «бесконечны», генная инженерия и нанотехнологии могут подготовить переход от социальной формы организации «материи» к постсоциальной, которую нам даже не дано понять, подобно тому, как камень не может понять человека.

XVIII

В заключение хотелось бы сказать, что авторы данной работы прекрасно понимают по крайней мере часть недостатков своего материала, например такие, как фрагментарность изложения, гиперцитирование, устарелость многих данных. Эта работа вряд ли отвечает академическим требованиям научной статьи. Однако, мы и не стремились к такой цели.

Мы совершенно не собирались ставить точку и говорить, что вот — мы создали новый этап исторического материализма — системно-организационное исследование общества. Мы лишь сказали, что создали одну десятую введения в него.

Мы также просим прощения за слабый библиографический аппарат, который явился плодом нашей дезорганизованности, так сказать. На самом деле, для написания данной работы потребовалось огромное количество материалов, которые не нашли своё отражение ни в тексте, ни в сносках. Ещё больше времени потребовалось, чтобы осмыслить весь собранный материал. Материал, который был по истине «междисциплинарным» от экономической истории до математической теории хаоса. Именно в силу этого в работе так много цитат, авторы не сочли себя умнее чем специалисты в разных областях, поэтому предоставили слово им самим.

Итак, работа над текстом заняла два года. Но это не точка, в отличие от новаторского, но компромиссного (в рамках СРС) текста Манифеста, которая закрепляет определённые рубежи в направлении от старых идей к новым. Скорее это вызов. Вызов к дискуссии.

Авторам сложно судить на сколько этот текст вообще, как сейчас говорят, «читабелен», так как они уже думают на своём языке, изложенном в тексте. Поэтому им, то есть нам крайне необходима критика, дополнения и замечания. Вернее даже не всё это. А ответ на наш вызов, который может быть выражен как в форме рецензии на текст, так и в форме соучастия в данной работе, дабы выпустить на свет версию Ноль.Точка.Два.

Нам нужны люди, умеющие мыслить вне шаблонов, готовые к междисциплинарным исследованиям. Математики, историки, врачи, строители — не имеет значения.

Мы искренне надеемся, что у читателей стало больше вопросов к самим себе, обществу, истории, историческому материализму, кибернетике. Именно это и было нашей целью. Спровоцировать на размышление и диалог.

Мы сами можем очертить тот список вопросов и проблем, которые не получают разрешения в данной версии труда.

1) Достаточно ли методов тектологии для описания действительности? Из самой работы понятно, что нет, так как для нелинейных неравновесных систем следует применять метод синергетики. Можно ли синтезировать оба метода? Представляется возможным, что да. Но для этого нужна дополнительная работа. В самой современной тектологии (такая есть) есть ряд школ, например Попкова http://www.bogdinst.ru/ и Костова http://www.kostov.ru/. Нам, впрочем кажется что материала классической тектологии вполне достаточно и многие нововведения, особенно Костова, лишь запутывают дело. Сюда же относится вопрос о соотношении кибернетики и тектологии. В половине книг по теории систем и т. п. в предисловиях упоминается тектология как предшественница кибернетики и синергетики, однако подробно речь о взаимопроникновении никогда не заходит. Преимущество тектологии перед кибернетикой в том, что она проще для понимания (да, это так), в то время как кибернетика более математизирована и иногда (в некоторых своих версиях) кажется,, действительно представляет собой скорее дополнение к теории информации, нежели полную теорию управления и организации. Минус тектологии в том, что её не только плохо знают в СНГ, но и вообще не знают зарубежом. В свет выходил труд Горелика на английском

языке с «пересказом» тектологии в 1980 году, но, очевидно, что эта работа интересовала только специалистов по теории систем. Создание единой теории систем из синтеза тектологии, общей теории систем Берталанфи, кибернетики и синергетики — возможно, но неимоверно сложно. Поэтому вероятно в дальнейших наших работах метод будет скорее эклективным с упором на тектологию и в случаях необходимости — кибернетику и синергетику. Ещё варианты?

2) Со времён религиозного марксизма-ленинизма ультралевые всегда испытывали недостаток онтологического и гносеологического базиса, в то время как критика их концепций со стороны «буржуазных» философов (например, Поппера) оставалась без адекватного ответа. Идеи Богданова похороненные под ветошью плехановской ортодоксии могли бы стать неплохим отправным пунктом для создания современной классовой науки, но для этого требуется дополнительное изучение современной теории познания, работ Куна, Лакатоса и т. п, диалог с ними и их (аргументированная) критика, а может и перенятие каких-то прогрессивных элементов. Кто возьмётся провести такое исследование?

3) Нужна цельная концепция исторического развития человечества на базе системно-организационного метода. В данной работе идёт скорее пересказ старого материала. Для такой задачи нужен историк новой формации, знакомый с достижениями естественных и междисциплинарных наук.

4) Не смотря на то, что основные положения «Капитала» Маркса остаются верны пока существует сам капитал, сейчас встаёт острая необходимость анализа капитала эпохи глобализации (и уже постглобализации) после отмены золотого стандарта. Возможно здесь же пригодятся какие-то наработки из «буржуазной» экономической теории.

5) Концепция революционного субъекта дана в данной работе очень сжато, немного топорно. Во-первых, это тема для другой большой работы, во-вторых, нам всё ещё приходится ждать новых эмпирических данных, которые, впрочем, не заставляют себя ждать, сжигая машины копов в Британии и свергая диктаторов в Северной Африке. Но нам кажется, что это только начало новой эпохи борьбы глобального пролетарита. И к нему (пролетариату) у нас большое количество вопросов, ответы на которые он даст, но со временем.

6) Отдельно хотелось бы коснуться проблемы развития технологий. Так как история человечества в определенном ракурсе — это история технологических революций. Большинство ультралевых не уделяют внимания техническому прогрессу, не отслеживают его влияния на классовые отношения, хотя это именно то, что завещали бородачи. Нужны люди, которые одновременно бы разбирались и в технике, и в социальной науке.

7) Именно опора на новые данные науки и на новые факты истории позволит нам создать адекватную теорию классовой борьбы, в то время как большинство левых либо повторяют мантры двухсотлетней давности, либо плетуться в хвосте левобуржуазных учений Негри, Жижека и Бадьюподобных. Это не вопрос, а утверждение, впрочем.

И в самое заключение мы хотели бы привести цитату из Дарвина, но не приведём, потому что не нашли. А звучала она примерно так: «Вы можете уничтожить любое отдельное положение моей теории, но теорию в целом опровергнуть вам не удастся».

Попробуйте.

Литература:

[1] - http://revsoc.org/archives/4250
[2] - http://revsoc.org/archives/4316
[3] - http://www.bogdinst.ru/HTML/Bogdanov/Tektology/AboutTektology.htm
[4] - «Тектология». Электронный вариант
[5] - http://www.i-u.ru/biblio/archive/viner_kibernetika_i/00.aspx
[6] - Principles of the Self-Organizing Dynamic System, «Journal of General Psychology», 1947, том 37, стр 125—128
[7] - http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html
[8] - http://books.tr200.ru/v.php?id=7796
[9] - http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=cybern&author=ashbiwr&book=1959
[10] - http://wolf-kitses.livejournal.com/183939.html
[11] - http://revsoc.org/archives/4281
[12] — «Новый мир». Электронный вариант.
[13] - См.: Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. – М.,1990; Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации // ВИ. – 1992. – № 4/5
[14] - http://revsoc.org/archives/2222
[15] - Избр. соч. М , 1919. Т. II С 247
[16] - Бакунин М. Наука и насущное революционное дело. Женева, 1870. С. 12
[17] - http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Krit/krit-00.html
[18]-(http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001014/st000.shtml)»
[19] — Block F. Postindustrial possibilities. Berkeley. L.A., Oxford, 1990. P.82-43, цит. по Кагарлицкий Б.Ю. «Политология революции» М. 2007 Алгоритм.
[20] - http://scepsis.ru/library/id_1052.html
[21] — М. Алгоритм 2009
[22] - Анархия в эпоху динозавров. М.: Гилея, 2010.
[23] - http://revsoc.org/archives/4650 и http://revsoc.org/archives/6099
[24] - «Очерки по истории революционного движения...» УРСС. М. 2009
[25] - http://ru.wikipedia.org/wiki/Точка_бифуркации
[26] — Порядок из Хаоса. Пригожин и Стенгерс. УРСС. М.2008
[27] - «Основания синергетики» Князева и Курдюмов. УРСС. М.2005
[28] - http://ru.wikipedia.org/wiki/Панлогизм

Руслан Сабуров и др. 2010-2011

Варварство как неизбежность

(Ответ на критику статьи «Социализм как историческая возможность»)

Свою статью «Социализм как...» я написал в 2008-2009 годах. Сейчас на дворе уже 2012 и пришло время пересмотреть свои взгляды, а заодно ответить и на критику.

Все уже, наверное, забыли содержание моей статьи, поэтому опубликую сейчас краткие выводы, которые я сделал в конце работы.

«1) Уровень развития производительных сил в начале XX века не позволял на деле обобществить средства производства и перейти к коллективному управлению хозяйством. На базе тех производительных сил не могло быть ещё уничтожено разделение труда на организаторский и исполнительский. Поэтому даже физическое устранение класса частных капиталистов привело не к социализму, а к появлению нового эксплуататорского класса.

2) В начале XXI века появилась возможность реально обобществить средства производства. Внедрение автоматизированных систем управления на предприятиях и создание общепланетарной системы управления хозяйством позволит преодолеть разделение труда на организаторский и исполнительский, как в рамках отдельного предприятия, так и на макроуровне. Коммунистическое производство будет вестись не согласно стихии рынка и не ради прибыли, а для удовлетворения человеческих потребностей, которые будут автоматически анализироваться с помощью компьютерных систем, охватывающих всё производство.

3) В конце XX-начале XXI века появился новый способ производства, который можно охарактеризовать как коммунистический. Он зародился в сфере информационного производства, как в отрасли наиболее технологически развитой. В рамках этого нового способа производства миллионы людей посредством добровольной кооперации через Интернет создают такие общественные блага как: видео, тексты, изображения, музыку, программы и проч. В будущем возможно ограниченное распространение нового способа производства на материальную сферу (3D-принтеры и проч.) Развитие средств общения подрывает монополию буржуазии на предоставление информации, возникают альтернативные источники информации, работающие на подрыв идеологической гегемонии правящего класса. Социальные сети помогают людям объединятся для решения общих задач и помогают преодолевать отчуждение повседневной жизни, создавая новую форму общности – глобальное сообщество. Интернет позволяет координировать на основах прямой демократии действия необходимые для революционной борьбы. Социальная среда интернет даёт людям источник независимой информации и навыки непосредственной самоорганизации.

4) Пролетариат, как класс капиталистического общества, как объект управления, не является революционным классом. Революционность раннего пролетариата была связана с наличием в нём традиций коллективного управления, которые были унаследованы им от крестьянской общины и городского цеха. Развитие капитализма, развитие крупной промышленности атомизировало пролетариат, лишило его способности к самоорганизации. Но в отдельных регионах земного шара (Иран, Китай, Латинская Америка и.т.п.) эти традиции ещё не до конца изжиты и могут повлиять на революционную борьбу.

5) Та часть пролетариата, которая участвует в отношениях коллективного управления и имеет революционно-социалистическое сознание является революционным субъектом, будучи зародышем нового коммунистического самоуправляемого (не)класса. В своей деятельности организации этого коммунистического класса распространяют навыки самоуправления и революционное сознание на остальные части пролетариата.

6)Свою деятельность социально-революционные организации строят на началах прямого действия и прямой демократии, так как сами являются прообразом будущего общества самоуправления.»

Само выжимание статьи до резюме кажется мне теперь одной из главных ошибок, допущенных мной, я долго разбирался с каждым отдельным понятием, чтобы постараться не допустить терминологической путаницы, а здесь выдал на ура, что «*пролетариат... не является революционным классом*». Это смотря с какой стороны посмотреть — могу ответить себе я сам. Вот и буду отвечать сейчас. Впрочем, сперва разберёмся немного с критикой.

I

Товарищ Павлов, критикуя мою статью, пишет: «*следует обратить внимание на ошибку методологического характера, именно, отождествления производительных сил с техникой*».

Это не так. Просто в данной работе меня интересовал именно технологический фактор. Ему и

была посвящена статья в целом. На момент написания статьи я придерживался трактовки «производительных сил», изложенной в работе Багатурия «Категория "производительные силы" в теоретическом наследии Маркса и Энгельса». Там много букв, так что вряд ли кто-то осилит, скажу по секрету, что там «производительные силы» к технике не сводятся.

Также Павлов пишет: «*Что тов. Яновский подразумевает под производительными силами технику становится еще яснее из нижеследующей цитаты:*

"Представить же ситуацию, когда одни и те же производительные силы используются двумя разными способами производства, невозможно".

Рабство применялось в античности и в эпоху поднимающегося капитализма (рабство негров в США, «второе издание крепостного права» в Европе). Компьютеры, автоматизированные заводы, Интернет применяемые капитализмом в наше время (например, компания Google имеет капитализацию в 160 млрд. долл.), как в дальнейшем доказывает тов. Яновский, будут востребованы и при коммунизме.»

Пф! Да, во многих деревнях в России урожай собирают косами, но это не отменяет того, что господствующий способ производства в России — капиталистический. То, что рабство негров в США было направлено на укрепление международной системы капитализма, известно из истории. Если бы в эпоху античности применялись компьютеры — вот тогда мой тезис был бы неверен. А так тов. Павлов лишь играет на руку тем идеалистам, которые считают, что "коммунизм был возможен всегда".

Извиняюсь, что надоедаю цитатами из Павлова, но он сам грешит постоянным цитированием меня: «*В дальнейшем, автор касается механики социальной революции. Читаем:*

"Мы можем утверждать, что материалистическое понимание истории по Марксу содержит в себе противоречие. В концепции Маркса, новый способ производства всегда зарождается в рамках старого и только затем вступает в противоречие с оковами существующего общества. Для перехода же от капитализма (экономической общественной формации вообще) к коммунизму Маркс сделал исключение из собственной логики и пришёл к выводу, что само по себе развитие производительных сил (а возникновение коммунистических производственных отношений не представлялось возможным), на основе буржуазных производственных отношений даёт шанс для перехода к бесклассовому обществу. Переход этот же должен случиться в результате захвата пролетариатом политической власти, осуществляя которую, можно будет изменить и экономический базис. А как показала практика, ввести новый способ производства по декрету советской власти не получится".

Противоречия в материалистическом понимании истории нет. Что «новый способ производства всегда зарождается в рамках старого» не означает параллельного существования двух разных способов производства (капитализм действительно существовал определенный период в рамках феодализма, но это отдельный случай). Развитие производительных сил создает необходимые предпосылки для создания нового способа производства, в дальнейшем, дело за организованным социальным насилием. Например, переход от античности к средневековью был вызван исчерпанием рабов и, как следствие, возникла потребность в рационализации трудового процесса, повлекшая за собой создание необходимой техники. На заре капитализма крестьян сгоняли с земель и заселяли их овцами. И при переходе от капитализма к коммунизму, как отмечает тов. Яновский, "...одной из главных задач власти общих собраний станет модернизация материального производства до уровня заводов типа Тетрапак (т.е. полностью автоматизированных)». Следовательно, потребуется «декрет советской власти». Другое дело, что Маркс переоценил достаточность создаваемых развитием производительных сил общественных условий для коммунизма на тот момент."»

Так-с. Много букв. Сейчас не возьмусь с такой же уверенностью утверждать, что именно думал Маркс. В любом случае здесь Павлов допускает ошибку.

Он пишет: «*Например, переход от античности к средневековью был вызван исчерпанием рабов и, как следствие, возникла потребность в рационализации трудового процесса*» и далее «*дело за организованным социальным насилием*».

Если мы обратимся к истории Античности, то окажется всё протекало не так гладко, как возможно хотелось Павлову. Мне тоже хотелось, чтобы с неизбежным наращиванием производительных сил (ПС) происходила смена производственных отношений (ПО). На деле выходит, что развитие ПС не является манной небесной и оно может быть заторможено, если не остановлено, поэтому сводить всё к идее о том, что рабы были непроизводительны и поэтому наступил феодализм - архинеправильно.

Перри Андерсон (не путать с Бенедиктом) в своём классическом труде «Переходы от античности к капитализму» замечает: «*В отличие от «кумулятивного» характера прихода капитализма, генезис феодализма в Европе восходит к одновременному и взаимосвязанному «катастрофическому» краху двух различных предшествующих способов производства. Начало феодальному синтезу в собственном смысле слова, всегда сохранявшему свой гибридный характер, дала именно рекомбинация разных элементов. Этими двумя предшественниками феодального*

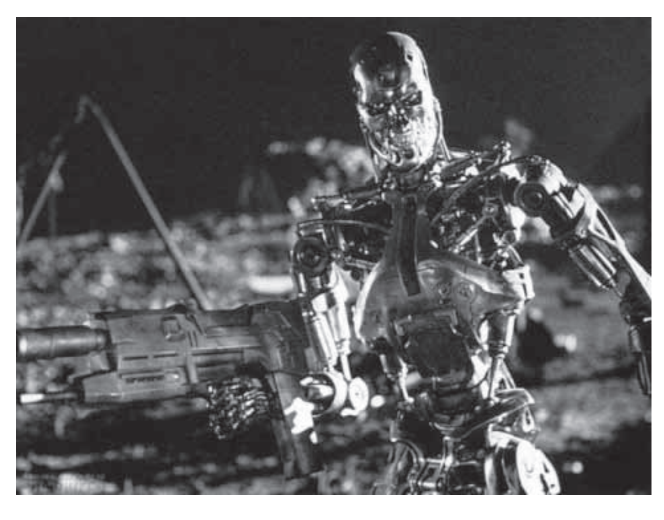
способа производства были, конечно, разложившийся рабовладельческий способ производства... и первобытные способы производства германских завоевателей».

История Античности показывает нам, что само по себе рабовладение в феодализм не эволюционировало. Если бы не германское завоевание, Рим ждало бы медленное разложение и смерть.

«Цена, которую приходилось платить за такое грубое и прибыльное устройство [верхов], была высокой. Рабовладельческие производственные отношения накладывали определённые непреодолимые ограничения на античные производительные силы... вели к параличу производства, как в сельском хозяйстве, так и в античности... при сравнительном взгляде в прошлое более всего поражает технологический застой античности.» - и далее Андерсон продолжает - «Как только физический труд стал ассоциироваться с утратой свободы, исчезли все возможные социальные основания для изобретения... Оторванность материального труда от сферы свободы была настолько значительной, что в греческом языке даже не было слова для выражения идеи труда как социальной функции или личной деятельности».

Ну и где, товарищ Павлов, «необходимые предпосылки для создания нового способа производства»?

«Античность, не испытывавшая недостатка в

оригинальных технических идеях, проявляла подчёркнутое безразличие к их внедрению». - отмечает исследователь Зайцев - «символом античного отношения к труду является фрагмент из Пруденция, в котором, в соответствии с законом классической аллегории, тяжёлый изнурительный Труд наравне со Страхом, Насилием, Преступлением и Мошенничеством попадает в разряд человеческих пороков».

Разумеется, никакое поступательное развитие общества, где труд расценивается как ПОРОК невозможно.

«Непреодолимые социальные препятствия на пути к дальнейшему техническому прогрессу и основные ограничения рабовладельческого способа производства лучше всего можно проиллюстрировать судьбой двух основных изобретений, которые появились при принципате - водяной мельницы (в Палестине на рубеже I века н.э.) и жатки (в Галлии на рубеже I века н.э.). Огромный потенциал водяной мельницы — основы более позднего феодального сельского хозяйства (на ряду с трёхпольем, упряжью для конской тяги и тяжёлого колесного плуга, как утверждает Уайт — прим АЯ) — вполне очевиден... Но само это изобретение не получило широкого распространения.»

Можно просто сравнить десяток веков от Афин до Рима с тем же временным интервалом при феодализме — и мы увидим потрясающую разницу в динамике ПС.

В своей работе Андерсон делает интересный теоретический вывод, когда говорит уже о крахе феодализма: «Вопреки представлениям, распространённым среди марксистов (сам Андерсон считал себя истматовцем, если что), - характерная «модель» кризиса способа производства состоит не в том, что мощные (экономические) производительные силы триумфально прорываются сквозь отсталые (общественные) производственные отношения и вскоре создают более высокую производительность и более передовое общество на их развалинах. Напротив, производительные силы обычно застывают и отступают при существующих производственных отношениях; эти отношения сначала сами сначала должны быть радикально изменены и перестроены прежде, чем новые производительные силы смогут быть созданы и соединены в совершенно новый способ производства. Иными словами, в переходную эпоху изменение производственных отношений, как правило, предшествует изменению производительных сил, а не наоборот».

Если рассматривать этот тезис как «сильный», то есть дословно, мне он кажется неверным. С другой стороны, мне он кажется ограниченно верным и, если его рассматривать как определённую поправку к классической функциональной зависимости ПС-ПО, то он может быть эвристически полезен. То, на чём делает слишком большой акцент Андерсон и на чём не делает акцента Маркс и марксисты, это деградация общего уровня ПС при распаде общественной системы. Если бы ПС просто «отступали», то никакой дальней истории человечества быть не могло. Корень вопроса в том, возникают ли на фоне упадка ПС старого общества новые альтернативные производительные силы и соответствующие им ПО? Если да, то происходит кризис системы с разрешением в усложнение (то бишь это хорошо), если нет, то кризис исходит в разрушение.

К этому вопросу мы ещё вернёмся, когда будем обсуждать современный капитализм.

II

Павлов цитирует меня: «“Развитие производительных сил вытесняет капиталистический способ производства на обочину производства ВООБЩЕ, постепенно заменяя его на более адекватный новым производительным силам способ производства, основанный на свободной кооперации производителей”.

Автор не приводит никаких фактических данных для обоснования подобных выводов. Сколько людей использует Opensource, используется ли Opensource в производстве нам неизвестно. По данным на 2008 год операционная система Linux применяется всего 1%-ом пользователей. Что новые технологии играют важную роль в распространении информации, музыки и т.п.,

не дает нам никаких оснований видеть в этом зачатки нового способа производства. Участники этого свободного обмена никакого продукта не производят, а обмениваются капиталистическими продуктами (голливудскими фильмами и т.д.). А если и производят (например, любительские видеозаписи для размещения на YouTube), то для этого не требуется кооперация миллионов людей. Социальные сети многократно расширяют и облегчают обмен, но не перестают от этого быть капиталистическими предприятиями с наемными рабочими, акциями и т.п.»

Да, от фразы «*Развитие производительных сил вытесняет капиталистический способ производства на обочину*» в "сильной" трактовке я отказываюсь. Но продолжаю считать, что вытеснение всё таки происходит. Пусть медленно и с большими препятствиями. Это как раз к вопросу об альтернативных новых производительных силах. Да, я считаю, что они уже есть. Но на сколько капитализм сможет дать им развиться я не знаю, и не ждёт ли новые технологии судьба водной мельницы в Римской империи — я тоже не знаю.

Я уже устал объяснять товарищам "марксистам" (не говорю сейчас о Павлове конкретно), что компьютерные сети являются частью ПС. Если об этом не было написано у Маркса, то мне жаль. Марксистов.

Итак, ещё раз, мы имеем ситуацию, когда миллионы людей производят и обмениваются продуктами в нетоварной форме: есть субъект производства, средство транспортировки, конечный продукт, потребитель. Однажды, мне на полном серьёзе приходилось слышать, что всё это не имеет отношения к производству, потому что "нематериально". Материалисты, блин! По вашему идеи новаций, формулы для лекарств, модели самолётов, компьютерные программы, текстовые редакторы — в конце концов — это всё "идеальные" никак не связанные с реальной жизнью и производством субстанции (вещи то бишь)?! Бред.

То, что всё это происходит, мне доказывать не нужно. Это знает каждый, кто умеет работать с компьютером и/или хотя бы немного увлекается информационными технологиями.

Наши господа марксисты проворонили именно то, что завещал искать Маркс — изменения в способе производства.

И не надо мне говорить, что Google и Microsoft — это коммерческие организации. Я это знаю, серьёзно. Я говорю не о них, а той форме кооперации, которая не основана на буржуазных началах.

Я не знаю, сколько именно людей участвует в таком производстве. Я думаю, что таких данных найти нельзя, когда я перешёл на свободное ПО, я нигде вроде подпись не ставил. Когда выкладывал нарисованную мной картинку в сеть, я тоже вроде ни в какое статистическое бюро не обращался.

Конечно, можно выделить некоторый костяк. В таком случае это будут люди, которые разрабатывают программное обеспечение в обмен на donations. То есть, которые создают продукты не вступая непосредственно в товарно-денежный обмен, а получая вознаграждения от довольных потребителей. Я могу ошибаться, но насколько я знаю, таких людей не очень много и грамотному специалисту наваристее работать коммерчески, нежели так. Это фанатики. Фанатики киберкоммунизма. Именно так.

Если брать самый большой «масштаб» рассмотрения вопроса, то в отношения киберкоммунизма попадут практически все пользователи глобальной паутины, которые посредством своих компьютеров помогают как ворованным (извините, освобождённым) товарам, так и опен-сорс продуктам достигать своих потребителей.

Да, интернетом пользуются и буржуи, и чиновники, и всякие прочие нехорошие люди. Более того, многие опен-сорс проекты финансируются буржуями, чтобы, например, сдерживать монополии на важных для них рынках.

Я же не утверждаю, что мы живём при коммунизме. Я говорю лишь 1) о возникновении новых ПС 2) соответствующих им ПО 3) людей, которые в этих отношениях участвуют.

Самое сложное, конечно, с пунктом 3. В обсуждаемой здесь статье я писал о том, как общественные отношения киберкоммунизма меняют мораль людей с чисто буржуазной на "экономику даров" (которая в своё время была переходной моралью от бесклассового общества к классовому — мы же наблюдаем обратный процесс).

Буржуи и чиновники, да, получается, частично относятся к этому протоклассу, как мог частично относится к классу буржуа, аристократ, купивший фабрику. Нужно понимать, что киберкоммунизм — это лишь росток в капиталистическом мире. Когда произойдёт социальная революция, буржуи и чиновники будут сидеть в другом месте, а не в интернете, не переживайте.

Далее, вероятно, к этому вопросу я ещё вернусь, но Я НЕ СЧИТАЮ НА ДАННЫЙ МОМЕНТ, что киберкоммунистический протокласс является революционным субъектом сам по себе (и раньше так тоже не считал). Как я уже писал в своей статье поведение человека обуславливается всей совокупностью социальных факторов, а если он вечером после работы пишет свободный софт, он не перестаёт терять от этого свою пролетарскую сущность и сознание, навязанное господствующим классом.

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, именно эти люди (их ядро) являются проводниками в наш мир технологий киберкоммунизма, именно они лучше всех будут разбираться в координации деятельности, когда потребуется налаживать новое производство.

В статье «Социализм как...» я лишь кратко упомянул о 3-д принтерах и возможностях копирования материальных объектов по примеру того, как это делается с «нематериальными» продуктами. С момента написания той статьи, само распространение 3-д принтеров и шумиха вокруг них заметно возросли.

Вот часть интервью с идеологом некоммерческого материального производства:

« — Чем RepRap отличается от других проектов, развивающих технологию трёхмерной печати, в частности коммерческих?
— Самая главная особенность RepRap состоит в том, что с самого начала он был задуман как реплицирующаяся

система: принтер, который сам себя распечатывает. Коммерческие системы не могут такого себе позволить. Это стало бы самоубийством для любого производства — создать машину, которая сможет сама себя воссоздать. Такую машину можно было бы продать только один-единственный раз.

Как любит повторять участник проекта RepRap Вик Оливер: "Мы не связаны по рукам и ногам необходимостью извлекать прибыль". Кроме того, RepRap — это проект со свободно распространяемым под лицензией GPL кодом. Абсолютно любая информация, необходимая для того, чтобы построить RepRap, доступна в интернете бесплатно.

— Расскажите, пожалуйста, о материалах, которые используются для печати.

— Основной материал, который мы используем, — полилактид. Этот материал можно получить из биологических материалов, в частности из крахмала.

Это биоразлагающийся полимер. В конечном счёте каждый, кто способен вырастить крахмалосодержащее растение, сможет использовать трёхмерный принтер. Таким образом, пользователи будут независимы от нефтеперерабатывающей промышленности, поставляющей пластик... ***Я хочу, чтобы все производимые товары оказались в той же ситуации, в какой сегодня существует распространяемая по интернету музыка, а всё товарное производство повторило судьбу звукозаписывающей индустрии***».(http://nika.x-31.com)

И, кстати, забавный комментарий к этому интервью от коммерческих СМИ: «*Выход принципов открытого ПО в реальный, физический мир примечателен, однако, не только этим: RepRap — своего рода орудие когнитариата, инфоремесленников, пролетариата умственного труда эпохи постиндустриального общества, которое, собственно, только вместе с RepRap и может нащупать выход за пределы корпоративного индустриального производства*».

А вот что пишет менеджер проекта по изучению "анархономики" Копенгагенского института исследования будущего, ему «на глаза попался текст, который, кажется, лучше всего описывает сетевое общество XXI века: «*В обществе, развивающимся в этом направлении, добровольные объединения, которые уже охватили всю область человеческой деятельности, получает ещё большее развитие... Они будут представлены переплетением сетей, составленных из бесконечного разнообразия групп и федераций разных размеров и уровней, местных, региональных, национальных и интернациональных, временных или относительно постоянных для самых разных целей: производства, потребления и обмена, коммуникации и удовлетворения постоянно возрастающих потребностей в области науки, литературы и искусства*»... «*Примечательно*» - *отмечает он дальше, что* «*этот текст был написан сто лет назад... Это цитата взята из статьи... написанной русским князем Петром Кропоткиным...*» - *и, наконец* - «*у сетевого общества есть много общего с анархическим идеалом*»» (Анархономика, М.2011)

Что мы имеем? Некую долю "коммунизма" в интернете, начинающуюся медленную экспансию коммунизма в физическое производство... и пока всё. Это очень мало, к сожалению. Пока такие отношения остаются уделом техно-фриков, никакой социальной революции не произойдёт, потому что большинство населения планеты других отношений кроме авторитарных и капиталистических не знает.

Интересно, на сколько реально создать замкнутый цикл производства некоммерческих продуктов. Уже есть опен-сорс еда и гипотетически можно делать материал для 3-д принтеров из крахмалосодержащих расстений, но из чего строить дома? Допустим один человек бесплатно создают компьютерную модель физического объекта, второй создаёт её на 3-д принтере, третий поставляет ему сырьё, а четвёртый кормит первого. Ну как-то так.

Получается, что возможно некоторое кустарное производство, но без революционных потрясений, новые производительные силы не смогут развиться достаточно для формационного перехода. Должны измениться сами ПО в сторону благоприятствования для некоммерческого производства. Но как это будет происходить? Будет ли это происходить вообще? Я не знаю. Впрочем, кое-какие идеи у меня есть, но об этом в конце статьи.

Вернёмся к товарищу Павлову. Больше всего в его критике мне понравился следующий момент: ««Классики марксизма глубоко заблуждались... Крупная промышленность, конвейерное производство, как показывает историческая практика, ведёт не к ассоциации рабочих, а к их атомизации».

Павлов не верит, что капитализм атомизирует рабочих:

«*Миллионы рабочих по всему миру трудятся над созданием совместного продукта. Чем не ассоциация? Другое дело, что психологически они ощущают этот процесс как атомизацию, что является следствием их положения в системе капиталистических общественных отношений. Рабочие организуются не сознательно и не добровольно, а исходя из потребностей капитала. Потребность капитала в росте сводит труд к простому труду, удешевляя рабочую силу, и как следствие, увеличивая норму прибыли. Если ассоциации рабочих не происходит, то как объяснить рост крупного производства? Если рабочие во все возрастающем количестве не координируются капиталом для совместной деятельности, то на чем основывается идея социализма? Принимая вывод автора, мы выбиваем из под социализма*

всякий фундамент научности».

О, господи! Да вы, марксисты уже сами давно выбили все фундаменты любой научности из наследия Маркса и Энгельса, повторяя штампы 150-летней давности. Причём, повторяя не задумываясь, как повторяют воцерковленные молитвы к богу. Маркс писал не просто о «ассоциации», а о трудовой ассоциации, о том, что кооперация рабочих делает класс капиталистов излишним паразитом. О том, что он слишком поторопился с выводами я объяснял в своей статье. Но Павлов-то говорит даже не об этом!

Рост крупного производства происходит? Происходит! Ассоциация есть? Ассоциация есть!

Рост числа заключенных происходит? Происходит! Ассоциация есть? Ассоциация есть!

Рост вооружённых сил происходит? Происходит! Ассоциация есть? Ассоциация есть!

Дело не в количестве пролетариев на квадратный метр капиталистического предприятия, а в том, существует ли у них реальная трудовая САМОКООРДИНАЦИЯ, возникает ли у них от этого классовое революционное сознание?

НЕТ!

«Если рабочие во все возрастающем количестве не координируются капиталом для совместной деятельности, то на чем основывается идея социализма?»

Павлов, ей богу, если рабочие координируются капиталом, то пусть их будет 10 миллиардов на нанометр, но от этого никакой идеи социализма не возникает! Идея социализма появляется и основывается на том, что люди САМИ, а не путём авторитарной координации могут управлять производством и своими жизнями.

Правда.

Также удивляет то, что Павлов назвал луддитов — реакционерами. Это очень интересный подход, которым опять же грешат многие марксисты, смешивающие буржуазный прогресс и прогресс человечества вообще. Да, с точки зрения капитала — луддиты были реакционерами. Но были ли они реакционерами с позиций человеческого освобождения, революционной этики? Если мы знаем, что коммунизм был возможен не всегда, то это не значит, что все кто за него боролся раньше — реакционеры. По логике Павлова, Сталина нужно назвать самым большим революционером, так как именно он осуществил буржуазную модернизацию СССР. Нам надо оценивать исторических акторов с точки зрения революционного социализма, а не капитилизма.

III

На этом, наверное, разбор полётов с товарищем Павловым закончен, переходим к «эзотерическому довеисту» Чеширу. Будет весело, хоть и опять занудно.

Во-первых, не очень понятно, с кем Чешир борется в данной работе: со мной или с “мифом самоуправления”, к которому я отношения не имею. Он пишет: *«Идеология самоуправления исходит из того, что для классового общества первично разделение труда на управленческий и исполнительский.* ***Да, это неотъемлемая сторона всякого классового общества, но разве отчуждение ограничивается только сферой управления?*** (выделение моё - АЯ) *Нет, оно охватывает всю совокупность общественных отношений, которые производятся человеком. Современная антропология вряд ли подтвердит, что ключевым фактором развития цивилизации было выделение в общине слоя начальников».*

Антропология, кстати, товарищ Чешир — это не только Джон Зерзан, который здесь подразумевается. И легко понять, что если речь идёт об управлении обществом в целом, то отношения управления неизбежно пронизывают, как производство в первую очередь, так и «в разных формах: государство, работу, семью, религию».

Чешир пишет: *«вслед за Дове, мы можем предположить, что замена бюрократов на автоматизированные системы управления также будет лишь повторением провального опыта русской революции».*

Откуда он это взял? Не надо быть Стаффордом Биром, чтобы понимать, что внедрение автоматизированных средств производства, это не просто замена бюрократов на каких-то страшных терминаторов, а коренной слом в производстве в целом. Это именно то самое «уничтожение стоимости» и «выход за рамки стен предприятия», о которых мечтает Чешир. Или, может, он считает, что всегда будут начальники и подчинённые, но зато без “стен предприятия”- деформированное анархо-примитивистское общество, так сказать.

Концовка тоже добивает: «*Тут мы переходим к вопросу революционной субъективности – то есть того, из чего вытекает наша способность осуществить революцию. Революционная субъективность непосредственно связана с содержанием революции. У Яновского это содержание сводиться к устранению разделения труда на организаторский и исполнительский, значит, в основе революционной борьбы лежит стремление к самоуправлению. В таком случае, самым революционным классом должны были быть крестьяне – уж они-то точно в совершенстве знали, как управлять производством, им не хватало разве что техники, чтобы построить коммуну во*

всемирном масштабе».

Борец с «прогрессизмом» Чешир, априори считает, что крестьяне не могут быть самым революционным слоем, так как это не вписывается в концепцию довеизма-ситуационизма-нигилизма.

А что если и так? Что, если крестьяне действительно были самым революционным классом? Почему нельзя себе этого представить? Что если современный пролетариат не способен на революцию?

IV

Остановимся вот на этом отрывке из моей работы:

«Пролетариат, как класс капиталистического общества, как объект управления, не является революционным классом».

Вопрос здесь заключается в том, что понимать под пролетариатом, если это, как говорил Маркс, «класс в себе», то он не может быть революционным. Революционным является «класс для себя», класс-субъект, а не объект управления. В данном пассаже я просто хотел это остро подчеркнуть. Так как российская реальность с уверенностью показала, что пролетариат, как просто экономическая категория, революции не сделает. Экономические категории вообще революций не делают. Революцию может сделать лишь класс, познавший себя и став субъектом, а не объектом управления.

Вопрос тогда заключается в следующем — откуда берётся эта субъектность, откуда берётся революционность пролетариата?

Маркс считал, что промышленное производство даёт такое субъектное начало. История показала, что он был не прав. Промышленное производство атомизирует пролетариат, организует его капиталистически.

Если же мы посмотрим на историю, то мы увидим, что наиболее революционными были следующие слои: пролетаризируемое крестьянство, пролетариат первого поколения и пролетаризируемые «мелкие буржуа» (самозанятые рабочие, цеховые подмастерья). А сильнее всего революции набирали ход, когда вышеперечисленные слои сливались.

Это легко объяснить, пролетарии первого поколения ещё не были окончательно атомизированы тейлоризмом и сохраняли представления о жизни в общине, поэтому два самых сильных революционных всплеска в XX веке произошли в полуаграрных странах: России и Испании.

Были ещё события 68 года, которые громом прокатились по всему миру от Пражской весны до Красного Мая, где одну из ведущих ролей играли студенты. Социальное положение студента, как актора истории, было определено тем, что он, с одной стороны, ещё не был поглощён рутиной семьи и работы, а с другой, имел определённое свободное время и знания, которые не хотел тратить в будущем на работу для буржуев.

Можно сделать вывод, что чем сильнее между эксплуатируемыми существует трудовая (само) координация, чем больше они психологически настроены на отношения взаимопомощи — тем большую опасность они представляют для эксплуататорского строя.

Если же из разных таких слоёв получается "крепкий сплав", то он тем более ужасен для власть предержащих.

Однако, к сожалению в современном мире не так то просто найти эту самую трудовую координацию. Недавно весь мир обошёл репортаж об ужасных условиях жизни китайских рабочих, которые конвеерно изготавливают Ipod'ы. Они видели только свои детали, но ни разу из них никто не видел готового продукта.

Будь то офис (как шутят: с загонами для скота — то бишь офисного планктона) или завод — везде эксплуатируемые сталкиваются с тем, что отношения коллективного управления в процессе производства практически отсутствуют. А без этого никакая идея революционного социализма появиться не может.

Арабская весна и события в России 2010 года показали, что положительный идеал у протестующих либо отсутствует, либо находится в рамках идеи смены одного хозяина на другого. Именно современный способ производства определил мышление протестующих и пока в нём самом что-то коренным образом не измениться, нам придётся действительно только менять одних хозяев на других.

Да, определённый революционный потенциал существует у всех эксплуатируемых (будем называть их глобальным пролетариатом), но передовым классом или классами смогут стать те слои пролетариата, у которых отношения коллективного управления наиболее развиты. Раньше это были общинные крестьяне и молодые пролетарии. Где искать революционный субъект сегодня?

Во-первых, как уже писалось выше, определённые надежды можно возложить на те слои пролетариата, которые вовлечены в отношения киберкоммунизма, начиная от квалифицированных рабочих хайтека и заканчивая любителями, которые бесплатно распространяют свои продукты. Есть вероятность, что киберкоммунизм выйдет за рамки интернет в виде 3д-принтеров, а в перспективе, вообще в виде нанотехнологий. Ведь если какой-то продукт можно создать из дешёвого сырья для 3д-принтера, то вообще зачем за него платить? Зачем нужен капитализм, если нанороботы могут сконструировать любой объект без всяких товарно-денежных отношений?

Во-вторых, это могут быть общинные крестьяне, которые ещё остались в Латинской Америке и Азии и которых ждёт неминуемая участь пролетаризации, так как капитализм продолжает искать дешёвую рабочую силу.

Вполне вероятен и другой сценарий: новые технологии будут законсервированы капитализмом (см. шум вокруг АСТА) и нас всех ждёт участь новой Римской Империи, а пролетарии так и не смогут обрести классового сознания в виду упадочности текущего способа производства.

Вопрос действительно стоит в том: социализм или варварство?

В заключении отмечу, что сейчас стали появляться утопии, никак не связанные с революционо-социалистической традицией. Некоторые более прогрессивные (Zeitgeist), некоторые реакционные (партия “Воля”). Всё это показывает в каком плачевном положении находится р-с движение во всём мире.

Капитализм уже отжил своё и вступил в эпоху собственного разложения. Такие буржуазные ценности, как парламентская демократия, свобода слова и вероисповедания отходят в прошлое. Набирает обороты ничем не ограниченная авторитарная власть капитала, искусственно насаждается религия. Экономика раздирается кризисами.

В этих условиях и возникают новые утопические проекты, на фоне того, что классовая память пролетариата уничтожена. Вероятно эресам надо стараться найти контакт с этими новыми движениями и передать им свой опыт, равно как и поучиться у них.

Иначе придётся, тем кто доживёт, бороться за коммунизм в условиях нового средневековья, в мире похожем на воображаемые миры таких произведений, как “Водный мир” или “Бешеный Макс”. Впрочем, может быть не всё будет потеряно. И на основе каких-то оставшихся технологий можно будет создавать нечто наподобие коммун.

Но всё это может быть, а может и не быть вовсе. Так как угрозу ядерного уничтожения планеты ещё никто не отменял.

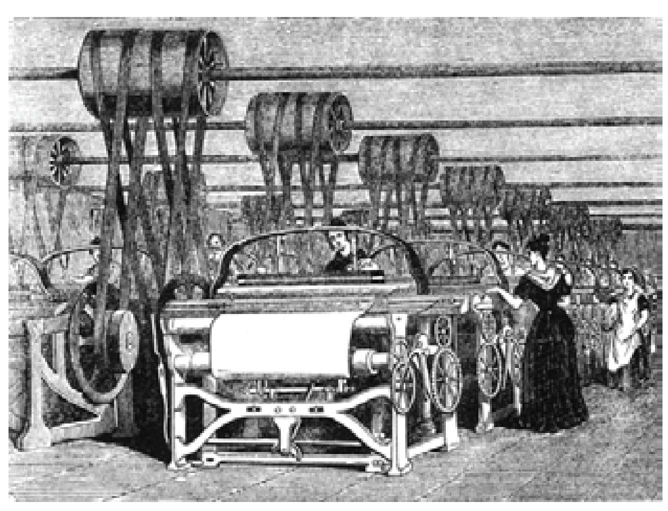
Александр Яновский(апрель 2012)

К вопросу о классах

Недавно РКСМ(Б) решил всё-таки обратить внимание на некоторые наши тексты и вступить в дискуссию. Александр Лебедев посвятил целую статью (http://rksmb.org/get.php?5164) разбору небольшой заметки (http://revsoc.org/archives/2179) тов. Инсарова. Однако Лебедев, подобно всякому полемику, цель которого не выяснить истину в дискуссии, а как можно скорее "разбить" оппонента, берёт в качестве мишени для критики одну из самых небольших заметок, написанных когда-либо Марленом Инсаровым, которая предполагает обширный бэкграунд, т.е. знакомство с другими его работами, чтобы правильно понять некоторые нюансы. Критика поднимает сразу несколько тем, на каждой из которых можно было бы остановиться подробно, но целью данной статьи является рассмотрение тех сторон критики, которые связаны с вопросами классового деления общества. Остальные вопросы будут рассмотрены нами в других статьях, чтобы не растекаться мыслью по древу и не утомлять читателя обилием тезисов.

«Говоря о теории, нельзя не отметить, что Инсаров явил миру примеры самого решительного антидогматизма, скажем в "Манифесте" своей организации. Приведем простой пример: "Пролетариат - это не только промышленные рабочие, но все, лишённые власти и собственности при глобальном капиталистическом строе: пролетарии хай-тека, промышленные рабочие, офисные рабочие, бесправные рабочие-мигранты, самозанятые рабочие, учащиеся, пенсионеры, безработные и частично безработные, сельский пролетариат, угнетённое крестьянство, наконец, уничтожаемые капитализмом первобытные племена."

Ревсоциалисты, величая себя марксистами, подменяют классовую теорию даже не буржуазной концепцией выделения классов по имущественному признаку, а смешением классов и категории угнетаемых и угнетателей. Это не только не теория уровня Ленина, а крайняя вульгаризация марксизма, сходная с теориями буржуазных социал-демократов. Время уже показало ошибочность этой теории.» - Лебедев

Мы не марксисты и никогда себя таковыми не "величали". Мы люди, которые хотят критически переосмыслить наследие как марскизма, так и анархизма, а также левого революционного народничества с точки зрения адекватности их современной ситуации. Тем не менее стоит более подробно остановиться на нашем взгляде (и взгляде Инсарова) на классовое деление, если оно вызывает столько недопониманий. Прежде всего стоит заметить, что со времён Маркса принято отождествлять пролетариат как класс капиталистического общества и пролетариат как революционный субъект, который разрушит это общество. Это связано с тем, что сам Маркс, развивший классовую теорию, считал экономический класс промышленного пролетариата революционным субъектом, который свергнет капитализм.

«Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин - все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.» - Манифест коммунистической партии.

Причём особая революционность классиками марксизма приписывалась прежде всего промышленному пролетариату: *«Мы также увидим, что, за исключением разве ирландцев, уровень развития различных рабочих находится в прямой зависимости от их связи с промышленностью, что, следовательно, промышленные рабочие лучше всех сознают свои интересы, горнорабочие уже хуже, а сельскохозяйственные рабочие ещё почти совсем их не сознают. Мы обнаружим эту зависимость также и в рядах самого промышленного пролетариата: мы увидим, что фабричные рабочие — эти первенцы промышленной революции — с самого начала и до настоящего времени являлись ядром рабочего движения и что остальные рабочие примыкали к движению в той мере, в какой их ремесло захватывалось промышленным переворотом.»* - Ф.Энгельс. ("Положение рабочего класса в Англии")

История не подтвердила правоту этой точки зрения - то, что пролетариат как класс капиталистического общества, как объект управления не является революционным классом, доказывается в работах М.Инсарова "О причинах пассивности пролетариата" (http://revsoc.org/archives/42) и А.Яновского "Социализм как историческая

возможность"(http://revsoc.org/archives/2309). Если вкратце резюмировать мысли, изложенные в этих работах, то революционность раннего пролетариата была связана с наличием в нём традиций коллективного управления, которые были унаследованы им от крестьянской общины и городского цеха. Развитие капитализма, развитие крупной промышленности атомизировало пролетариат, лишило его способности к самоорганизации и революционного сознания. Осознание этой мысли подводит нас к необходимости различения понятий пролетариата как экономического класса и революционного субъекта. В нашем же манифесте из-за тяжёлого наследия марксизма эти понятия тем не менее смешаны и зачастую недопустимо подменяют друг друга. Это наша недоработка, которую в ближайшее время нам предстоит коллективно исправлять.

В цитируемом же месте манифеста пролетариат понимается именно как рев. субъект, что становится очевидно, если прочитать цитату вместе с контекстом:

«На наш взгляд, действительность не подтверждает идею, что именно промышленный пролетариат является авангардом революции. Все революционные выступления промышленных рабочих прошлого потерпели поражение. Промышленный пролетариат оказался не способен совершить победоносную коммунистическую революцию. В настоящее время, революционность фабрично-заводских рабочих никак не больше чем революционность других слоёв и групп, эксплуатируемых капиталом. В промышленно развитых странах численность фабрично-заводских рабочих неуклонно сокращается, ориентация исключительно на них заводит революционное движение в тупик.

Чтобы выйти из этого тупика нужно пересмотреть понятие «пролетариат» (от лат. proles — «неимущий, имеющий только потомство»). Пролетариат – это не только промышленные рабочие, но все лишённые власти и собственности при глобальном капиталистическом строе: пролетарии хай-тека, промышленные рабочие, офисные рабочие, бесправные рабочие-мигранты, самозанятые рабочие, учащиеся, пенсионеры, безработные и частично безработные, сельский пролетариат, угнетённое крестьянство, наконец, уничтожаемые капитализмом первобытные племена. Все эти части глобального пролетариата – от промышленных рабочих до истребляемых капитализмом первобытных племён могут стать частью глобального субъекта грядущей мировой революции, все они так или иначе, в той или другой форме, находятся под гнётом глобальной капиталистической системы.»

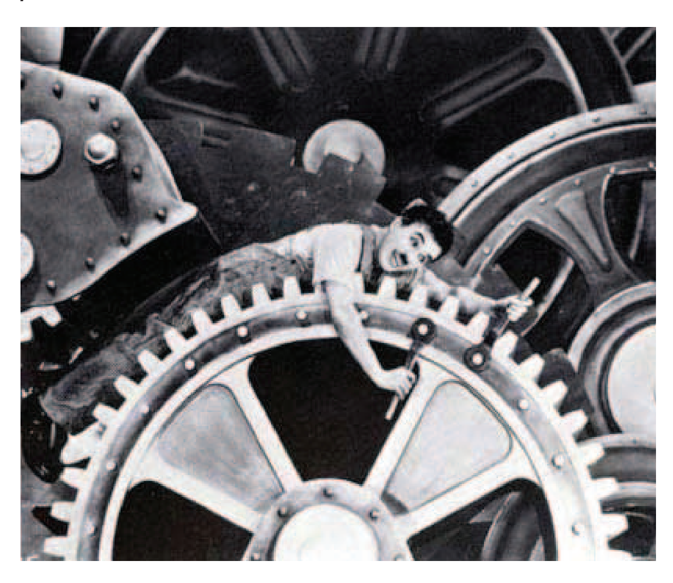
Возможно, чтобы избежать подобной терминологической путаницы стоит выработать новые адекватные содержанию термины.

Если же возвращаться к спорам о рев.субъекте и "авангарде", то застрельщиками революции могут стать и те самые племена, которые сегодня совместно с наксалитами атакуют индийское государство, но без поддержки со стороны наёмных работников - пусть даже последние будут тянуться в самом хвосте борьбы, а вовсе не в авангарде, такая борьба обречена на неудачу, поскольку не затронет самых основ капитализма - общественное производство. Как справедливо заметил А.Яновский: *«С ролью промышленного пролетариата в будущей революции повторяется та же история, что и с ролью крестьянства в Великой Русской Революции начала XX века. Без участия крестьянства победа революции была невозможна, однако крестьянство не могло стать инициатором революции, и работа народников среди крестьянства кончилась почти ничем. Инициатива революции должна была прийти из города, и старые русские революционеры, которые были людьми серьёзными и умели извлекать уроки из своего опыта, это поняли.*

Точно также без активного участия промышленных рабочих, а также ещё более обездоленных групп пролетариата будет невозможна победа грядущей социальной революции. Но хождение к проходным заводов как единственная и даже главная сфера деятельности по своей неэффективности превосходит «сидение в народе» народников 1870-х годов, и без понимания этого факта никакого серьёзного революционного движения не будет.»- СКИВ

Причём говоря о классе наёмных работников, мы говорим не только о промышленных рабочих, но и работниках здравоохранения, питания, транспорта - всей городской инфраструктуры. С другой стороны без поддержки села городские восстания будут подавлены даже не силой государственной машины, а просто голодом. Отсюда вытекает необходимость равноправного (!) союза с крестьянством. Эти рассуждения в общих чертах и объясняют то, почему пролетариатом в смысле революционного субъекта мы называем всех лишённых сколь-либо значительных власти и собственности при глобальном капиталистическом строе. Это понимал и Инсаров: *«Вообще говоря, настоящую революцию не могут сами по себе совершить ни простые люди, обыкновенные эксплуатируемые трудящиеся, ни ненормальные отщепенцы и маргиналы, выбивающиеся из рамок существующего эксплуататорского общества. Без отщепенцев эксплуатируемые трудящиеся способны только на стихийные, бесперспективные и ни к чему не ведущие вспышки, а отщепенцы и маргиналы без союза с обыкновенными рядовыми трудящимися способны только на героическую гибель в единоборстве со злом старого мира. Революция становится возможной лишь тогда, когда стихийный повседневный протест рядовых тружеников и непримиримый бунт отщепенцев и изгоев от царящей неправды сливаются в единый поток. Именно соединение борьбы рядовых рабочих с протестом радикальной антибуржуазной интеллигенции дало революционное социалистическое движение 19 – 20 веков, без любого из этих компонентов оно бы не возникло, оставаясь либо борьбой за свою корысть одного из классов буржуазного общества (что это было бы – достаточно посмотреть на американские профсоюзы, сросшиеся с мафией!) либо эстетским протестом интеллигентных одиночек. Точно так же размах и величие крестьяно – казацких восстаний в России и на Украине были бы невозможны без союза отщепенцев тогдашнего сословного общества – радикальных казаков с основным эксплуатируемым классом этого общества – с крестьянством.»* - М.Инсаров."Заметки о казачестве"(http://revsoc.org/archives/1652)

Теперь перейдём к экономической категории пролетариата. Для начала вспомним классическую ленинскую формулировку, что же такое классы: *«классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают.»*

Лебедев: *«У крестьянства, промышленного пролетариата и первобытного племени наших дней такое отношение разное. Промышленные пролетарии не имеют в своей собственности орудий производства, крестьяне имеют необходимые орудия в частной собственности (лишенные орудий батраки действительно относятся к пролетариату, а не к крестьянству, но если организация Инсарова говорила о них, то она путает класс и профессию), первобытное племя - в общинной собственности. Соответственно эксплуатируются они по-разному. Студенты и пенсионеры вовсе не участвуют в общественном производстве (если не подрабатывают) и потому вообще не могут иметь классовой принадлежности.»*

Здесь перед нами типичный пример того, как некоторые марксисты вместо рассмотрения самой сути производственных отношений ограничиваются лишь их формальным выражением в виде юридической собственности. В рамках этого подхода собственность определяется *«как основное производственное отношение между людьми, классами общества, выраженное через их отношение к вещам»*(Политэкономический словарь. М., 1972.). При этом всё историческое развитие человечества рассматривается через призму эволюции форм собственности соответственно с уровнем развития производительных сил.

Однако этот подход содержит следующий парадокс: с одной стороны вся идеологическая, юридическая, духовная сфера общества объявляется надстройкой, являющейся лишь отражением базиса - производственных отношений, лежащих в основе общества. Но с другой стороны в качестве основного критерия, оценивающего принадлежность конкретного общества к той или иной формации, берётся юридическое понятие собственности на средства производства.

Из этой методологической ошибки вытекает в частности отнесение СССР-подобных государств к социалистической формации на основании того лишь факта, что юридически собственность на средства производства в них принадлежала трудовому народу, а фактически - государству, как якобы, выразителю воли правящего класса - промышленного пролетариата.

Однако, чтобы понять реальные производственные отношения, господствующие в обществе, вышеприведённых критериев недостаточно, и необходимо заглянуть в самую суть производственного процесса. Если мы обратим наше внимание на собственно производственные отношения, то заметим, что в классовом обществе мы преимущественно будем наблюдать такое явление как разделение труда на организаторский и исполнительский. Остановимся на этом моменте поподробней, потому что вопрос роли разделения труда на организаторский и исполнительский в процессе классового деления занимает одно из центральных мест в теории нашей организации и Инсарова. В “Наброске введения в исторический материализм” (там же можно найти прекрасный пример подхода к вопросу “о соотношении базиса и надстройки” с точки зрения диалектико-материалистического монизма) Инсаров пишет:

«Ответ на вопрос о происхождении классов и государства дала теория исторического материализма.

Согласно этой теории, в основе любого общества лежит процесс труда, и именно в этом процессе и следует искать корни возникновения классов и государства. Разделение общества на классы явилось следствием общественного разделения труда – его разделения на труд руководящий и труд исполнительский.

В первобытном обществе трудовые процессы были настолько просты, что ими легко могли управлять все общинники, опираясь при надобности на окостеневший в обычаи прошлый опыт племени. С усложнением трудовых процессов выделяется слой особых лиц, чьим специфическим трудом становится управление трудом других людей. После этого трудовые процессы дают большие производственные результаты, а это приводит к их еще большему усложнению. Управляя трудом других людях, правящая группа (первоначально избираемая, сменяемая и подконтрольная), начинает затем управлять и распределением произведенного в ходе трудового процесса продукта. Возникает слой стоящих над племенем вождей и жрецов – своего рода протогосударство. Из слуг племени они превращаются в господ над ним. Само собой понятно, что этот процесс не был одномаментным, что он растянулся на тысячелетия и именно он представлял собой содержание всей мучительной и кровавой эпохи перехода от бесклассового общества к классовому – эпохи, отголоски которой дошли до нас лишь в мифах.»

«Государство возникло как результат социального разделения труда, как итог выделения организаторского слоя в обособленную и стоящую над обществом группу.

Этот организаторский слой был руководителем процесса производства, организатором общественного хозяйства. Не частнособственническая экономика обуславливала политику, и не политика изменяла по своему произволу экономику, а экономика и политика были слиты воедино. ***Власть одних людей над другими возникла в самом производственном процессе.»*** - Инсаров (Государство и капитал в России)

Таким образом, разделение труда стоит в основе всякого классового деления, а значит вопрос об экономической и политической власти становится центральным при рассмотрении классового положения человека. Здесь к нам на помощь приходит теория трёх типов управления и собственности Владислава Бугеры, изложенная в первой главе его книги “Сущность человека”. Мы не будем здесь пересказывать целиком рассуждения Бугеры, а изложим лишь кратко и тезисно суть его концепции, делая комментарии там, где это будет полезно:

1) ***Все действия***, которые человек совершает в ***обществе*** как общественное существо, являются управляемыми (т.е. подверженными сознательному планированию и реализуемыми под воздействием чьей-либо воли). Т.е. в процессе производства человек всегда вступает в отношения управления.

2) Существует три типа отношений управления:

Отношения индивидуального управления – это когда каждый член данной группы людей сам управляет своей деятельностью, не «вмешиваясь в дела» других членов группы и не допуская их вмешательства в управление своими делами.

Отношения коллективного управления – это когда члены группы взаимодействуют друг с другом в процессе управления своими действиями, совместно управляют действиями каждого, все вместе принимают единые решения. Коллектив – это единый субъект с единым сознанием, волей и действием. ***Коллективное управление – это координация действий членов группы “на равных”, “по горизонтали”***; отношения коллективного управления – это отношения ***равноправного*** сотрудничества и взаимопомощи.

Отношения авторитарного управления – это когда члены группы не взаимодействуют друг с другом в процессе управления своими действиями, но все же ***связаны*** между собой в этом процессе ***посредством руководителя***, который управляет ими, не будучи в свою очередь управляем с их стороны (в отличие от коллектива, где каждый управляет всеми и все – каждым). Авторитарная группа – это тоже единый субъект с единым сознанием, волей и действием, причем сознание и воля такой группы воплощены в ее начальниках, сконцентрированы в них, а не «разлиты» равномерно по всему “телу” группы, как в коллективе. ***Авторитарное управление – это власть, это координация действий членов группы “по вертикали”***; отношения авторитарного управления – это отношения ***между начальниками и подчиненными.***

3) Ни один из трех основных типов отношений управления практически никогда не встречается в чистом виде. Внутри любой группы людей – от нескольких человек до всего общества, взятого в целом – отношения индивидуального, коллективного и авторитарного управления перемешиваются в различных пропорциях, в большей или меньшей степени взаимопроникают и сплавляются друг с другом, образуя ряд переходных форм.

4) Сокращение доли коллективного управления общественным производством приводит к его индивидуализации и вместе с тем авторитаризации. Те группы, что не могут управлять собой коллективно, необходимо будут управляемы авторитарно в процессе их индивидуального труда.

5) Собственность. Возвращаясь к вопросу о юридической и реальной собственности, стоит процитировать следующий отрывок: *«Отношения собственности – это отношения социальной возможности управления, которую не следует путать с физической возможностью управления. Например, если крестьянин Павел точно так же в силах обработать участок земли, принадлежащий Петру, как и сам Петр, то он обладает физической возможностью обработать Петрово поле, но, поскольку оно ему не принадлежит, не обладает социальной возможностью обработать данное поле (если только Петр не наймет его в батраки).*

Отношения собственности как таковые не следует путать с юридическим правом собственности. Юридическое право собственности – это зафиксированное в законах признание государством одних отношений собственности желательными, а других нежелательными; при этом нежелательные для государства отношения собственности сплошь и рядом бывают такими же реальными, существующими на деле, как и желательные.» - Бугера (Сущность человека)

Из того, что отношения собственности – это отношения социальной возможности управления, следует, что типы отношений собственности соответствуют типам отношений управления. Причём такая классификация отношений собственности является более адекватной, чем традиционная, и вот почему: *«“Частным собственником” называют и мелкого ремесленника, кустаря-одиночку, который не покупает чужую рабочую силу, и верховного собственника огромной промышленной или финансовой корпорации. Последняя представляет собой авторитарно управляемую группу, внутри которой преобладают отношения авторитарной собственности – точно такие же, как и внутри государственного аппарата (в т. ч. и той его части, которая управляет госсектором экономики). Таким образом, и «частная» капиталистическая монополия, и современное буржуазное государство – это просто две капиталистические монополии; и те, кто стоит на верхушке иерархической пирамиды в обеих этих авторитарно управляемых группах – с одной стороны, держатели контрольного пакета акций и топ-менеджеры «частной монополии», с другой стороны, высшие чиновники госаппарата – гораздо больше сходны, по своему положению в системе отношений собственности на производительные силы, друг с другом, чем с кустарем-одиночкой. А это значит, что понятия “частная собственность” и “частный собственник”, употребляемые так, как это общепринято сегодня, объединяют в одну рубрику разнородные экономические явления и раскидывают по разным рубрикам явления однородные – и тем самым не*

помогают, а напротив, очень сильно мешают познанию сущности этих явлений.» - Бугера (СЧ)

Из этого факта в частности следует и то, что производственные отношения в капиталистических странах и в странах СССРовского типа не отличаются в своей основе. ***Т.е. степень огосударствления экономики не меняет сущность общественно-экономической формации, а следовательно в СССР существовала разновидность капитализма.***

6) Все начальники причастны к собственности на то и на тех, чем и кем они управляют – в разной мере, соответственно своему положению в реальной управленческой иерархии;

7) Так как классовое деление было порождено разделением труда, то необходимым условием перехода к бесклассовому обществу является преодоление разделения труда на организаторский и исполнительский на основе новых производительных сил, что означает развитие коллективного управления всеми экономическими процессами и, как следствие, упрочение коллективной собственности на средства производства.

Таким образом теория трёх типов управления и собственности вносит ясность в классовое положение промежуточных слоёв:

«Много еще есть примеров тому, что законы государств и труды юристов – это ***кривое зеркало****, неадекватно отражающее реальные отношения собственности. Так, согласно традиционным юридическим понятиям, акционерная компания является «долевой собственностью» всех владельцев акций; на деле же мелкие держатели акций* ***нисколько*** *не причастны к управлению этой компанией и, следовательно,* ***ни в какой мере*** *не являются ее собственниками (ничуть не отличаясь в этом плане от вкладчиков банка, которые тоже ни в какой мере не являются собственниками банка). Далее, обычно считается, что наемные менеджеры «частной» фирмы не причастны к собственности на нее, если не владеют ее акциями – хотя на самом деле менеджер, хотя бы и наемный и не владеющий акциями фирмы, причастен к собственности на нее по крайней мере в той (приблизительно) степени, в какой он участвует в управлении данной фирмой. Что же касается государственной собственности на производительные силы, то с традиционной юридической точки зрения считается, что ни один – даже самый высший – государственный чиновник персонально не причастен к этой собственности, хотя на самом деле каждый чиновник государственного аппарата причастен к собственности на принадлежащие государству производительные силы в той или иной мере, соответственно своему положению в иерархии данного госаппарата.»* - Бугера (жирное выделение - автора)

Для иллюстрации вышесказанного приведём цитату из работы Вл. Платоненко «Эволюция крестьян и ремесленников, или к какому классу относятся "новые самостоятельные"»:

«Точно также у хозяина, всучившего своему работнику грузовик или автобус, останутся в собственности заправочные станции, ремонтные мастерские, а если надо, то и право заключать договора на перевозку груза или разрешать водителю ездить по тому или иному маршруту. Правда, право — это скорей власть, но власть и собственность — на самом деле две стороны одной медали. Собственность есть власть над предметом, власть есть собственность на принятие решения. И в том и в другом случае мы имеем дел с монополией. Монополия на предмет, монополия на решения — какая разница.

Аналогично обстоит дело и с хозяевами компьютеров, и с иными "новыми самостоятельными". Так же как при акционировании все решает тот, у кого в руках контрольный пакет акций, так и для средств производства существует некий «контрольный пакет», обладание которым позволяет быть фактическим хозяином производства. Не будем здесь выяснять размеры этого «контрольного пакета» собственности. Коню понятно, что компьютер или автобус так же далеки от него, как акция в одну сотую процента от контрольного пакета акций, и что обладание такой малой собственностью для работника скорей обуза, ибо вынуждает его самого заботиться о сохранности своего оборудования и оплачивать амортизацию (проще говоря, износ) оного, что раньше делал капиталист.» (http://mpst.anho.org/sovremennyi-proleteriat/evolyutsiya-krestyan-i-remeslennikov-ili-k-kakomu-klassu-otnosyatsya-novyie-samostoyatelnyie/)

Заслуга Бугеры состоит в том, что он разграничил понятия авторитарной и индивидуальной собственности, что наконец-то внесло ясность в понимание отношений собственности вообще. В частности это уничтожает мнимую противоположность частной и государственной собственности и с другой стороны позволяет качественно различить собственность т.н. "мелкого буржуа", не эксплуатирующего, не управляющего чужим трудом, и собственность хозяина крупного предприятия.

В свете этой теории следующее рассуждение Лебедева выглядит совершенно абсурдным (хотя Лебедев и правильно понял непричастность рабочего-акционера с одной акцией к собственности на предприятие):

«Рабочий-акционер с одной акцией или даже наемный управленец не обладает свободой распоряжения собственностью акционерной компании и все свои действия предпринимает исключительно с формального согласия хозяина. Нередко всевластного менеджера можно одним росчерком пера выставить на улицу. Тем он отличается от реального капиталиста. Пусть даже этот капиталист - хозяин палатки "Ремонт обуви".»

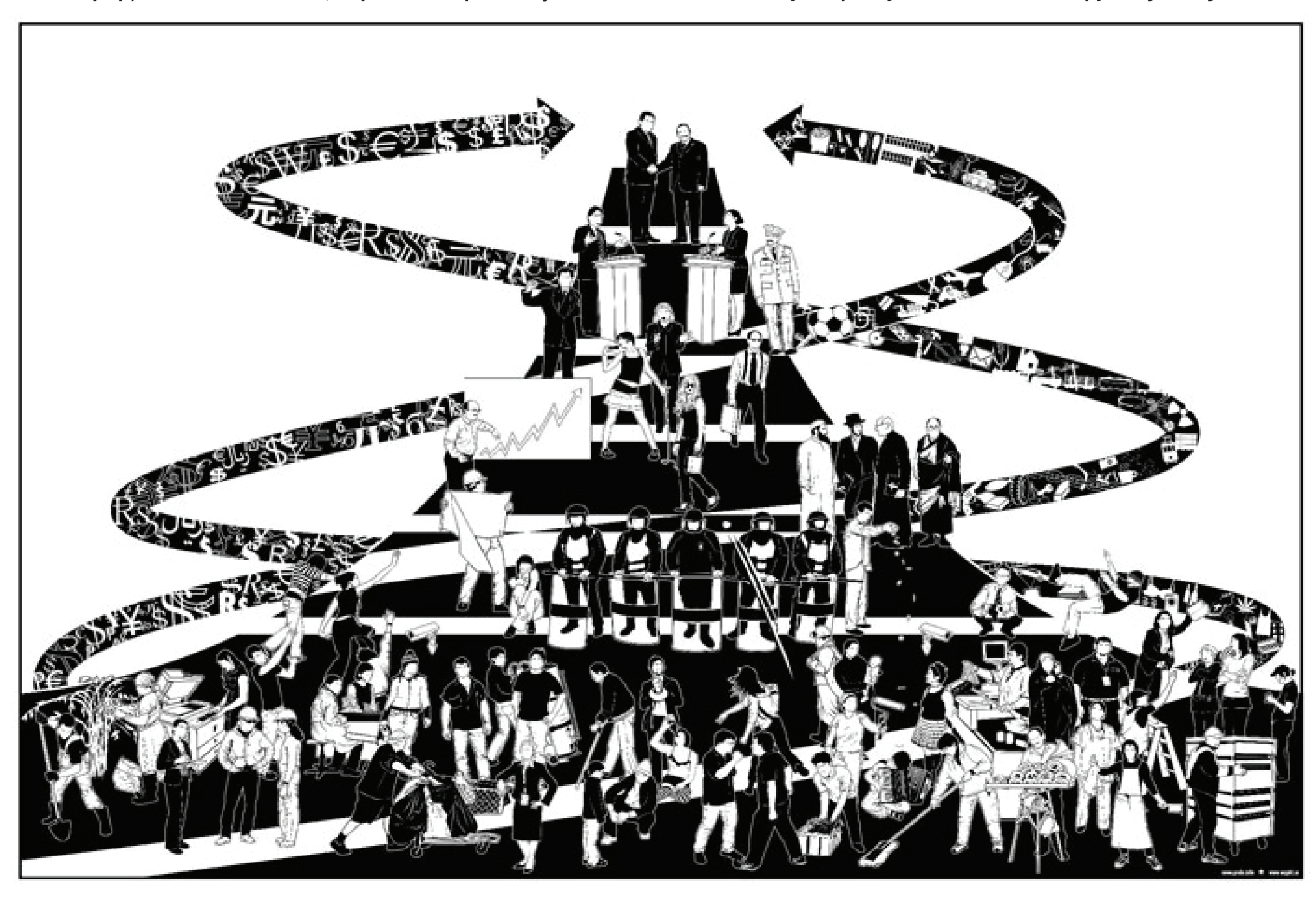
Г.Гагина справедливо критикует Лебедева: *«К сожалению, Лебедев тоже не до конца понимает, что означает класс. И упрекая Инсарова, что тот путает профессию и класс, он сам умудряется путать класс и социальный статус. Главное в определении класса - это отношение людей к средствам производства, а не к орудиям производства, это возможность одних присваивать труд других, из чего следует, что указание, что кто-то является студентом или пенсионером, ничего не может нам сказать, как относится конкретный студент или пенсионер к средствам производства и имеется ли у них возможность присваивать труд других людей, т.е. участвуют ли они в общественном производстве.»* (http://red.gklforum.ru/kak_realnost_ne_pereputat_s_fantaziyami_2)

Но к сожалению дальше она сама допускает ошибку: *«И Лебедев, и Инсаров оба говорят о крестьянстве*

применительно к настоящей России, не замечая того факта, что крестьянства как класса сейчас вообще не существует. Крестьянство это непременный класс крепостнического строя. При капитализме крестьянство сохраняется постольку, поскольку капитализм еще не развит, и только как пережиток крепостничества. С развитием капитализма крестьянство неминуемо распадается на сельскую буржуазию и сельский пролетариат.»

Да, действительно. Если говорить о России, то класс общинного крестьянства как носитель революционно-социалистической альтернативы последовательно уничтожался сначала в ходе гражданской войны, затем классовое расслоение на селе продолжилось при НЭПе и, наконец, крестьянство было переработано в сельский пролетариат на фактически государственных колхозах и совхозах. Говоря о том, к чему привёл подобный курс, А.Никулин отмечает: «*мощная инерция застойных особенностей советской сельской социальной структуры заключалась, во-первых, в высокой забюрократизированности, огосударствленности советского села, проявившаяся в тотальном чиновничьем контроле над новыми формами аграрного подряда и фермерства; во-вторых, в далеко зашедших процессах «раскрестьянивания» деревни, приведших к исчезновению навыков самостоятельных экономик семейных хозяйств и деревенских общин, трансформации бывших крестьянских миров во фрагментарные, часто алкогольно-люмпенизированные механические сообщества наемных рабочих колхозов и совхозов*» (Современные исследования сельской России - http://demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit04.php). В 90-ых годах, пройдя через неудачный опыт насаждения фермерства*, государство взяло курс на создание крупных частнокапиталистических аграрных компаний, контролируемых союзом спекулятивного капитала и коррумпированного чиновничества. При этом сохраняющиеся семейные хозяйства ставятся под контроль более крупных сельхозмонополий и попадают в зависимость от перекупщиков, формально владея собственными средствами производства. Реализуется та самая ситуация, о которой писал Вл. Платоненко в чуть выше процитированном отрывке.

Если же мы будем рассматривать мировую систему в целом, то в ней общинное крестьянство стран третьего мира составляет обширный класс современного общества, который живёт, производит, борется и никуда не спешит исчезать в обозримом будущем. Пролетаризируемое крестьянство не хочет мириться с той ролью, которую отводит для него мировая капиталистическая система, и сражается - не за свободный рынок и частную собственность, а за социализм вопреки всем марксистским догмам. Публицист Михаил Магид пишет в своей заметке о повстанческом движении наксалитов в Индии: «*Идеология наксалитов в изложении их представителей состоит из двух пунктов. Первый озвучен спикером наксалитов Гауром Чакраварти: “Вы утверждаете, что Индия стала независимой, а мы назовем это иначе. Никакой независимости нет. Произошел передел власти. Индия осталась в руках феодалов и иностранных богачей. Иностранцы и богачи грабят страну. В стране действует тот же полицейский закон, что и во времена королевы Виктории, принятый в 1898 г, так о чем вы говорите? Что изменилось? Только лица сидящих в парламенте. Это как если новую пробку вставить в старую бутылку. Обычных*

людей притесняют все так же, и они должны подняться”. Это хорошо бы услышать российским и европейским маоистам, которые поддерживают национально-освободительные буржуазные движения во всем мире, борющиеся за государственную независимость. У наксалитов иное мнение на этот счет.

Дальше самое интересное. Говорит харизматический лидер наксалитов Кишан джи: “Мы призываем к аграрной революции. Мы боремся за права крестьян. У них нет прав, нет земли и леса. Если вы дадите им несколько миллионов рупий - ничего не изменится. Мы - настоящая оппозиция, вот почему мы боремся вместе. Все политические партии одинаковы во всех странах (Или имеются в виду штаты Индии? Это не совсем понятно. - прим. Shraibman). А мы хотим уничтожить государство. Государство будет увеличивать свою силу. Мы должны уничтожить его. Это настоящая война”.» - ИНДИЯ: БЕЗМОЛВНАЯ ВОЙНА (http://shraibman.livejournal.com/718291.html).

Несмотря на эти относительно позитивные сообщения, большинство кретьянских движений в странах третьего мира находятся под контролем маоистов (наксалиты в Индии, ННА на Филиппинах, ФАРК в Колумбии), которые как и все ленинисты держат курс на буржуазную индустриализацию своих стран. В результате получаются такие парадоксальные ситуации, как в Западной Бенгалии, где одно поколение маоистов, дорвавшись до власти, начало осуществлять меры по капиталистической индустриализации с привлечением транснационального капитала, а новое поколение маоистов-наксалитов борется против этого с оружием в руках, вместе с рабочей беднотой и крестьянскими общинами, чью землю государство изымает для нужд промышленности.

Единственным путём вырваться из этого порочного круга воспроизводства капиталистического угнетения является мировая социальная революция, которая объединит революционные силы высокотехнологичного пролетариата запада и промышленного пролетариата и крестьянства востока для нанесения сокрушительного удара двуглавой гидре капитала и государства.

Теперь, когда мы разобрались с экономической основой классового деления, мы можем вернуться к вопросу о том, какие промежуточные слои и при каких условиях могут встать на сторону пролетариата в социальной революции.

Как мы отметили выше, основными классами, на чьи плечи ляжет задача свершения социальной революции, являются класс лишённых власти наёмных работников и класс пролетаризируемого общинного крестьянства. Работники кооперативов, коллективно организующие собственный труд и эксплуатируемые капиталом посредством рынка, являются такими же естественными союзниками пролетариата, как и общинное крестьянство. Индивидуальные ремесленники, мелкие владельцы собственных средств производства (автомобили, компьютеры, швабры и т.п.), не эксплуатирующие чужой труд, являются союзниками пролетариата в той мере, в какой они готовы перейти от индивидуально-авторитарных отношений управления к коллективному управлению общественным производством.

История революционной борьбы угнетённых классов показала, что классовым интересом вышеперечисленных классов является вопреки ленинистской мифологии, созданной вокруг т.н. “мелкой буржуазии”, вовсе не установление частнособственнического капитализма, а социализм (подробнее - см. “Государство и капитал в России” М.Инсарова).

«О необходимости сочетания общинной и пролетарской революций говорил еще Маркс. В черновике письма Вере Засулич, написанном в 1881 году, но опубликованном только в 1924 (!), Маркс черным по белому писал о том, что социалистическая революция в России должна быть общинной, ибо русская община по своему устройству гораздо ближе к коммуне, нежели любая современная ей социальная форма организации. Вместе с тем, для превращения сельской общины в коммуну, по мысли Маркса, нужна материальная база, которая создается капиталистическим обществом. Следовательно, община может получить необходимые ей для переустройства материальные средства только из окружающего ее капиталистического мира, а для этого необходима революция пролетарская.» - Вл.Платоненко (ЭКиР)

Именно поэтому мы выступаем за равноправный союз вышеперечисленных классов в деле строительства нового бесклассового общества. Иначе дело обстоит с теми общественными слоями, кто обладает экономической или политической властью, но тем не менее стоит на низших ступенях в иерархии класса эксплуататоров. Эти менеджеры, мелкие чиновники, мастера с одной стороны страдают от гнёта вышестоящих, с другой - имеют классовый интерес продвинуться выше вверх по иерархии, чтобы самим занять господствующее положение. Поэтому часть из них в случае революционной ситуации может примкнуть к пролетарскому движению: либо по причине искреннего желания уничтожить строй основанный на эксплуатации и иерархии, либо из расчёта на волне пролетарского недовольства выбиться из грязи в князи. Из этого следует, что равноправный союз с представителями данного класса опасен, и если часть этого класса примкнёт к рев. движению, необходимо уделять особое внимание тому, чтобы “менеджеры” не установили свою авторитарную власть над движением.

Возвращаясь к критикам от РКСМБ хочется процитировать баснописца Крылова: *“А вы, друзья, как ни садитесь; Всё в музыканты не годитесь”* Лом, цистерна и автомат не помогут в проведении симфонического концерта. Если в который раз ваши методы приводят к строительству капитализма в странах периферии, то стоит задуматься об их пригодности в деле построения бесклассового общества.

Октябрина

* - Хотя в начале 90-х годов и казалось, что в России набирает обороты фермерское движение, но, достигнув численности примерно в 250 тысяч фермерских хозяйств и произведя максимум 2% сельскохозяйственной продукции страны, фермерство остановилось в своем развитии, а в некоторых регионах даже пошло на спад. (“Современные исследования сельской России”. Александр Никулин. http://demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit04.php)

Левые эсеры – борцы за Советскую власть и против государственного капитализма

В конце 1917г., когда стало ясно, что большевики и Ленин дело построения социализма предполагают осуществить посредством внедрения государственного капитализма, который, как им казалось, являлся единственным выходом из сложной политической и экономической ситуации, сложившейся после Октябрьской революции, ряд революционных социалистических течений, участвовавших в Октябрьской революции – левые эсеры, эсеры-максималисты и анархисты, перешли в оппозицию к большевистскому курсу. Наиболее сильной из этих организаций была Партия левых социалистов-революционеров (ПЛСР).

ПЛСР образовалась в конце 1917г. в результате откола левого крыла от Партии социалистов-революционеров (ПСР). ПСР возникла в 1902г. в результате объединения организаций, стоящих на позициях революционного народничества. В отличие от обеих фракций РСДРП, она считала, что революция в России будет делом не только промышленного пролетариата, но всего трудового народа, т.е. рабочего класса, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции. Продолжая традицию „Народной воли”, ПСР вела вооруженную борьбу против царского режима, уничтожая отличавшихся особым зверством чиновников самодержавия. Сегодня мы должны отдать дань великого уважения героям ПСР – таким, как Егор Сазонов, Иван Каляев, Алексей Ухтомский– кто, не страшась каторги и казни, шел на открытую борьбу с оружием в руках и кто погиб за освобождение угнетенного народа.

ПСР была неоднородной партией, в нее входили как убежденные сторонники социальной революции, так и люди, близкие к буржуазному либерализму. Поэтому в 1906г. от ПСР откололись наиболее левые элементы, создавшие Союз социалистов-революционеров-максималистов (ССРМ), выступивший за немедленную социалистическую революцию. Лучшие кадры ССРМ погибли в вооруженной борьбе с царизмом и капитализмом во время революции 1905г.. и в 1917г. ССРМ был относительно немногочисленной организацией. Точно так же погибли в вооруженной борьбе во время революции 1905г. и наиболее революционные и самоотверженные активисты ПСР, уцелели в ней элементы наиболее оппортунистические, которые после Февральской революции и осуществляли руководство партией. Революционно-интернационалистские элементы ПСР, выступавшие против соглашения с буржуазией и за Советскую власть, в ноябре 1917г. отделились от ПСР и создали самостоятельную организацию – ПЛСР.

В первые месяцы после Октябрьской революции левые эсеры действовали как союзники большевиков, некоторое время входили в Сонет народных комиссаров и образовывали значительную часть депутатов рабочих, солдатских и – особенно – крестьянских Советов. В числе героев революции, погибших в борьбе с буржуазно-помещичьей реакцией, были руководители Донревкома левые эсеры Подтелков и Кривошлыков, бакинские комиссары – члены ПЛСР Везиров и Петров, балтийский матрос левый эсер Борис Донской, уничтоживший командующего кайзеровской оккупационной армией на Украине фельдмаршала Эйхгорна и казненный оккупантами, эсер-максималист из Сибири Василий Неррис, неудачно бросивший бомбу в известного своим садизмом белого атамана Семенова и замученный в белогвардейской конттразведке и многие другие. Революционные преобразования 1917-1918гг. в значительной мере были заслугой небольшевистских революционно-социалистических организаций, участвовавших в Октябрьской революции – ПЛСР, ССРМ и анархистов.

Но крен большевиков в сторону государственного капитализма привел к тому, что пути этих организаций разошлись с путями большевиков, во всяком случае, с путями ленинского большевистского руководства. Распад единого революционного фронта, существовавшего с Февральской революции (первую листовку с призывом к свержению Временного правительства сразу после нее выпустил левый эсер Петр Александрович, расстрелянный

после 6 июля 1918г. большевиками) до лета 1918г., облегчил победы старой контрреволюции в 1918г. и последующую смену Советской власти партийной диктатурой.

Первое серьезное расхождение между левыми эсерами и большевиками возникло по поводу Брестского мира. Левые эсеры были противниками Брестского мира, видя в нем предательство революции на Украине и в Прибалтике. В ответ на возражение Ленина, что войну с немецким империализмом вести невозможно, т.к. нет регулярной армии, левые эсеры отвечали, что регулярная армия – это воспроизведение старорежимных царских порядков, и выдвигали лозунг „Не война, а восстание", означавший отказ от ведения войны посредством регулярной армии, вместо чего предлагалось сочетание партизанской войны, террора и пропагандистской работы по разложению кайзеровской армии, по переагитации немецких солдат на сторону революции.

Вопросом о Брестском мире разногласия левых эсеров, а равным образом эсеров-максималистов, с большевиками не исчерпывались. У них была собственная концепция социализма, отличная от большевистской. Если среди большевиков преобладало унаследованное от социал-демократии представление, что социализм означает передачу средств производства в руки государства, то левые эсеры и максималисты выступали не за национализацию, а за социализацию, не за огосударствление средств производства, а за их обобществление, за то, чтобы производством после революции управлял не чиновничий аппарат, но рабочие союзы и крестьянские общины, договаривающиеся между собой об общих делах и организующие планирование снизу. Подмена социализма государственным капитализмом очень рано подверглась критике со стороны представителей народнического социализма. Уже в написанной в 1902г. Программе ПСР говорилось:

«...ПСР предостерегает рабочий класс против того «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса, отчасти же – своеобразным государственным капитализмом, сосредотачивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии ради ее фискальных и политических целей».

В августе 1918 г. активист Союза эсеров-максималистов Светлов писал:

«Мы являемся противниками государственного капитализма, в который ныне вырождается национализация промышленности, ибо и государственный капитализм вырождается, в свою очередь, в систему государственной эксплуатации и подчинение рабочего класса такому сильному и мощному орудию порабощения, хотя бы по названию оно и было трудовым, а не капиталистическим. Трудовое государство без самодеятельности и творчества трудящихся – это абсурд» (Союз эсеров–максималистов. Документы. Публицистика. 1906–1924 годы. М., 2002., с. 172).

В 1919 г. другой максималист, Нестроев указывал на опасность, которая возникнет для социалистического движения из отождествления огосударствления с социализмом:

«...вырастает...грозное для судеб социализма представление в умах неразвитых широких масс о центральной власти, стоящей над народом и управляющей производством, и работнике, продающем этой власти свою рабочую силу, как раньше он продавал свою силу буржуазии» (там же, с. 265).

Леве эсеры и эсеры-макималисты были революционерами. Они прекрасно понимали, что победа революции невозможна без беспощадной борьбы с буржуазией, без подавления отчаянного сопротивления эксплуататорских классов. Однако они считали, что это подавление должно быть делом не государства, не обособленного от народных масс управленческого и карательного аппарата, воспроизводящего всю старую мерзость и становящегося питомником новых эксплуататоров и паразитов, но делом самих вооруженных трудящихся, их общих собраний и подконтрольных общим собраниям Советов.

Именно ССРМ уже во время революции 1905г. первой из революционных организаций увидел в Советах организационную форму социалистического преобразования мира. Именно ПЛСР и ССРМ во время Великой Революции 1917 – 1921гг. упорно отстаивали Советскую власть как против буржуазного парламентаризма, так и против не менее буржуазной партийной диктатуры. Лидер ПЛСР Мария Спиридонова писала осенью 1918г. о Советской власти:

«Власть Советов – это при всей своей хаотичности большая и лучшая выборность, чем все учредилки, думы и земства. Власть Советов – аппарат самоуправления

трудящихся масс, чутко отражающий их волю, настроения и чаяния. И когда каждая фабрика, каждый завод и село имели право через перевыборы своего советского делегата влиять на работу государственного аппарата и защищать себя в частном и общем смысле, то это действительно было самоуправлением. Всякий произвол и насилие, все грехи, естественные при первых попытках массы управлять и управляться, легко излечимы, т.к. принцип не ограниченной никаким временем выборности и власти населения над своим избранником даст возможность исправить свого делегата радикально, заменив его честнейшим и лучшим, известным по всему селу и заводу... Для того, чтобы Советская власть была чутка, барометрична и спаянна с народом, нужна беспредельная свобода выборов, игра стихий народных, и тогда-то и родится творчество, новая жизнь, новое устроение и борьба. И только тогда массы будут чувствовать, что все происходящее – их дело, а не чужое. Что она сама, масса, творец своей судьбы, а не кто-то ее опекает, и благотворит, и адвокатит, как в учредилке и других парламентарных учреждениях, и только тогда она будет способна к безграничному подвигу.» (К.В. Гусев. Эсеровская богородица. М., 1992, сс. 129 – 130).

Революционные народники не отрицали инициативной роли революционного меньшинства и революционной организации. Однако, на их взгляд, революционная организация, чтобы не перестать быть революционной, не должна командовать пролетариатом. Максималист Нестроев писал о позициях ССРМ:

«Максимализму чуждо стремление управлять массами, подменять программу народного максимализма программным максимализмом своей организации, ибо для него “освобождение рабочих – дело самих рабочих” – не звук пустой, не лозунг для вовлечения масс в борьбу для захвата власти и проведения затем своей программы, а девиз самоосвобождения, который, претворяясь в жизнь, только и может привести к победе социальной революции. Наша роль сводится только к роли помощников народных, к роли агитаторов и проповедников максимализма через наши организации, должных влиять на стихийное движение народа, направлять его на путь творчества новых, справедливых форм общественной жизни, влиять на народ примером, опытом и жизнью своею, сливаясь с ним, входя в организации, созданные самим народом, работая с ним на поле, на заводе, на фабрике и в казарме, пока она существует.» (Союз эсеров–максималистов. Документы. Публицистика. 1906–1924 годы. М., 2002.,,, сс. 269–270).

Иначе говоря, максималисты считали, что революционная организация должна быть руководителем пролетариата, влияющим на него посредством убеждения и примера, а не управителем над пролетариатом, воздействующим на него принуждением и подкупом; должна являться самой решительной, смелой и дальновидной частью пролетарского класса, увлекающей за собой весь класс, а не стоящим над пролетариатом слоем новых начальников и господ. „Власть Советам, а не партиям!” – на таких позициях стояли ПЛСР и ССРМ во время Великой Революции 1917-1921гг.

Беззаветные борцы за Советскую власть и Октябрьскую революцию, революционные народники из ПЛСР и ССРМ были первыми, кто подверг критике их бюрократическое перерождение. М. Спиридонова в „Открытом письме ЦК РКП(б)” (ноябрь 1918г.) писала:

«Октябрьская революция, в которой мы шли вместе с вами [большевиками], должна была кончиться победой, т.к. основания и лозунги ее объективно и субъективно необходимы в нашей исторической действительности, и они были дружно поддержаны трудящимися массами. Это была действительно революция трудящихся масс, и Советская власть буквально покоилась в недрах ее...

Но ваша [большевиков] политика объективно оказалась сплошным надувательством трудящихся.

Вместо социализированной промышленности – государственный капитализм и капиталистическая государственность; принудительно-эксплуатационный характер остается, с небольшой разницей насчет распределения прибыли – с небольшой, т.к. ваше многочисленное чиновничество в этом строю сожрет больше кучки буржуазии...» (К.В. Гусев. Эсеровская богородица. М., 1992, с. 127).

В феврале 1922г. Объединение левого народничества, куда вошли ССРМ и часть ПЛСР, давали следующую характеристику нэпа:

«Нэп ставит Советскую Россию в ряды буржуазно–капиталистических государств с тем лишь различием, что хозяйство этих стран развивается при наличии политических свобод, до сих пор не признанных диктатурой РКП, что роднит Советскую Россию со странами самодержавными и бюрократическими» (Союз эсеров-максималистов..., с. 371).

Вот как описывало Объединение левого народничества двусмысленное положение РКП, *«играющей двойственную классовую роль государства–хозяина–работодателя и в то же время пытающейся быть выразительницей воли трудящихся масс; роль насадителя капиталистических отношений в России и в то же время – борца с буржуазией и нэпманами за рабочие интересы; роль государства–капиталиста, с одной стороны, эксплуатирующего деревню путем бесчисленных денежных и натуральных, прямых и косвенных трудпродгужналогов, с другой стороны, пытающейся восстановить сельское хозяйство; роль мнимого защитника интересов деревенской бедноты при одновременной ставке на отрубника, на крепкого столыпинского мужика; наконец, роль буржуазного дипломата, заигрывающего с Муссолини,*

Кемаль-пашой и Эррио и в то же время подготавливающего через Коммунистический Интернационал мировую социалистическую революцию...

В этих условиях отхода правящей РКП от октябрьских позиций, левонародничество становится единственной программой и идеологией, верной лучшим октябрьским заветам, идеалам перманентной социалистической революции» (там же, сс. 389, 375).

Трагедия партии левых эсеров во время Октябрьской революции состояла в том, что она возникла слишком поздно.Она развивалась вместе с революцией, но катастрофически запаздывала. Ее программа социальной революции в развернутом виде была сформирована только после катастрофы 6 июля, когда было уже слишком поздно. Поэтому ПЛСР не смогла победить в своей борьбе с ленинским курсом на путь к социализму (как казалось Ленину) через государственный капитализм.

Движимые справедливым революционным возмущением немецким империализмом, левые эсеры осуществили 6 июля 1918г. уничтожение немецкого посла Мирбаха, не думая о политических последствиях этого акта и не будучи к ним готовыми. Это стало катастрофой для партии, которая затем раскололась на множество течений, расходящихся по вопросу об отношении к большевикам (поддерживать ли их против белогвардейской конттреволюции или считать такими же контрреволюционерами, как и белых) и была окончательно разгромлена полицейским террором в начале 1920-х годов. Ее бывшие руководители и активисты после долгих лет тюрем и ссылок были уничтожены сталинским террором.

Но на опыте их борьбы, их подвигов и их ошибок необходимо учиться всем нам, всем, кто в новых- и тоже весьма нелегких- условиях продолжает их борьбу, борьбу за всеохватывающее освобождение угнетенного пролетарского класса...

Закончить статью хотелось бы словами из уже цитированного „Открытого письма ЦК РКП(б)" Марии Спиридоновой:

«Социализм должен осуществиться, т.к. этого требуют интересы огромного большинства трудящихся, т.к. капиталистическое развитие подготовило почву и укрепило класс, непосредственно заинтересованный в социализме – он должен быть, как неизбежный результат всей теперешней исторической катастрофы. Это научное обоснование социалистической веры не может быть поколеблено никакими неудачами, но она имеет и идеалистические, иррациональные корни. Вера в социализм есть вместе с тем вера в лучшее будущее человечества, в добро, правду и красоту, в прекращение всех форм гнета и насилия, в осуществление братства и равенства на земле...

Наша партия левых социалистов-революционеров интернационалистов единственно последовательная и стойкая интернационалистическая партия. Партия крестьян и рабочих, партия власти Советов, свободно выбранных трудящимися. Партия непримиримой борьбы с богачами и угнетателями всех стран, партия, не запятнавшая себя соглашательством ни с какой буржуазией, ни с каким империализмом, не загрязнившая своих рук использованием старого аппарата сыска и насилия буржуазной государственности, партия светлой, могучей веры в социализм и Интернационал, имеет огромное будущее.

Истребить ее невозможно ни вам [большевикам], ни временной реакции, т.к. и она, и ее идеи живут в массах, коренятся в глубинах их психологии, и революционное мировое возрождение всего человечества неминуемо произойдет под знаком ее Идеи, идеи освобождения Человеческой Личности...» (К.В. Гусев. Эсеровская богородица. М., 1992, сс. 137, 144).

Марлен Инсаров(«Комуна»)

Платформа СРС

Мы – *социалисты*, и мы – *революционеры.*

Мы – социалисты, потому что мы убеждены, что человеческое достоинство, человеческая свобода и счастье могут быть обеспечены только в бесклассовом, бестоварном и безгосударственном обществе, в обществе, где война всех против всех сменится товарищеским сотрудничеством, в обществе, где освободившиеся от проклятий старого мира люди станут хозяевами собственной судьбы.

Мы – революционеры, потому что мы убеждены, что социализм может быть достигнут только действием и борьбой самого угнетенного класса, что его не создадут никакие спасители сверху – «ни бог, ни царь и ни герой», что он может быть достигнут лишь всеохватывающей освободительной социальной революцией самого угнетенного класса, революцией, в ходе которой угнетенные устанавливают власть своих общих собраний.

Борясь за всемирную социальную революцию, мы продолжаем дело всех героев и мучеников освободительной борьбы угнетенных классов прошлых времен – от повстанцев Спартака и Степана Разина до установивших на короткое время свою власть во время Великой Российской Революции 1917-1921гг. рабочих Петрограда и крестьян Гуляй-Поля; продолжаем дело таких революционных организаций прошлого, как Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал), Северорусский и Южнорусский рабочие союзы, Индустриальные рабочие мира, Союз эсеров-максималистов, Партия левых эсеров, Коммунистическая рабочая партия Германии и Всеобщий рабочий союз Германии – Единство, Рабочая федерация аргентинского региона и других революционно-социалистических организаций прошлого. Продолжаем дело таких идейных традиций, как революционные течения марксизма, левое народничество и пролетарский анархизм.

Наш революционный социализм есть продолжение этих великих революционных течений прошлого при снятии их устаревших ошибок и недостатков. Мы не только продолжаем старое, но мы – и это самое главное – начинаем новое, стремимся создать революционное движение, которое доведёт до победы вековую борьбу угнетённых классов за своё освобождение. Являясь сторонниками материалистического понимания истории, мы развиваем его и переводим на новую стадию, основываясь на фактическом материале истории и новейших достижениях науки. Мы создаём революционное движение и революционную теорию, адекватные современному состоянию классовой борьбы пролетариата.

Мы считаем:

1. Общество, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех – это коммунизм, общество без частной собственности, классов, государства, наемного труда, денег и товарного производства, общество не конкурентной борьбы всех против всех, а товарищеского сотрудничества. Победа этого общества является возможной и необходимой. Необходимой, потому что только при этом обществе человечество не погибнет от вызванных капитализмом катастроф и сможет развиваться дальше; возможной, потому что современные производительные силы позволяют уничтожить первопричину классового деления общества – разделение труда на организаторский и исполнительский.

2. Переход к коммунизму может быть осуществлен только посредством революции, осуществленной пролетариатом – угнетённым классом капиталистического общества, лишенным политической и экономической власти.

3. Революция означает разрушение восставшими пролетариями буржуазной государственной машины (бюрократии, милиции и т.п.) и коллективную экспроприацию ими капиталистической собственности, всеохватывающую социализацию производства.

4. Разрушив буржуазную государственную машину, пролетарии не должны передоверять свою власть никому. Вся власть должна принадлежать общим собраниям трудящихся. Увеличение свободного времени позволит каждому непосредственно принимать участие в управлении обществом.

5. После революции все производство должно управляться общими собраниями трудящихся и ориентироваться на удовлетворение человеческих потребностей, что будет следствием социализации производства.

6. Во всех странах современного мира независимо от разницы их политических форм – господствует диктатура капитала в форме диктатуры буржуазного государства. Парламентская демократия есть лишь замаскированная форма этой диктатуры. Любые попытки трудящихся играть по правилам, установленным их угнетателями, ведут лишь к поражению и деморализации трудящихся. Поэтому освободительное движение пролетариата не может поддерживать какую-то одну из буржуазных группировок против другой, не может отстаивать одну форму диктатуры буржуазии против другой (демократии против фашизма) и не может участвовать в выборах в органы буржуазной власти, в выборах, которые для угнетённых означают лишь смену их хозяев.

7. Исторический опыт показывает, что национальное неравенство и национальный гнёт являются неизбежным следствием существования национального буржуазного государства, выдвижение лозунга о праве наций на самоопределение и поддержка «национально-освободительных» движений не способны привести к уничтожению национального неравенства и гнёта, а лишь превращают трудящихся в пушечное мясо в войнах буржуазных клик. Единственное средство уничтожения национального неравенства и гнёта – это разрушение всех национальных государств, уничтожение всех границ и установление безнациональной власти общих собраний, при которой будет возможно свободное и равноправное развитие всех этнических и неэтнических культур.

8. В современном мире профсоюзы являются конторами по продаже особого товара – рабочей силы, приводным ремнём от буржуазии к пролетариату, инструментами подчинения пролетарской борьбы интересам буржуазии. Все попытки преобразования существующих профсоюзов или создания новых радикальных профсоюзов обречены на неудачу и ведут лишь к деморализации имеющих подобные иллюзии, трудящихся. Наша задача – объяснять людям труда, как входящим, так и не входящим в профсоюзы, что освобождение угнетенных может быть лишь делом самих угнетенных, пролетариям бесполезно надеяться на партийных и профсоюзных чиновников, на парламентскую возню и хождение по судам.

9. Освободительная борьба класса пролетариев – это борьба методом прямого действия (забастовки, перекрытия дорог и т.п.). Именно в ходе такой борьбы угнетенный класс воспитывает в себе чувство солидарности и классовую сознательность, приобретает навыки самоорганизации и самоуправления, необходимые для совершения революции. В современных условиях единственными эффективными формами организации и освободительной борьбы пролетариата являются возникающие в ходе подъёма классовой борьбы общие собрания трудящихся. Создание революционной организации соединяющей борьбу за конкретные требования, уже выдвинутые общими собраниями трудящихся, с борьбой за социальную революцию является нашей целью.

10. Так как в СССР и подобных ему странах власть принадлежала эксплуататорскому классу государственной буржуазии, а трудящиеся оставались лишенными власти и собственности наемными рабами, эти страны не были социалистическими, но являлись обществами государственного капитализма, наёмного труда и господства товарно-денежных отношений. Все организации, выступающие за реставрацию существовавших в СССР порядков, хотят лишь замены одной формы эксплуатации на другую, и являются врагами освободительной борьбы пролетариата.

11. Социализм невозможен в одной отдельно взятой стране или группе стран, а возможен лишь как мировая система, как результат мировой социальной революции. Ликвидировать мировую систему капитализма, систему эксплуатации человека человеком можно только совместными усилиями сознательных и организованных представителей всех угнетённых классов всех или большинства стран мира.

12. Патриотизм сегодня есть реакционная идеология господствующего класса, которая поддерживает эксплуататорский строй, систему наемного рабства. Долг каждого сознательного пролетария бороться с патриотизмом и шовинизмом в любой его форме. Пролетарии не имеют отечества. Нет – войнам между народами, нет – миру между классами!

13. В перспективе задачей революционных социалистов является формирование нового Интернационала, который своим действием и примером инициирует и объединит борьбу всего угнетённого класса. Лозунгами этого нового Интернационал должны быть:

Угнетённые и эксплуатируемые всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует Мировая Коммуна!

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем — тот станет всем!

Это есть наш последний
И решительный бой;
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой —
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,
Отвоевать своё добро, —
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Довольно кровь сосать, вампиры,
Тюрьмой, налогом, нищетой!
У вас — вся власть, все блага мира,
А наше право — звук пустой!
Мы жизнь построим по-иному —
И вот наш лозунг боевой:
Вся власть народу трудовому!
А дармоедов всех долой!

Презренны вы в своём богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунеядцы,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты —
Всё нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом.

Довольно королям в угоду
Дурманить нас в чаду войны!
Война тиранам! Мир Народу!
Бастуйте, армии сыны!
Когда ж тираны нас заставят
В бою геройски пасть за них —
Убийцы, в вас тогда направим
Мы жерла пушек боевых!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда
Владеть землёй имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё также солнце станет
Сиять огнём своих лучей.

МАРШ АНАРХИСТОВ

Споемте же песню под громы ударов,
Под взрывы и пули, под пламя пожаров,
Под знаменем черным гигантской борьбы,
Под звуки набата призывной трубы!
Разрушимте, братья, дворцы и кумиры,
Сбивайте оковы, срывая порфиры;
Довольно покорной и рабской любви -
Мы горе народа затопим в крови!

Проснулась, восстанет народная воля
На стоны коммуны, на зов Равашоля,
На крики о мести погибших людей,
Под гнетом буржуя, в петле палачей.
Их много, без счета, нуждою разбитых,
Погибших в остроге, на плахе убитых,
Их много, о правда, служивших тебе
И павших в геройской, неравной борьбе:

Их стоны витают над небом России,
Их стоны, призывы, как ропот стихии,
Звучат над Парижем, Кайеной глухой
И нас призывают на доблестный бой.
Споемте же песню под громы ударов,
Под взрывы и пули, под пламя пожаров,
Под знаменем черным гигантской борьбы,
Под звуки набата призывной трубы!

WWW.REVSOC.ORG